

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Асонов Н.В.* Проблема сохранения духовно-нравственных императивов как главное условие развития цивилизационной идентичности России 5
- Гамбеева Ю.Н., Строшкова Н.Т.* Вовлеченность в занятия физической культурой и спортом населения города: социологический аспект 8
- Суворов В.В., Киселев А.Р.* Социальные аспекты реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста 14

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Мецлер А.В., Енацкая Н.И.* Теоретический подход к социологическому анализу социальных практик реабилитации и адаптации людей с ментальными расстройствами 19
- Васильев Н.А.* Основные тенденции развития социальных сетей (на пути к новому социальному миру) 22
- Шмарин Ю.В., Ваш Ю.Ф.* Возможности и барьеры управления организационным развитием малого бизнеса в условиях турбулентной среды 27
- Завьялов А.Е.* Цифровые технологии, как фактор формирования здорового образа жизни 30
- Киритив А.М.* Зарубежный опыт управления молодежной политикой 34
- Семиколленова Ю.А.* Основные этапы реализации процесса управления внутренней социальной политикой в бизнес-организации: социологический анализ 37
- Ушаков Е.В.* Экспериментальные площадки для городского управления: понятие живых лабораторий 40
- Ху Синьци.* Анализ концепции построения сообщества единой судьбы человечества с позиции международной политической социологии 44

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Абдулаева З.Э., Вагабова Н.М.* Этика современных медицинских исследований 47
- Беликова Е.К.* Философская проблематизация использования информационных технологий в преподавании иностранного языка 51

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.10.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Пичугин В.Г.</i> История как основа стабильного развития социума	55	<i>Швачкина Л.А., Родионова В.И., Мамедов Д.Б.</i> Теоретико-методологический анализ понятия «коммуникативные практики» в аспекте философской антропологии.....	101
<i>Добронравова У.В.</i> Формирование требований к философскому мысленному эксперименту	59	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ	
<i>Дрожжина С.В.</i> Феномен ответственности как базовой жизнесохраняющей ценности: социально-философский анализ	65	<i>Казаков М.А.</i> Элементы социального гуманизма в социокультурном, коммуникационном, образовательном пространствах современной политики: особенности восприятия и практико-ориентированные задачи.....	105
<i>Илларионов Г.А., Грицков Ю.В., Морозова О.Ф., Рахинский Д.В.</i> Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта	71	<i>Михайленок О.М., Назаренко А.В.</i> Сетевизация политических отношений: источник, способ, среда (часть II: способ и среда политического)	112
<i>Кафтан В.В., Молодцов И.Н.</i> Тренды развития коммуникативных технологий современной информационной войны	75	<i>Мустакимов А.В.</i> Периодизация эволюции политического сознания россиян в постсоветский период: структурообразующие концепты	118
<i>Коренева А.Ю.</i> Музей и тишина: историческая ретроспектива	79	<i>Хлынин А.П.</i> Специфика формирования властной элиты в России.....	124
<i>Добронравова У.В.</i> Функции мысленного эксперимента в античной философии: на примере военно-исторических источников с VIII в. до н.э. до IV в.н.э.....	83	МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Пичугин В.Г.</i> Репрезентация образов прошлого в практиках социального конструирования	89	<i>Кузнецова Т.А., Коровина Л.В.</i> Лингвосемантические аспекты воспроизведения дискурса новой холодной войны в условиях перехода к многополярному миру в современном английском языке (в том числе, в социальных сетях)	128
<i>Ушаков Е.В.</i> Проблемы демократии и общества знаний в концепции умного управления (smart governance) Хельмута Вильке	93		
<i>Хандогин Р.В.</i> Проблема сущности цифрового искусства в его произведениях и теоретических образах	97		

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Asonov N.V.* The problem of preserving spiritual and moral imperatives as the main condition for the development of Russia's civilizational identity 5
- Gambееva Y.N., Stroskova N.T.* Involvement in physical activity and sports of the city population: sociological aspect 8
- Suvorov V.V., Kiselev A.R.* Social aspects of rehabilitation of cognitive impairments in people of working age 14

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Metsler A.V., Enatskaya N.I.* Theoretical approach to the sociological analysis of social practices of rehabilitation and adaptation of people with mental disorders 19
- Vasilyev N.A.* Main trends of social networks development: on the way to the new social world 22
- Shmarion Yu.V., Vash Yu.F.* Opportunities and barriers to manage organizational development of small business in a turbulent environment 27
- Zavyalov A.E.* Digital technologies as a factor in the formation of a healthy lifestyle 30
- Kiritiv A.M.* Foreign experience in youth policy management 34
- Semikolenova Yu.A.* The main stages of the implementation of the internal social policy management process in a business organization: sociological analysis 37
- Ushakov E.V.* Experimental sites for solving urban governance problems: the concept of living labs 40
- Hu Xinqi.* Analysis of the concept of building a community with a common destiny of mankind from the standpoint of international political sociology 44

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

- Abdulaeva Z.E., Vagabova N.M.* Ethics of modern medical research 47
- Belikova E.K.* Philosophical issues related to digital technologies in teaching foreign language 51
- Pichugin V.G.* History as the basis for the stable development of society 55
- Dobronravova U.V.* Formation of requirements for a philosophical thought experiment 59
- Drozhdzina S.V.* The phenomenon of responsibility as a basic lifepreservation value: social and philosophical analysis 65

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.10.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Illarionov G.A., Gritskov Y.V., Morozova O.F., Rakhinsky D.V.</i> Traditional values: correlation of scientific concept and political project.....	71
<i>Kaftan V.V., Molodtsov I.N.</i> Trends in the development of communication technologies of modern information warfare.....	75
<i>Koreneva A.Y.</i> Museum and Silence: A Historical Retrospective.....	79
<i>Dobronravova U.V.</i> Functions of a thought experiment in ancient philosophy: based on the example of military historical sources from the 8th century. BC. until the 4th century AD.....	83
<i>Pichugin V.G.</i> Representation of images of the past in the practices of social construction.....	89
<i>Ushakov E.V.</i> Problems of democracy and the knowledge society in the concept of smart governance by Helmut Wilke.....	93
<i>Khandogin R.V.</i> The problem of the essence of digital art in its works and theoretical images.....	97
<i>Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Mamedov Ja.B.</i> Theoretical and methodological analysis of the concept of “communicative practices” in the aspect of philosophical anthropology.....	101

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Kazakov M.A.</i> Elements of social humanism in the sociocultural, communication, educational spaces of modern politics: features of perception and practice-oriented tasks.....	105
<i>Mikhaylenok O.M., Nazarenko A.V.</i> Networking of political relations: source, method, environment (part II: method and environment of politics).....	112
<i>Mustakimov A.V.</i> Periodization of the evolution of political consciousness of Russians in the post-Soviet period: structure-forming concepts.....	118
<i>Khlynin A.P.</i> The specifics of the formation of the power elite in Russia.....	124

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kuznetsova T.A., Korovina L.V.</i> Linguosemantic aspects of reproducing the discourse of the new cold war in the midst of the transition to a multipolar world in the modern English language (including social networks).....	128
--	-----

Проблема сохранения духовно-нравственных императивов как главное условие развития цивилизационной идентичности России

Асонов Николай Васильевич,

д.п.н., профессор кафедры политологии МПГУ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: nbassonov@yandex.ru

Автор, исследуя проблему сохранения духовно-нравственных императивов в современной России, пришел к следующему выводу. В настоящих условиях традиционное для России доминирование православных духовно-нравственных установок, уступает место исламу, получившему приоритетную поддержку не только со стороны российской власти, но и североатлантического сообщества. Ими ислам используется в качестве главной ударной силы в борьбе с «русским коммунизмом» и РПЦ, вставшими в оппозицию к конституционным нормам современной России, ориентированным на либеральный западный стандарт.

Ключевые слова: Россия, духовно-нравственные императивы, цивилизационная идентичность, исторический союз поколений, историческая память, служение.

Слом коммунистического режима в СССР, представлявшего собой уникальную цивилизационную модель организации государства и общества, открыл путь для новой перестройки управления и ценностно-целевых установок не только российской власти, но и всего мира. Если в годы «холодной войны» главное политическое противостояние шло по линии формационного раздела, поделившего все страны на «друзей» и «врагов» социалистической ориентации, то с 90-х годов прошлого века обозначились новые приоритеты. Согласно исследованиям специалистов-международников, главной особенностью политического противостояния в глобальном масштабе, как, впрочем, и внутри самих стран, стала борьба между собой цивилизаций, а не партий и государств.

Следовательно, надо готовиться к тому, что «наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, богатыми и бедными, а между народами различной культурной идентичности» [5, с. 22]. Поддержку им в этой разгорающейся борьбе будут оказывать национальные государства, среди которых максимальную активность начинают проявлять не-западные страны. С точки зрения Г. Киссинджера главными игроками международной системы в текущем XXI веке могут быть только шесть основных участников: «Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия». Существенную лепту в нагнетание межцивилизационных противоречий внесет «множество средних и малых государств» [7, с. 23–34]. Среди них самой заметной силой становятся страны исламского мира, стремящиеся к максимальному расширению зоны своего политического и культурно-религиозного влияния во всех регионах планеты, включая Россию.

Поэтому проблема сохранения духовно-нравственных императивов как главного условия реализации цивилизационной идентичности России может решаться по нескольким направлениям. Самым очевидным на сегодняшний день стало открытое сближение России с миром ислама, предоставляющее ему все больше и больше предпочтений в ущерб интересам титульной нации и ее культурно-историческому коду. Тем самым формально реализуется идея новых евразийцев типа С.Б. Станкевича и А.Г. Дугина, получивших за свои взгляды некоторую популярность на Западе. Видимо, в угоду Западу они решили связать защиту национальных интересов России с проведением «значительной переориентации наших возможностей, наших связей в пользу Азии или восточного направления» [8, с. 48–49]. Если к этому добавить курс на сближение со странами Африки, в числе которых заметное место отведено тем, которые в той или иной степени ориентированы на ислам, то можно понять скрытые причины обращения действующей российской власти к защите традиционных ценностей. Их суть сводится

Статья подготовлена в рамках темы Образы и нарративы исторической памяти российского общества: ценностный императив гражданского активизма. Номер государственной регистрации 123091200055–4 при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН.

к реализации глобального проекта под видом широкого объединения не-западных стран на поле России.

Ведь доверие титульной нации к правящей партии и президенту страны все больше падает, и поддерживать его на высоком уровне становится все труднее. Это ведет к укреплению позиций КПРФ и ее союзников по левопатриотическому фронту, что не устраивает и сам «коллективный Запад», опасаящийся усиление КНР за счет России. Поэтому в сторону Пекина, как и Пхеньяна, должен работать только отвлекающий маневр. Зато сохранение открытого курса на сближение с ЕС и США, как это было еще недавно, грозит полной утратой легитимности не только президенту и «Единой России», но и всем формально оппозиционным партиям, поддерживающим действующий конституционный строй. Тут остается только одно, заручившись патриотической идеологией, искать помощи у авангарда исламской уммы, представленного у нас республиками Северного Кавказа, Татарстаном и Башкирией, где были сильные мирные мазхабы ханафитского и шафиитского толка суннизма.

Боязнь потерять завоеванные позиции толкает их на сближение с российской властью, свидетельством чего стала Социальная доктрина мусульман России. Она, перечеркнув общественно-политические установки своих единоверцев, принятые в Советский период, открыто взяла под защиту Ельцинскую Конституцию и указала на ее гуманистический характер, давший мусульманам России самые широкие права и свободы, которых они ранее не имели. При этом, исламские ученые и теологи, создавая данную доктрину, постарались с ее помощью максимально использовать авторитет своей конфессии в целях легитимации современного российского государства и стоящей во главе его власти. Она была подана как точное отражение канонических требований ислама, принявшего «принцип мирного сосуществования верующих и неверующих». С опорой на исторические примеры идеологи мирных мазхабов доказывали, что «шариат утверждает не только веротерпимость, но и справедливость как социально-нравственный принцип». Сегодня он является духовной альтернативой либеральному культу потребления и гедонизма, позволяя сохранить свои национально-исторические традиции, т.е. восстановить исторический союз поколений. При этом шестой раздел данного документа требует понимать действующую Конституцию, а равно и все государственное законодательство «как общественный договор». Его соблюдение сравнивается с религиозным долгом, в рамках которого каждый российский мусульманин обязан смотреть на свою родину как на территорию «договора» и «мира», а не «войны». Поэтому нарушение законодательства и следующих из него гражданских обязанностей, включая призывы к участию в акциях гражданского неповиновения и мятежа, «греховны и недопустимы!».

Из всего сказанного вытекает несложный вывод о необходимости увеличения в России числа мусульман как главной социальной опоры действующей власти, ибо такая помощь помогает «гасить» популярность «русского марксизма», имеющего культурно-исторические связи со славянским менталитетом, противостоящим конституционным принципам 1993 года. Ведь, как подчеркивал Дж. Тойнби, «русскому человеку XX века, отцом которого был «славянофил» XIX века, а дедом – истый православный христианин, легко было стать убежденным марксистом». Для каждого из них «Россия – всегда «Священная Россия», а Западный мир... навсегда погряз в ереси, коррупции и разложении» [4, с. 109]. Неслучайно эта установка оказалась основой политической доктрины СССР, исходившей из принципа неприятия За-

пада и его систем управления. Коммунистам потребовалось поднять национальное самосознание титульной нации, ставшей этнокультурным каркасом страны. Тему «Великой Руси», создавшей «могучий Советский Союз», дополнил принцип соборности, живым продолжением которого стала власть Советов как положительная альтернатива идее парламентаризма, вписанной в пятую конституцию России. Парламентаризм был отвергнут не только сторонниками КПРФ, но и самим православным духовенством как «симптом начала необратимого разрушения государственного механизма» [3, с. 526].

Основы социальной концепции РПЦ, принятой Архиерейским Собором в 2000 г., вообще не рассматривают главный закон страны как юридическое олицетворение духовно-нравственных императивов истинной веры, правила которой вошли в повседневный быт подавляющей части россиян и стали фундаментом цивилизационной специфики России как центра славяно-православного мира. В данной концепции глава «Церковь и государство» прямо указывала, что хоть правовой суверенитет принадлежит государственной власти, она все равно вторична по отношению к власти духовной. Только Церковь является на земле Богоустановленной реальностью. Следовательно, ни один институт светской власти не должен и не может себя абсолютизировать, не зависимо от того, какой формой демократии он себя прикрывает. Тем самым РПЦ дала понять руководству нашей страны, что сложившаяся в ходе «перестройки» система организации управления и свойственные ей ценностно-целевые ориентиры не имеют никакой связи с духовно-нравственными императивами России, т.к. идут вразрез с православным пониманием правильной (Божеской) модели государственного и общественного устройства. Подстраиваться под новые стандарты РПЦ не желает и говорит о невозможности мировоззренческого примирения церковного вероучения с либеральной теорией общественного договора и нормативами поведения граждан, которые из нее вытекают и по сути дела рвут исторический союз поколений.

Серьезный удар по интересам действующей власти, стремящейся к укреплению своей легитимности, нанесла другая категоричная установка идеологов РПЦ. Она отмечает, что только «при монархии власть остается богоданной», поскольку растущее нравственное разложение людей можно приостановить в первую очередь не духовным авторитетом Церкви, а силой принуждения, «заменив Царя незримого царем видимым. Современные демократии, в том числе монархические по форме, не ищут Божественной санкции власти», ибо представляют собой «форму власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов» [6, с. 633]. Следовательно, они не даны, а попущены Богом как одна из форм политического зла.

Ведь, если честно оценивать идейное содержание Конституции 1993 г. и ее последующих поправок, то можно заметить полный разрыв в нашей стране исторического союза поколений, а значит и той исторической памяти, построенной на служении иным мировоззренческим идеалам. По этой причине Основы социальной концепции РПЦ предлагают православным людям встать на путь пассивной социальной борьбы и не поддаваться антихристианским конституционным установкам. Если люди видят «нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих», то они могут занять «позицию мирного гражданского неповиновения».

Неудивительно, что этот документ вызвал у президента России сдержанное раздражение. Ведь его «новый курс» не привел к отказу от либерального содержания

пятой Конституции и потому не получил той безусловной поддержки, которую дала ему доктрина мусульман России. Значит, идея деконфессионализации духовно-нравственных императивов, нашей цивилизационной идентичности и исторического союза поколений, обязанная строиться на основе действующего законодательства, пока носит чисто декларативный характер. Ее окончательное решение откладывается на ближайшую перспективу, когда светская власть сможет подчинить себе в полной мере православную церковь. В этом деле она должна рассчитывать не только на поддержку исламского сообщества, но и стран Запада, представляющих североатлантическую цивилизацию и заинтересованных в усилении своего влияния на Россию. По мнению Г. Киссинджера итогом такого влияния станет полное «обращение противника в свою веру» [2, с. 104]. Это значит, что либеральный стандарт, прописанный в 1-й Главе нашей пятой Конституции, должен быть принят всеми без исключения.

И если РПЦ вслед за КПРФ тормозит данный процесс, то ей надо объявить войну, привлекая для этого на помощь российской власти ее временных союзников, представляющих арабо-мусульманскую цивилизацию и даже коммунистический Китай и Африку. Согласно размышлениям Р. Штаркмана, занимающегося продвижением американского католицизма на территорию России, «русские религиозные традиции» ведут к «сплочению русских против Америки, которое можно предотвратить, поощряя плюрализм во всех областях человеческой жизни, прежде всего, в идеологической и религиозной. Таким образом, Америка заинтересована в укреплении и росте в России нерусских религий и философий» [1, с. 14–15].

В этих целях еще в ноябре 2016 г. Европарламент принял резолюцию о противодействии «враждебной Евросоюзу пропаганде». Она указывала на РПЦ как на одного из главных врагов Западного сообщества, т.к. она способна «посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство». На этом основании европарламентарии приравнивали борьбу с РПЦ к борьбе с террористическими организациями типа «Аль-Каида».

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что проблема сохранения духовно-нравственных императивов как главного условия развития цивилизационной идентичности России на современном этапе связана в значительной степени с цивилизационным противостоянием. Его суть сводится к борьбе против КПРФ и РПЦ. Они как носители традиционных ценностно-целевых установок нашей страны, оказались в рядах левой и правой оппозиции по отношению к действующей Конституции, а значит и к господствующей в России политической силе. Поражения КПРФ и РПЦ можно добиться не только путем стравливания их между собой, но и за счет временного союза представителей исламского мира и североатлантического сообщества с российской властью, желающей сохранить свое лидерство. Это противостояние неизбежно приведет на первом этапе КПРФ и РПЦ к поражению и замене духовно-нравственных императивов титульной нации

традициями победителей. Они будут определять новое цивилизационное лицо России. Далее борьба за лидерство развернется уже между ними.

Литература

1. Аналитический Центр Союза Православных Граждан. Для новых гонений на Церковь уже все подготовлено. – Москва: Изд-во Сретенского м-ря, 1997. – 78 с.
2. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. – Москва: Алгоритм, 2015. – 208 с.
3. Круглов А. (свящ.) Последняя война. – Москва: «Просветитель», 2005. – 768 с.
4. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – Москва; Санкт-Петербург: Прогресс-Культура, 1996. – 480 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ, 2016. – 571 с.
6. Цыпин В. (протоиерей). Курс Церковного права. Клини: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 704 с.
7. Kissinger H. Diplomacy. – N-Y.: Simon and Schuster, 1994. – 877 p.
8. Stankevich S. Russia in Search of Itself // National Interest. № 28 (Summer 1992). P. 47–51.

THE PROBLEM OF PRESERVING SPIRITUAL AND MORAL IMPERATIVES AS THE MAIN CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S CIVILIZATIONAL IDENTITY¹

Asonov N.V.
Moscow State Pedagogical University

The author, exploring the problem of preserving spiritual and moral imperatives in modern Russia, came to the following conclusion. In the current conditions, the traditional dominance of Orthodox spiritual and moral principles in Russia is giving way to Islam, which has received priority support not only from the Russian authorities, but also from the North Atlantic community. They use Islam as the main striking force in the fight against "Russian communism" and the Russian Orthodox Church, which are in opposition to the constitutional norms of modern Russia, oriented towards the liberal Western standard.

Keywords: Russia, spiritual and moral imperatives, civilizational identity, historical union of generations, historical memory, service.

References

1. Analytic al Center of the Union of Orthodox Citizens. Everything is prepared for new persecutions of the Church. – Publishing house: Sretensky Monastery, 1997. – 78 p.
2. Kissinger H. "To Understand Putin. The politics of common sense". – Moscow: «Algorithm» Publishing House, 2015. – 208 p.
3. Kruglov A., (priest.) "The Last War". – Moscow: «Prosvetitel» Publishing House, 2004. – 759 p.
4. Toynbee A. Civilization on trial. – Moscow; S.-Pt.: Progress-Kultura, 1996. – 480 p.
5. Huntington S. The clash of civilizations. – Moscow: AST, 2016. – 571 p.
6. Tsyplin V. (big priest.) Church law course. – Klin: Christian Life Foundation, 2002. – 704 p.
7. Kissinger H. Diplomacy. – N-Y.: Simon and Schuster, 1994. – 877 p.
8. Stankevich S. Russia in Search of Itself // National Interest. № 28 (Summer 1992). – P. 47–51.

¹ The article was prepared within the framework of the topic Images and Narratives of the Historical Memory of Russian Society: The Value Imperative of Civic Activism. State registration number 123091200055-4 with the support of the Ministry of Education and Science at INION RAS.

Вовлеченность в занятия физической культурой и спортом населения города: социологический аспект

Гамбеева Юлия Николаевна,

старший преподаватель кафедры управления МГУ имени М.В. Ломоносова – филиал в г. Севастополе
E-mail: jgambeeva@bk.ru

Строшкова Нина Тадэушевна,

к.п.н., доцент кафедры физического воспитания и спорта Севастопольского государственного университета
E-mail: n-968@mail.ru

Популяризация здорового образа жизни – важнейшая социально-экономическая задача и государственный курс, направленный на увеличение продолжительности жизни россиян. Важным компонентом и обязательным условием здорового образа жизни являются систематические и регулярные занятия физической культурой и спортом. Двигательная активность и физические упражнения способствуют поддержанию и укреплению здоровья, сохранению молодости, улучшению самочувствия, гармоничному и социальному развитию человека. Особенно это актуально для жителей городов, ритм жизни в которых требует особого внимания к своему здоровью и физическому состоянию. Поэтому важной задачей данного исследования является оценка уровня физической активности и вовлеченности населения в массовые занятия физической культурой и спортом на примере города Севастополя. Анализ был проведен на основе социологического опроса севастопольцев. Были идентифицированы основные причины, по которым жители города отказываются от регулярных занятий физкультурой. Результаты исследования могут быть использованы органами власти для стимулирования мотивации и привлечения граждан к систематическим занятиям физкультурой и спортом.

Ключевые слова: активный образ жизни, двигательная активность, продолжительность жизни, физическая активность, физическая здоровье, физическая культура и спорт.

Введение

Значение сферы физической культуры и спорта, выступающей одним из важнейших мультипликатором развития современного общества нашей страны, непрерывно возрастает. В рамках федерального проекта «Спорт – норма жизни», являющейся частью национального проекта «Демография» сформулирована глобальная цель – увеличение доли регулярно занимающихся массовым спортом жителей России до 70% к 2030 году [6].

Физическая активность играет ключевую роль в укреплении здоровья и повышении продолжительности жизни человека. Счастливая и здоровая нация – основа социального благополучия и экономического процветания любого государства. Самый простой и доступный путь к полноценной и гармоничной жизни – это двигательная активность. Еще древнегреческий философ Аристотель отмечал: «Жизнь требует движения». Современные исследования подтверждают, что гиподинамия и ведение пассивного образа жизни приводят к патологическим изменениям в организме человека и увеличивают риск смертности на 20–30%. По оценкам ВОЗ, именно дефицит движения увеличивает риск возникновения некоторых видов рака (21–25% рака молочной железы и толстой кишки), диабета (27% случаев) и ишемической болезни сердца (30% случаев). Дефицит физической активности выступает одним из основных факторов риска, на долю которого приходится 6% случаев смерти в мире. В результате гиподинамии ежегодно умирают около 5 млн человек [2].

Регулярные и адаптированные к индивидуальным возможностям физические нагрузки (ходьба, бег, фитнес, плавание, спортивные игры и т.д.) активизируют иммунные силы организма, позволяют улучшить работу сердца и кровообращение, снижают артериальное давление, благотворно влияют на гармоничное развитие, психическое и нравственное здоровье личности, улучшают работоспособность, стрессоустойчивость, улучшают настроение и снижают риск развития депрессии. Возможность регулярно заниматься физическими упражнениями способствует укреплению социальных связей и межличностных взаимоотношений, повышению самооценки, формированию моральных качеств и нравственных установок [3, 17].

Наконец, физическая активность является одним из самых действенных способов увеличить продолжительность жизни [13]. Исследования показывают, что люди, ведущие активный образ жизни, живут дольше и имеют меньший риск преждевременной смерти. Приводятся следующие данные: увеличение физической активности на 10% увеличивает продолжительность жизни на 3–5 лет [6]. Средняя продолжительность жизни россиян в 2022 г. превысила 73 года [7], в 2021 году Россию по этому показателю занимала 165 место в мире [8], а по уровню продолжительности здоровой жизни (63,5 года) 103 место из 191 страны [9]. И это не может вызывать беспокойство.

Экономические результаты двигательной активности и улучшения физического здоровья населения тесно связаны с повышением работоспособности и произ-

водительности труда населения, увеличением объемов производства, повышением качества продукции, ростом прибыли, а в масштабах страны – ростом ВВП, снижением государственных расходов за счет снижения заболеваемости. Значение физической культуры и спорта не сводится только к перечисленным фактам. К косвенным эффектам можно отнести экономическую выгоду от развития спортивной индустрии: получение доходов от развития фитнес-центров, рекламы спортивных брендов, производства и реализации спортивных товаров и экипировки, проведения массовых спортивных мероприятий и зрелищ и т.д. [4, 5].

Именно поэтому вопросы развития физической культуры и спорта, повышения физической активности находятся в центре внимания органов власти на всех уровнях и требуют постоянного динамичного мониторинга особенно на региональном уровне.

Цель и задачи исследования

Получение базы данных и аналитических материалов, для оценки уровня физической активности и вовлеченности населения в массовые занятия физической культурой и спортом в региональном разрезе на примере города Севастополя.

Материалы и методы исследования

В основе исследования – стандартизованная анкета опроса населения, включающая открытые и закрытые вопросы. Использовались как онлайн, так и офлайн-методы сбора данных.

При проведении исследования использовалась случайная бесповторная территориальная выборка. Выборочная совокупность учитывалась по социально-демографическому составу, целевая аудитория – жители города Севастополя в возрасте от 18 лет и старше. Опрос реализован в четырех районах города Севастополя. Общий объем выборки – 500 респондентов. Исследование проводилось в июне – июле 2023 года.

Результаты исследования

В социологическом опросе приняли участие 500 респондентов: 62% – женщины и 38% – мужчины. Возрастные характеристики респондентов представлены на рисунке 1.

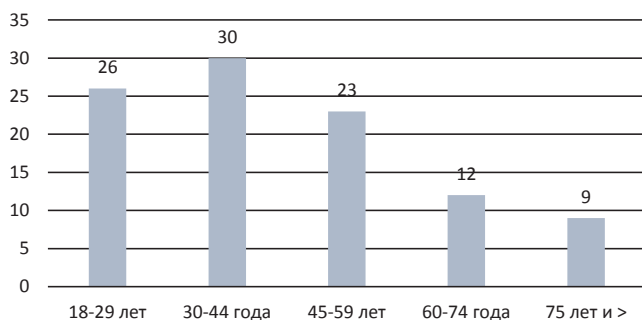

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту, %

Один из важнейших ориентиров в социально-экономическом развитии города – популяризация здорового образа жизни и привлечение жителей Севастополя к занятиям физической культуры и спортом, что напрямую связано с развитием человеческого потенциала, улучшением общего состояния здоровья горожан, особенно молодого поколения. В социологических исследованиях широко используется показатель самооценки здоровья, который выступает как составной элемент интеграль-

ного показателя уровня здоровья населения на популяционном уровне. Несмотря на то, что этот показатель – субъективный, сравнение с данными медицинских карт показывает совпадение в 70–80% случаев [11]. В рамках данного исследования также был задействован этот индикатор для оценки севастопольцами своего здоровья. Большинство опрошенных горожан (68%) оценивают состояние своего физического здоровья как хорошее. Результаты в разрезе половой принадлежности демонстрируют гендерные отличия в отношении своего самочувствия: мужчины более жизнеутверждающие (72% мужчин и 65% женщин высказались положительно о состоянии своего здоровья). Наблюдается и возрастная разница в оценке состояния здоровья. Положительные оценки уменьшались с увеличением возраста респондентов. Респонденты старше 44 лет предпочитали более осторожную формулировку о своем самочувствии «скорее хорошее, чем плохое». Этот ответ выбрали 68% севастопольцев – в возрасте от 45 до 59 лет. Наиболее пессимистичные оценки самочувствия наблюдаются у категории горожан в возрастном диапазоне старше 60 лет, что соответствует естественным процессам старения. В целом наблюдается положительная картина оценки своего самочувствия респондентами.

Занятия физической культурой и спортом занимают разное положение в жизненных ценностях севастопольцев. Оценивая свою физическую активность, 43% респондентов ответили, что стараются вести активный образ жизни или занимаются физической культурой и спортом, 57% ответили отрицательно.

Женщины проявляют большую физическую активность нежели мужчины: 60% и 40% соответственно. Наибольшую физическую активность демонстрирует севастопольцы от 18 до 29 лет (54%) и от 30 до 44 лет (53%). С возрастом доля занимающихся физической культурой и спортом падает. В возрастной категории 45–59 лет показатель составляет 42%, а в категории старше 75 лет – 24% (рис. 2). Физической культурой и спортом занимается преимущественно молодое поколение. По данным различных исследований 75% людей пожилого возраста испытывают дефицит двигательной активности и относятся к самой малоподвижной категории людей. И результаты опроса респондентов в городе Севастополе эти данные подтверждают. При этом регулярная физическая активность – один из самых безопасных и эффективных способов повышения качества жизни именно пожилых людей [14, 15].

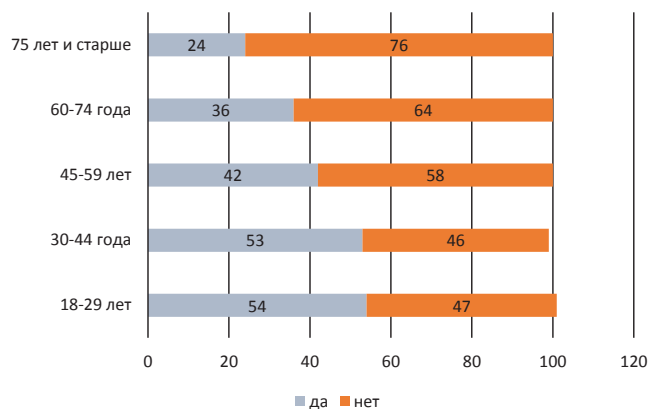

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту, занимающихся физической культурой и спортом, %

Респонденты, не занимающиеся физической культурой и спортом, среди основных причин отказа от регулярных занятий (можно было выбрать несколько вариантов ответов) указали: отсутствие свободного времени

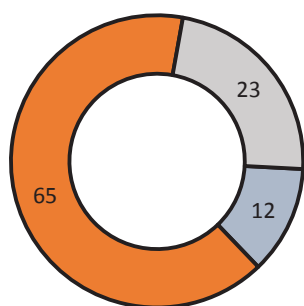
для занятий – эта причина отмечена в каждой третьей анкете (32%); высокая стоимость занятий в физкультурно–спортивных организациях (20%); отсутствие или неудобное расположение интересующего профиля физкультурно–спортивных организаций (19%). Опрошенные также честно ссылались в равной степени на отсутствие желания и лень (14%) (рис. 3). Заслуживает внимания тот факт, что ответ про лень и отсутствие силы воли чаще всего встречался в анкетах молодых людей 18–29 лет – 42% указали эту причину. Также представители более молодого поколения 18–29 лет чаще других возрастных категорий жалуются на отсутствие свободного времени и финансовой возможности для занятий физкультурой и спортом, а также неудобный график работы. Возрастные категории от 60 лет до 74 лет и 75 лет и старше ссылались на ограничения по здоровью (25%) и наличие других видов досуга (18%).

Рис. 3. Причины отказа от регулярных занятий физической культурой и спортом, %

52% респондентов, не занимающиеся физкультурой и спортом, озвучили желание, что хотели бы начать систематически заниматься в ближайшие полгода. Несмотря на то, что это всего лишь намерения, можно предположить, что занятия физкультурой в массовом сознании воспринимаются как социально одобряемый образ жизни, соответствующий нормам и ожиданиям современного общества.

Существует не мало средств и форм организации физкультурно–спортивной деятельности. 65% опрошенных севастопольцев предпочитают самостоятельно заниматься физической культурой и только 12% процентов выбирает организованный формат занятий (рис. 4).

■ Только организовано ■ Только самостоятельно
■ Смешанные формы

Рис. 4. Формы занятий физической культурой и спортом респондентов, %

В основном, респонденты получают необходимую физическую нагрузку, посещая специализированные физкультурно–оздоровительные и спортивные органи-

зации: фитнес–центры, спортивные и тренажерные залы, бассейны, физкультурно–оздоровительные комплексы (52%). Каждый третий опрошенный (31%) выполняет физические упражнения в домашних условиях. Практически одинаково респонденты предпочитают двигательную активность на свежем воздухе в парке и скверах (18%) и на специально оборудованных площадках (17%). И лишь немногие (3%) занимаются в специализированных медицинских учреждениях (рис. 5).

Рис. 5. Места занятий физической культурой и спортом респондентов, %

Наблюдаются половозрастные отличия в выборе мест для занятий. Женщины (68%) предпочитают заниматься в домашних условиях больше, чем мужчины (32%). Мужчины (38%), наоборот, выбирают занятия на специально оборудованных спортивных площадках чаще, чем женщины (26%). И у мужчин, и у женщин (37% и 34% соответственно) популярны занятия в специализированных физкультурно–оздоровительных и спортивных учреждениях.

Респонденты в возрасте 18–29 лет (65%) и 30–44 года (58%) чаще других выбирают тренировки в физкультурно–оздоровительных и спортивных организациях, спортивные площадки и активность на открытом в воздухе в парках и скверах – наиболее популярные ответы у старшей возрастной категории (60 лет и старше), 80% опрошенных из данных категорий отдают предпочтение указанным местам для занятий.

Немаловажным показателем вовлеченности в занятия физической культурой и спортом является регулярность занятий, так как систематические и последовательные тренировки более эффективны эпизодических нагрузок [12]. 76% опрошенных горожан занимаются более 1 раза в неделю, 9% – ежедневно, 35% – несколько раз в неделю (рис. 6).

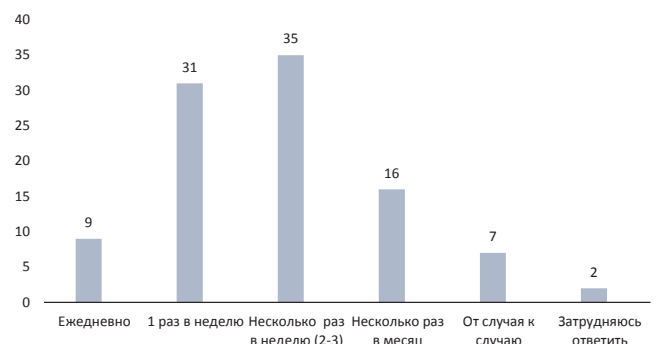

Рис. 6. Частота занятий физической культурой и спортом, %

Женщины более физически активны, нежели респонденты мужского пола. По данным опроса 47% респонденток тренируются несколько раз в неделю, у мужчин этот показатель составляет 32%. У мужчин наиболее популярный ответ был – 1 раз в неделю, 42% опрошенных респондентов мужского пола отметили этот вариант.

Имеют место и возрастные отличия. Наиболее физически активная и регулярно занимающаяся возрастная категория – это респонденты от 18 до 29 лет, 65% из них занимаются несколько раз в неделю. 53% опрошенных пожилых людей старше 65 лет также занимаются физическими упражнениями несколько раз в неделю.

Согласно рекомендациям Всемирной Организацией Здравоохранения взрослому населению возрасте от 18 до 64 лет и пожилым людям старше 65 лет следует заниматься физическими упражнениями средней интенсивности не менее 150–300 минут в неделю. Пожилым людям также рекомендовано не менее 3 раз в неделю уделять **многокомпонентной физической активности** [10].

Таблица 1. Сколько времени в среднем в неделю тратят респонденты на занятия физкультурой и спортом, %

Возрастная категория	Менее часа	От 1 до 2 часов	От 2 до 3 часов	От 3 до 4 часов	От 4 до 5 часов	5 часов и более
18–29 лет	–	7	42	36	10	5
30–44 года	2	14	49	27	6	2
45–59 лет	9	48	30	8	4	1
60–74	13	52	22	12	1	–
75 и старше	17	65	18	2	–	–

Среди основных целей занятий физкультурой и спортом севастопольцы называют: поддержание хорошей физической формы и укрепление здоровья (63%), поддержание работоспособности (34%), сохранение фигуры и внешней привлекательности (22%), улучшение настроения и получение удовольствия (18%). 13% респондентов отмечают, что целью занятий является встреча и общение с друзьями, 7% занимаются по медицинским показателям, 3% ради достижения спортивных результатов и еще 3% отметили следование моде.

Наиболее популярными видами занятий, которыми увлекаются севастопольцы, являются:

- занятия на тренажерах (42%);
- занятия фитнесом (аэробика, пилатес, шейпинг, йога и т.д.) – 41%;
- оздоровительный бег – 17%;
- пешие прогулки, скандинавская ходьба – 16%;
- плавание – 15%;
- утренняя гимнастика – 12%.

Обсуждение

Результаты исследования показали, что, в основном, севастопольцы в занятиях физкультурой видят пользу для своего здоровья. Однако можно отметить наличие инертности в физической активности горожан, 57% опрошенных севастопольцев не занимаются физкультурой и спортом. Особенно это заметно у старших возрастных групп. С возрастом доля физически активных горожан заметно сокращается: с 54% среди молодежи до 36% и ниже у севастопольцев старше 60 лет. Также пожилые севастопольцы недостаточно уделяют времени физическим упражнениям в соответствии с рекомендациями ВОЗ, что негативно сказывается на качестве жизни старшей возрастной группы.

Большинство респондентов отмечают нехватку свободного времени для занятий физкультурой, а также высокую стоимость занятий в физкультурно–спортивных организациях. Однако, практически половина участников опроса, не занимающихся регулярно физкультурой и спортом, высказали желание начать заниматься в ближайшие полгода, что свидетельствует о том, что на массовом уровне физическая активность

Оценивая сколько времени в среднем в неделю тратят на занятия физкультурой севастопольцы, можно отметить, что пожилые люди недостаточно уделяют времени физическим упражнениям, в среднем, этот показатель у старших возрастных групп составляет от 1 до 2 часов в неделю (табл. 1), что не в полной мере соответствует рекомендациям ВОЗ. А именно старшей возрастной группе в целях уменьшения вредного воздействия на здоровье малоподвижного состояния следует стремиться к повышению физической активности до рекомендуемого уровня. Респонденты в возрасте от 18 до 29 лет (42%) и от 30 до 44 лет (49%) тратят на занятия физкультурой от 2 до 3 часов в неделю.

и занятия спортом воспринимаются как социально одобряемое явление.

Физкультура и спорт имеют большое социализирующее значение в жизни горожан: 13% респондентов отмечают, что целью занятий является встреча и общение с друзьями.

Физически активные севастопольцы, достаточно регулярно занимаются физкультурой и спортом в специализированных физкультурно–спортивных учреждениях, однако предпочитают самостоятельный формат, одна из причин, как мы полагаем, высокая стоимость индивидуальных занятий и услуг тренеров, что также может выступать причиной снижения уровня вовлеченности граждан в систематические занятия физкультурой и спортом. Взаимосвязь этих факторов подтверждается и другими исследованиями [1].

Заключение

Опираясь на результаты исследования, можно сделать вывод, что физкультура и спорт играют важную роль в жизни севастопольцев. Горожане осознают значимость физической активности для поддержания хорошей физической формы, работоспособности и укрепления здоровья, сохранения фигуры и внешней привлекательности, но важной задачей является стимулирование мотивации к систематическим занятиям физкультурой и спортом, иначе позитивные побуждения, демонстрируемые респондентами, могут остаться на уровне заявлений.

Необходимы меры по стимулированию физической активности севастопольцев, принадлежащих к старшей возрастной группе. Несмотря на то, что пожилые люди осознают пользу от занятий физкультурой, зачастую не решаются изменить свой образ жизни. Основными барьерами выступают страх получения травм, отсутствие социальной поддержки или неразвитость инфраструктуры [16]. Городским властям необходимо обратить внимание на организацию наиболее популярного у пожилого населения вида физической активности – пешие прогулки, обладающего неоспоримыми преимуществами для поддержания хорошей физической формы. Среди основных преимуществ можно отметить: доступность, простоту организации и всесезонность. Необхо-

димы разрабатывать и обустроить удобные маршруты для пожилых людей, а также создавать комфортную инфраструктуру, например, пункты проката палок для скандинавской ходьбы.

Вовлечение горожан в систематические занятия физкультурой и спортом – одна из важнейших задач, стоящая на всех уровнях управления и требующая комплексного подхода к решению и применения современных технологий, в том числе цифровых, для повышения информированности граждан о существующих возможностях для занятий физической культурой и воспитания здорового образа жизни.

Литература

1. Бронникова Е.М., Виноградова М.В., Шацкий А.А., Кулямина О.С. Социально-экономические факторы, влияющие на повышение доли населения, систематически занимающегося физической активностью и спортом // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16. № 2 (99). С. 170–181
2. Гендлин Г.Е., Учаева Я.И., Мелехов А.В. Физические нагрузки и продолжительность жизни // Атмосфера. Новости кардиологии. 2013. № 3. С. 39–44
3. Колпакова Е.М. Двигательная активность и её влияние на здоровье человека // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2018. № 1 (8). С. 94–109
4. Левченко Г.Н., Зайцев О.С., Гарцев А.В. Влияние физической культуры и спорта на экономическую сферу жизни государства и общества // Актуальные исследования. 2020. № 19(22). С. 84–88.
5. Махалин В.В. Взаимосвязь уровня здоровья населения и экономического роста: финансовый аспект // Вестник университета. 2013. № 1. С. 228–233
6. Паспорт федерального проекта «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332849/ (дата обращения: 12.08.2023).
7. Росстат: продолжительность жизни в России увеличилась на рекордные 2,66 года. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/26/968147-rossstat-prodolzhitelnost> (дата обращения: 08.08.2023).
8. Рейтинг стран мира по продолжительности жизни. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index>
9. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности здоровой жизни. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index>
10. Рекомендации ВОЗ по вопросам физической активности и малоподвижного образа жизни: краткий обзор. – URL: <https://chocmp.ru/wp-content/uploads/2022/07/9789240014909-rus.pdf>
11. Сенаторова О.В., Кузнецов В.А., Труфанов А.С. Отношение к здоровью и профилактике заболеваний – как показатель общественного здоровья // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019. Т. 18, № 1. С. 156–160.
12. Ситникова А.Е., Головинова И.Ю. Взаимосвязь физической культуры и здорового образа жизни // Наука-2020. 2022. № 5 (59). С. 19–23.
13. Танатова Д.К., Вдовина М.В., Юдина Т.Н. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 3. С. 468–473.
14. Танатова Д.К., Юдина Т.Н., Королев И.В. Физическая активность и спорт в жизни старшего поколения российских городов. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 1. С. 107–112.
15. Тарасов В.А., Цветов С.В., Борисов А.Б., Нарватов М.И. Физическая активность людей пожилого возраста и ее влияние на соматическое и психологическое здоровье // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 1. С. 39–44.
16. Хоркина Н.А., Филиппова А.В. Физическая активность пожилых людей как объект управляющего воздействия государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 197–222.
17. Щетинина С.Ю., Барабаш С.А. Физическая активность и гармоничное развитие личности // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 12 (214). С. 610–614.

INVOLVEMENT IN PHYSICAL ACTIVITY AND SPORTS OF THE CITY POPULATION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Gambееva Y.N., Stroshkova N.T.

Lomonosov Moscow State University – Branch in Sevastopol, Sevastopol State University

Popularizing a healthy lifestyle is the most important socio-economic task and government policy aimed at increasing the life expectancy of Russians. An important component and prerequisite for a healthy lifestyle is systematic and regular physical education and sports. Physical activity and physical exercise help maintain and strengthen health, preserve youth, improve well-being, and harmonious and social development of a person. This is especially true for residents of cities, where the rhythm of life requires special attention to their health and physical condition. Therefore, an important objective of this study is to assess the level of physical activity and population involvement in mass physical education and sports at a regional level using the example of the city of Sevastopol. The analysis was carried out on the basis of a sociological survey of Sevastopol residents. The main reasons why city residents refuse regular physical education have been identified. The results of the study can be used by authorities to stimulate motivation and attract citizens to systematic physical education and sports.

Keywords: active lifestyle, physical activity, life expectancy, physical activity, physical health, physical culture and sports.

References

1. Bronnikova E.M., Vinogradova M.V., Shatsky A.A., Kulyamina O.S. Socio-economic factors influencing the increase in the proportion of the population systematically involved in physical activity and sports // Service in Russia and abroad. 2022. T. 16. No. 2(99). P. 170–181.
2. Gendlin G.E., Uchaeva Ya.I., Melekhov A.V. Physical activity and life expectancy // Atmosphere. Cardiology news. 2013. No. 3. pp. 39–44.
3. Kolpakova E.M. Motor activity and its impact on human health // Human health, theory and methods of physical culture and sports. 2018. No. 1 (8). pp. 94–109.
4. Levchenko G. N., Zaitsev O.S., Gartsev A.V. The influence of physical culture and sports on the economic sphere of life of the state and society // Current research. 2020. No. 19 (22). pp. 84–88.
5. Makhalin V.V. The relationship between the level of population health and economic growth: financial aspect // Bulletin of the University. 2013. No. 1. P. 228–233.
6. Passport of the federal project “Creation of conditions for physical education and sports, mass sports for all categories and groups of the population, including increasing the level of provision of the population with sports facilities, as well as preparing

- a sports reserve.” – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332849/ (access date: 08/12/2023).
7. Rosstat: life expectancy in Russia has increased by a record 2.66 years. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/26/968147-rosstat-prodolzhitelnost> (access date: 08/08/2023).
  8. Rating of countries in the world by life expectancy. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index>
  9. Rating of countries in the world by healthy life expectancy. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index>
  10. WHO guidelines on physical activity and sedentary lifestyle: a brief overview. – URL: <https://chocmp.ru/wp-content/uploads/2022/07/9789240014909-rus.pdf>
  11. Senatorova O.V., Kuznetsov V.A., Trufanov A.S. Attitude to health and disease prevention – as an indicator of public health // Cardiovascular therapy and prevention. 2019. T. 18, No. 1. P. 156–160.
  12. Sitnikova A.E., Golovinova I. Yu. The relationship between physical culture and a healthy lifestyle // Science-2020. 2022. No. 5 (59). P. 19–23.
  13. Tanatova D.K., Vdovina M.V., Yudina T.N. Social factors in increasing healthy life expectancy (based on sociological research) // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2021. No. 3. P. 468–473.
  14. Tanatova D.K., Yudina T.N., Korolev I.V. Physical activity and sports in the life of the older generation of Russian cities. // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2021. No. 1. P. 107–112.
  15. Tarasov V.A., Tsvetov S.V., Borisov A.B., Narvatov M.I. Physical activity of elderly people and its impact on somatic and psychological health // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2022. No. 1. P. 39–44.
  16. Khorkina N.A., Filippova A.V. Physical activity of older people as an object of government control // Issues of state and municipal management. 2015. No. 2. P. 197–222.
  17. Shchetinina S. Yu., Barabash S.A. Physical activity and harmonious development of personality // Scientific notes of Lesgaft University. 2022. No. 12 (214). pp. 610–614.

Социальные аспекты реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста

Суворов Валерий Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России»
E-mail: valeriy_s@inbox.ru

Киселев Антон Робертович,

доктор медицинских наук, руководитель центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России»
E-mail: antonkis@list.ru

Ухудшение когнитивных функций, проявляющееся не только у лиц пенсионного возраста, но и у граждан трудоспособного возраста, влечет за собой не только неудобства и страдания для самих пациентов, но и неудобства для их окружения, в том числе риски для здоровья, а также прямые и косвенные расходы на лечение и реабилитацию. Целью исследования выступает определение влияния социальных аспектов на эффективность реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста. В статье показано, что при реабилитации возрастает социальная нагрузка, включающая вовлечение в этот процесс близких и родственников заболевших, кроме этого в случае невозможности восстановления прежнего когнитивного уровня лиц трудоспособного возраста возникает необходимость переквалификации пациента, в рамках более простых по сравнению с прежними навыках. В связи с этим особое значение приобретают не только медицинские аспекты реабилитации, но и социальные, от которых в значительной степени зависит насколько быстро пациент с когнитивными нарушениями сможет вернуться к прежним социальным отношениям и трудовой деятельности. В настоящее время успех как лечения, так и реабилитации во многом определяется уровнем благосостояния самого пациента и его семьи. Развитие современных технологий открывает возможности для снижения негативного воздействия ряда социальных факторов и повышения эффективности реабилитационных мероприятий, а расширение их доступности делает возможным применение их различными категориями граждан.

Ключевые слова: когнитивные нарушения, лица трудоспособного возраста, реабилитация.

Введение

Ухудшение когнитивных функций, вызванное различными причинами, наиболее часто встречается у пожилых людей, но вместе с этим затрагивает и граждан трудоспособного возраста. Произошедшее увеличение пенсионного возраста в России еще более актуализирует данную проблему. Важными аспектами лечения когнитивных нарушений являются их раннее выявление, профилактика и своевременное назначение лекарственной терапии. При этом большое значение имеет последующая реабилитация, позволяющая вернуть обществу полноценных его членов, способных выполнять прежнюю социальную роль. Большинство пациентов с когнитивными нарушениями часто сталкиваются с различными проблемами в повседневной жизни, а в случае тяжелых ситуаций требуется последующая реабилитация. Когнитивные проблемы ставят в сложное положение как пациентов, так и их семьи, родственников, могут создавать неудобства для общества. В связи с этим следует обратиться к социальным аспектам реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями, с которыми сталкиваются пациенты с когнитивными нарушениями.

Целью исследования выступает определение влияния социальных аспектов на эффективность реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста.

Материал и методы исследования

Исследование основано на анализе отечественных и зарубежных публикаций в библиотеках Elibrary и PubMed, а также данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В целом, научных исследований, раскрывающих социальные аспекты реабилитации, связанные с утратой когнитивных возможностей у трудоспособных граждан, и невозможностью ими выполнять свои прежние социальные и трудовые функции, не так много, хотя вопросам медицинской диагностики и медицинской реабилитации когнитивных нарушений посвящены различные исследования [1, 2, и др.].

Результаты исследования и их обсуждение

В зависимости от степени когнитивных нарушений (легкая, умеренная и выраженная) определяется стратегии лечения и необходимость реабилитационных мероприятий, которые будут направлены как на восстановление социальных функций, так и на профилактику развития патологических процессов, следствием которых может стать временная или полная утрата трудоспособности. К когнитивным функциям головного мозга принято относить комплексное внимание, восприятие и психомоторную функцию, мышление, обучаемость и память, речь, социальный интеллект [3].

Проявлениями когнитивных нарушений у лиц молодого и среднего возраста могут быть ухудшение памяти, снижение работоспособности, повышенная отвлекаемость, сниженная концентрация внимания, и т.д. [4]. Нередко подобные жалобы возникают на фоне эмоцио-

Работа выполнена в рамках научного проекта «Разработка программно-аппаратного комплекса для реабилитации пациентов с когнитивными и моторными нарушениями различной природы на основе мультимодальной биологической обратной связи», выполняемой в ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России в соответствии с государственным заданием Минздрава России № 123020600127-4 (2023–2025 гг.).

нальных расстройств, однако могут быть вызваны и более серьезными причинами. Также легкие и умеренные когнитивные нарушения могут стать последствием некоторых заболеваний, напрямую не влияющих на функционирование нервной системы.

Более тяжелые ситуации возникают вследствие травматизма и последствий тяжелых заболеваний. Одной из причин выступают травмы на производстве и в быту, например, черепно-мозговые травмы, которые приводят к нарушению когнитивных способностей. Более половины пациентов с такими травмами относятся к возрастной группе 20–40 лет [5], т.е. максимально травматизм отмечается в наиболее трудоспособном возрасте.

Другой важной причиной выступают различные заболевания, прежде всего инсульты и другие заболевания сердечно-сосудистой системы, сказывающиеся на функционировании нервной системы. В любом случае больные нуждаются в комплексном реабилитационном лечении, которое должно включать когнитивную реабилитацию, двигательную реабилитацию и медикаментозную коррекцию [6].

Когнитивные нарушения могут стать причиной ограничений, воздействующих на ежедневные функциональные возможности и профессиональную деятельность. Когнитивные и эмоционально волевые нарушения приводят к проблемам с социально-психологической адаптацией [7].

Соответственно задачами реабилитации становится ресоциализация таких пациентов и восстановление их социальной ценности. Реабилитационный процесс должен быть направлен на восстановление утраченных качеств и функций (речи, памяти) и социальных отношений, прежде всего семейных и трудовых.

Когнитивная реабилитация включает совокупность методов, с помощью которых пытаются переобучить (восстановить) утраченные функции или ранее сформированные модели поведения с акцентом на повседневные условия. Также существуют компенсационные (адаптивные) стратегии, которые позволяют пациентам или ухаживающим лицами обойти их нарушения [8].

Социальные аспекты реабилитации во многом определяются проявлениями когнитивных нарушений. Так, речевая функция дает возможность общаться и взаимодействовать с другими людьми, поэтому ее нарушение всегда становится главным в нейропсихологическом синдроме [9]. Расстройство речи негативно влияет не только на жизнь самого пациента, но и на его ближайшее окружение.

Потеря памяти, внимательности может стать причиной того, что больные могут выходить в окна, покидать дом, теряться. Многие люди с когнитивными нарушениями продолжают считать, что способны справиться самостоятельно, или не осознают своего заболевания. Поэтому следует искать баланс между уважением автономии пациентов с когнитивными нарушениями и обеспечением их безопасности в повседневной жизни. Когнитивные нарушения и их последствия в повседневной жизни индивидуальны и различаются у людей с различной степенью когнитивных нарушений [10]. Медицинским работникам для определения оптимального индивидуального планирования ухода следует прислушиваться как к людям с когнитивными нарушениями, так и к их родственникам.

Одним из социальных аспектов реабилитации когнитивных нарушений выступают финансовые затраты, которые как правило несет либо система здравоохранения, либо ближайшие родственники таких пациентов. Существует прямая связь между тяжестью когнитивных нарушений и увеличением затрат. Расчет финансовых

затрат обусловлен реальностью отдельных фаз и проявления когнитивных расстройств. Учитывая сложность и важность когнитивных нарушений, необходимо учитывать как прямые затраты на здравоохранение, такие как госпитализация, лекарства для лечения этих заболеваний, консультации специалистов, транспорт, например, машины скорой помощи в тяжелых случаях, так и расходы, не связанные напрямую со здравоохранением и включающие, профессиональную и семейную помощь при реабилитации. Лица, осуществляющие уход за людьми с деменцией, представляют собой важные социальные издержки, так как они либо полностью, либо частично перестают участвовать в своей основной трудовой деятельности. Кроме того, в связи с выраженными когнитивными нарушениями следует учитывать косвенные затраты, обусловленные потерями производительности в связи с отпусками по болезни [11].

По данным ВОЗ в 2019 г. глобальные экономические издержки от деменции составили 1,3 трлн долл. США, из которых примерно 50% издержек приходилось на неофициальный уход и присмотр за больными (например, со стороны их родственников и близких друзей), осуществляемый в среднем в объеме 5 часов в день [12].

Размер расходов на реабилитацию и уход за пациентами с когнитивными нарушениями обусловлен степенью заболевания. Показательны такие расчеты для пациентов с деменцией. Так, на 2023 год по данным исследований, проведенных в 17 европейских странах, расчетные средние затраты для всех пациентов по регионам были самыми высокими в Великобритании (73 712 евро), за которой следовали Скандинавские страны (43 767 евро), южные (35 866 евро), западные (38 249 евро), и Восточная Европа и Прибалтика (7938 евро) [13].

Независимым фактором, связанным с увеличением общих затрат на реабилитацию пациентов, являются нервно-психические симптомы, провоцируемые когнитивными нарушениями [14]. Еще большая экономическая нагрузка для пациентов, семей и системы здравоохранения отмечается в связи с невозможностью реабилитации при наступлении деменции [15].

Сопутствующим социальным следствием, осложняющим реабилитацию при когнитивных нарушениях, может выступать социальная изоляция как самих лиц, с подобными заболеваниями, особенно затронутых деменцией, так и членов их семьи. Одним из негативных результатов такой ситуации может быть отсрочивание обращения для диагностики и получения помощи [16].

Важным социальным аспектом эффективной реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями выступает информационно-просветительская деятельность. Кроме финансовых расходов на реабилитацию пациентов с когнитивными нарушениями их родственникам требуется необходимые для этого знания и умения, что ставит вопрос об их подготовке, в рамках которой им будет разъясняться как ухаживать, реагировать на своего близкого человека, организовывать его быт. К тому же уход за человеком с когнитивными нарушениями может вызывать серьезный стресс у тех, кто осуществляет основную часть такого ухода, вплоть до возникновения ситуаций, когда им самим требуется медицинская помощь. По данным статистики, 80% людей, ухаживающих за больными с деменцией, сами впадают в депрессию [17]. Причинами стресса могут стать физические, эмоциональные и экономические факторы [18]. Поэтому в ряде стран создаются программы и службы, обеспечивающие оказание помощи осуществляющим уход лицам из числа членов семьи, и снижения нагрузки на них. Одним из выходов может стать обращение к сиделке или помещению больного в пансионат, хотя в российской куль-

туре нередко негативно относятся к помещению больного в специализированное учреждение. Вместе с этим в России остается не развитой система оказания помощи больным деменцией и их родственникам и нет статистики, реально отражающей число таких пациентов.

В целом же отмечается необходимость в повышении осведомленности о когнитивных нарушениях и улучшении понимания специфики ухода и взаимодействия с такими людьми в зависимости от степени заболевания [16]. Это, с одной стороны, способствовало бы более эффективной реабилитации, а в случае ее невозможности повысило бы качество жизни людей с деменцией и лиц, осуществляющих уход за ними.

В России в системе обязательного медицинского страхования ОМС нет позиции «реабилитация когнитивных нарушений». Вместе с этим лечение и реабилитация по программе ОМС проводится следующей категории пациентов, перенесших острые нарушения мозгового кровообращения (ОНМК) и острые нарушения спинального кровообращения (ОНСК), черепно-мозговую травму, вертебро-спинальную травму, операции на головном/спинном мозге. Показаниями для проведения нейрореабилитации пациентов с последствиями черепно-мозговой травмы являются синдром центрального пареза, все виды атаксий и нарушение равновесия, нарушение речи, нарушение четкости речи, акта глотания.

Выбор метода реабилитации зависит от индивидуальных особенностей пациента и его возможностей. Методы реабилитации, доступные на платной основе, могут быть дорогими, но эффективность их применения может значительно повысить качество жизни человека.

Одним из направлений реабилитации выступает трудотерапия, включающая выработку навыков бытового самообслуживания и взаимообслуживания других членов семьи. Тем не менее, как отмечают исследователи, ее эффективность при постинсультных когнитивных нарушениях остается неясной [18]. Данная терапия может немного улучшить общие когнитивные функции, вероятно, немного улучшает устойчивое зрительное внимание и может немного улучшить рабочую память и гибкое мышление после вмешательства. Вместе с этим может снижаться нагрузка на других членов семьи.

Особенностью реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями в настоящее время становится все более широкое применение современных технологий и мобильных устройств, позволяющих заметно повысить ее эффективность. Так отмечается потенциал создания методик когнитивного тренинга, позволяющих пациенту заниматься с помощью смартфона, планшета или компьютера, а врачу – дистанционно контролировать самочувствие и отслеживать результаты терапии пациента [19–21]. Вместе с этим программное обеспечение по тренировке когнитивных функций не может полностью заменить работу специалиста нейропсихолога, составляющего индивидуальный план занятий для пациентов по критериям доступности, понятности, сложности [22].

Выводы

Социальные аспекты реабилитации оказывают значительное влияние на ее эффективность и возможность возвращения человека к привычному образу жизни и трудовой деятельности. При реабилитации возрастает социальная нагрузка, включающая вовлечение в этот процесс близких и родственников заболевших, кроме этого в случае невозможности восстановления прежнего когнитивного уровня лиц трудоспособного возраста возникает необходимость перекалфикации пациента, в рам-

ках более простых по сравнению с прежними навыках. И в том, и в другом случае реабилитация предполагает дополнительную финансовую нагрузку как на семьи с такими больными, так и издержки в рамках национальной экономики.

Повышение эффективности реабилитационных мероприятий в настоящее время во многом определяется возможностями современных технологий, представленных в соответствующих устройствах и программном обеспечении, а также их доступностью для различных категорий граждан. Разработка и внедрение новых технологий позволит повысить темпы реабилитации и сократить период нетрудоспособности пациентов с когнитивными нарушениями, а соответственно снизить социальную, психологическую и финансовую нагрузку как на их родственников, на которых возложены обязанности по уходу за такими пациентами, так и на систему здравоохранения.

Литература

1. Прокопчук Н.Н., Скребцова Н.В., Попов В.В. Особенности состояния когнитивных функций у мужчин трудоспособного возраста, работающих на автотранспорте // Экология человека. 2013. № 10. С. 9–13.
2. Найдич А.М., Лопаткина Т.И. Когнитивные нарушения у лиц среднего трудоспособного возраста на фоне инсомнии // Актуальные проблемы сомнологии. Сборник тезисов XII Всероссийской научно-практической конференции. М., 2020. С. 54–55. DOI: 10.59043/9785604584835_54.
3. Реабилитация высших психических функций у больных с очаговым поражением головного мозга. Клиническая рекомендация. А.Н. Боголепова и др.. М.: МЕДпресс-информ, 2020. 192 с.
4. Филатова Е.Г., Наприенко М.В. Терапия нарушений памяти и внимания у молодых пациентов // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2013. № 3. С. 18–23.
5. Прокопенко С.В., Можейко Е.Ю., Зубрицкая Е.М., Безденежных А.Ф. Коррекция когнитивных нарушений у больных, перенесших черепно-мозговую травму // Consilium Medicum. 2017. Т. 19. № 2–1. С. 64–69.
6. Боголепова А.Н., Левин О.С. Когнитивная реабилитация пациентов с очаговым поражением головного мозга. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020;120(4):115–122. DOI: 10.17116/jnevro2020120041115.
7. Куташов В.А., Будневский А.В., Припутневич Д.Н., Суржко Г.В. Когнитивные и эмоционально-волевые нарушения у пациентов с последствиями черепно-мозговых травм как фактор нарушения социально-психологической адаптации // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2014. № 12. С. 41–45.
8. Koehler R, Wilhelm EE, Shoulson I. Cognitive Rehabilitation Therapy for Traumatic Brain Injury: Evaluating the Evidence, National Academies Press, Washington, DC, 2011. 356 p.
9. Lam JM, Wodchis WP. The relationship of 60 disease diagnoses and 15 conditions to preference-based health-related quality of life in Ontario hospitalbased long-term care residents // Med Care. 2010. V 48. Is. 4. P. 380–387. DOI: 10.1097/MLR.0b013e3181ca2647.
10. Johansson MM, Marcusson J, Wressle E. Cognitive impairment and its consequences in everyday life: experiences of people with mild cognitive impairment or mild dementia and their relatives // Int Psych

ogeriatr. 2015. V. 27. Is. 6. P. 949–58. DOI: 10.1017/S1041610215000058.

11. Cantarero Prieto D. Economic impact of cognitive impairment and dementia // *Rev Esp Geriatr Gerontol*. 2017. V. 52. Is. Suppl 1. P. 58–60. Spanish. DOI: 10.1016/S0211-139X(18)30085-4.
12. ВОЗ. Деменция: основные факты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (дата обращения: 20.09.2023)
13. Jönsson L, Tate A, Frisell O, Wimo A. The Costs of Dementia in Europe: An Updated Review and Meta-analysis // *Pharmacoeconomics*. 2023. V. 41. Is. 1. P. 59–75. DOI: 10.1007/s40273-022-01212-z.
14. Farré M, Haro JM, Kostov B, Alvira C, Risco E, Miguel S, Cabrera E, Zabalegui A. Direct and indirect costs and resource use in dementia care: A cross-sectional study in patients living at home // *Int J Nurs Stud*. 2016. V. 55. P. 39–49. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2015.10.012.
15. Schaller S, Mauskopf J, Kriza C, Wahlster P, Kolominsky-Rabas PL. The main cost drivers in dementia: a systematic review // *Int J Geriatr Psychiatry*. 2015. V. 30. Is. 2. P. 111–129. DOI: 10.1002/gps.4198.
16. ВОЗ. Деменция: приоритет общественного здравоохранения. 2013. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/75263/9789244564455_rus.pdf. (дата обращения: 20.09.2023)
17. Васенина Е.Е., Левин О.С., Сонин А.Г. Современные тенденции в эпидемиологии деменции и ведении пациентов с когнитивными нарушениями // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски*. 2017. Т. 117. № 6–2. С. 87–95. DOI: 10.17116/jnevro20171176287-95.
18. Gibson E, Koh CL, Eames S, Bennett S, Scott AM, Hoffmann TC. Occupational therapy for cognitive impairment in stroke patients // *Cochrane Database Syst Rev*. 2022. V. 3. Is. 3. P. CD006430. doi: 10.1002/14651858.
19. Киндарова А.А., Фанталис Д., Преображенская И.С. Нелекарственная терапия когнитивных нарушений: методические рекомендации по проведению когнитивного тренинга // *Медицинский совет*. 2022. Т. 16. № 11. С. 18–26. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-11-18-26
20. Интерактивные технологии и когнитивная реабилитация. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.istok-reatech.ru/catalog/interaktivnye-tekhnologii-i-kognitivnaya-reabilitatsiya/>. (дата обращения: 20.09.2023)
21. Программа когнитивной реабилитации «Нейроника» [Электронный ресурс]. URL: <https://neirosmart.ru>. (дата обращения: 20.09.2023).
22. Злобина Ю.В., Епанешникова Н.В. Зиновьева Н.П. Эффективность когнитивных тренировок у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения в остром периоде: пилотное исследование // *Психология. Психофизиология*. 2018. Т. 11. № 3. С. 64–73. DOI: 10.14529/psy180308.

SOCIAL ASPECTS OF REHABILITATION OF COGNITIVE IMPAIRMENTS IN PEOPLE OF WORKING AGE

Suvorov V.V., Kiselev A.R.

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine

The deterioration of cognitive functions, which manifests itself not only in people of retirement age, but also in citizens of working age, entails not only inconvenience and suffering for the patients themselves, but also inconvenience for their environment, including health risks, as well as direct and indirect expenses for treatment and rehabilitation. The purpose of the study is to determine the influence of social aspects on the effectiveness of rehabilitation

of cognitive impairment in people of working age. The article shows that during rehabilitation, the social load increases, including the involvement of loved ones and relatives of the sick in this process; in addition, if it is impossible to restore the previous cognitive level of people of working age, there is a need to retrain the patient, within the framework of simpler skills compared to previous ones. In this regard, not only the medical aspects of rehabilitation, but also the social ones, are of particular importance, on which it largely depends on how quickly a patient with cognitive impairment can return to previous social relationships and work activities. Currently, the success of both treatment and rehabilitation is largely determined by the level of well-being of the patient and his family. The development of modern technologies opens up opportunities to reduce the negative impact of a number of social factors and increase the effectiveness of rehabilitation measures, and the expansion of their availability makes it possible for them to be used by various categories of citizens.

Keywords: cognitive impairment, people of working age, rehabilitation.

References

1. Prokopchuk N.N., Skrebtsova N.V., Popov V.V. Features of the state of cognitive functions in men of working age working on vehicles // *Human Ecology*. 2013. No. 10. P. 9–13.
2. Naidich A.M., Lopatkina T.I. Cognitive impairment in people of middle working age against the background of insomnia // *Current problems of somnology*. Collection of abstracts of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference. M., 2020. pp. 54–55. DOI: 10.59043/9785604584835_54.
3. Rehabilitation of higher mental functions in patients with focal brain damage. *Wedge. recom*. A.N. Bogolepova et al.. M.: MEDpress-inform, 2020. 192 p.
4. Filatova E.G., Naprienko M.V. Therapy of memory and attention disorders in young patients // *Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics*. 2013. No. 3. P. 18–23.
5. Prokopenko S.V., Mozheiko E. Yu., Zubritskaya E.M., Bezdenezhnykh A.F. Correction of cognitive impairment in patients who have suffered traumatic brain injury // *Consilium Medicum*. 2017. T. 19. No. 2–1. pp. 64–69.
6. Bogolepova A.N., Levin O.S. Cognitive rehabilitation of patients with focal brain damage. *Journal of Neurology and Psychiatry*. S.S. Korsakov. 2020;120(4):115–122. DOI: 10.17116/jnevro2020120041115.
7. Kutashov V.A., Budnevsky A.V., Pripitnevich D.N., Surzhko G.V. Cognitive and emotional-volitional disorders in patients with consequences of traumatic brain injuries as a factor in impaired socio-psychological adaptation // *Bulletin of neurology, psychiatry and neurosurgery*. 2014. No. 12. P. 41–45.
8. Koehler R, Wilhelm EE, Shoulson I. *Cognitive Rehabilitation Therapy for Traumatic Brain Injury: Evaluating the Evidence*. National Academies Press, Washington, DC, 2011. 356 p.
9. Lam JM, Wodchis WP. The relationship of 60 disease diagnoses and 15 conditions to preference-based health-related quality of life in Ontario hospitalbased long-term care residents // *Med Care*. 2010. V 48. Is. 4. P. 380–387. DOI: 10.1097/MLR.0b013e3181ca2647.
10. Johansson MM, Marcusson J, Wressle E. Cognitive impairment and its consequences in everyday life: experiences of people with mild cognitive impairment or mild dementia and their relatives // *Int Psychogeriatr*. 2015. V. 27. Is. 6. P. 949–58. DOI: 10.1017/S1041610215000058.
11. Cantarero Prieto D. Economic impact of cognitive impairment and dementia // *Rev Esp Geriatr Gerontol*. 2017. V. 52. Is. Suppl 1. P. 58–60. Spanish. DOI: 10.1016/S0211-139X(18)30085-4.
12. WHO. Dementia: basic facts [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (access date: 09/20/2023)
13. Jönsson L, Tate A, Frisell O, Wimo A. The Costs of Dementia in Europe: An Updated Review and Meta-analysis // *Pharmacoeconomics*. 2023. V. 41. Is. 1. P. 59–75. DOI: 10.1007/s40273-022-01212-z.
14. Farré M, Haro JM, Kostov B, Alvira C, Risco E, Miguel S, Cabrera E, Zabalegui A. Direct and indirect costs and resource use in dementia care: A cross-sectional study in patients living at home // *Int J Nurs Stud*. 2016. V. 55. P. 39–49. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2015.10.012.

15. Schaller S, Mauskopf J, Kriza C, Wahlster P, Kolominsky-Rabas PL. The main cost drivers in dementia: a systematic review // *Int J Geriatr Psychiatry*. 2015. V. 30. Is. 2. P. 111–129. DOI: 10.1002/gps.4198.
16. WHO. Dementia: a public health priority. 2013. P. 4. [Electronic resource]. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/75263/9789244564455_rus.pdf. (date of appeal: 09.20.2023)
17. Vasenina E.E., Levin O.S., Sonin A.G. Current trends in the epidemiology of dementia and the management of patients with cognitive impairment // *Journal of Neurology and Psychiatry named after. S.S. Korsakov. Special issues*. 2017. T. 117. No. 6–2. pp. 87–95. DOI: 10.17116/jnevro20171176287–95.
18. Gibson E, Koh CL, Eames S, Bennett S, Scott AM, Hoffmann TC. Occupational therapy for cognitive impairment in stroke patients // *Cochrane Database Syst Rev*. 2022. V. 3. Is. 3. P. CD006430. doi:10.1002/14651858.
19. Kindarova A.A., Fantalis D., Preobrazhenskaya I.S. Non-drug therapy for cognitive impairment: methodological recommendations for conducting cognitive training // *Medical Council*. 2022. T. 16. No. 11. P. 18–26. DOI: 10.21518/2079–701X-2022–16–11–18–26
20. Interactive technologies and cognitive rehabilitation. [Electronic resource]. URL: <https://www.istok-reatech.ru/catalog/interaktivnye-tehnologii-i-kognitivnaya-reabilitatsiya/>. (date of access: 09.20.2023)
21. Cognitive rehabilitation program “Neuronics” [Electronic resource]. URL: <https://neirosmart.ru>. (date of access: 09/20/2023).
22. Zlobina Yu.V., Epaneshnikova N.V. Zinovieva N.P. The effectiveness of cognitive training in patients with acute cerebrovascular accident in the acute period: a pilot study // *Psychology. Psychophysiology*. 2018. Vol. 11. No. 3. pp. 64–73. DOI: 10.14529/psy180308.

Теоретический подход к социологическому анализу социальных практик реабилитации и адаптации людей с ментальными расстройствами

Мецлер Андрей Владимирович,

директор государственного бюджетного учреждения города Москвы Геронтологический центр «Юго-Западный» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
E-mail: avmetsler@mail.ru

Енацкая Надежда Ивановна,

менеджер по управлению рисками государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница имени А.К. Ерамишанцева Департамента здравоохранения города Москвы»
E-mail: e251066@eandex.ru

В статье приводится описание изменений вектора развития системы социальной защиты города Москвы, выступивших концептуальным основанием для трансформаций социальных практик по реабилитации и абилитации людей с ментальными расстройствами, применяемых в работе сети учреждений подведомственных Департаменту труда и социальной защиты населения города Москвы. Выделен ряд моральных, хозяйственных и аксиологических вопросов, определяющих институциональный статус процессов адаптации и реабилитации людей с ментальными расстройствами. Рассмотрены общие положения теории структурирующихся структур П. Бурдьё и теории структуризации Э. Гидденса дающих наиболее полные теоретические основания для всестороннего социологического анализа социальных практик. Обоснован выбор одного из теоретических подходов для социологического анализа кейса трансформаций социальных практик в социальной защите города Москвы.

Ключевые слова: абилитация, ментальные расстройства, теория структурирующихся структур, теория структуризации, система социальной защиты, сегрегация, изоляция, инклюзия.

В свете концептуальных изменений, основного вектора развития системы социальной защиты населения города Москвы, которые выразились в переосмыслении цели и задач абилитационной и реабилитационной работы с людьми, имеющими ментальные расстройства, сегодня можно говорить о новом этапе трансформации реабилитационных практик. В первую очередь изменения выразились в повышении инклюзивности реализуемых практик, а вместе с тем нужно отметить и начало работы по снятию общественной стигмы, сложившейся в отношении лиц с ментальными расстройствами, что становится очевидным при анализе количества и содержания публикаций, выходящих в средствах массовой информации и социальных медиа.

История трансформации практик реабилитации и абилитации людей с ментальными расстройствами в России в целом и Москве в частности насчитывает не одну сотню лет. Проходя не легкий путь формирования инфраструктуры, нормативной базы и, поиска аксиологических оснований эта на первый взгляд маргинальная или не значительная в общем дискурсе тема (по данным Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы в 2022 году в стационарных учреждениях психоневрологического типа проживает порядка 14 тысяч человек, что в целом составляет немногим больше 0,01% от официального количества постоянного населения в Москве по данным Росстата за 2022 год) всегда являлась деятельностным показателем реального уровня общественной морали.

На протяжении всего времени вопросы о гуманном отношении к людям, имеющим ментальные расстройства тесно переплетаются с возможностями ресурсного обеспечения этой работы на институциональном уровне, того какой уровень является необходимым и достаточным не только с моральной, но и с хозяйственной точки зрения.

Если к моральным вопросам можно отнести, например: выбор методов и границ их применения; уровень правоспособности и субъектности человека с ментальными расстройствами; пределы предоставления ему свободы действий и ограничений прав, а также лишение этой свободы у учреждений, то, в хозяйственной сфере возникают не менее острые вопросы, связанные, например, с оценкой готовности учреждений социальной защиты распределять силы и средства, сосредоточенные в стационарных учреждениях, между отдаленными друг от друга точками сопровождаемого проживания; достаточности количества и уровня подготовки профессиональных кадров для обеспечения этого сопровождения и т.д.

Вместе с тем есть и вопросы более высокого социального и аксиологического порядка, например, готовность общества к тому, что среди условно здоровых людей будут на постоянной основе находиться люди с не-

предсказуемым и подчас асоциальным поведением; насколько подобное расширение границ самостоятельности и ответственности за свою жизнь востребовано самими людьми с ментальными расстройствами и др. Таким образом мы видим, что несмотря на относительно небольшое количество жителей нашего мегаполиса, соприкасающихся с практиками реабилитации и абилитации людей с ментальными расстройствами самым непосредственным образом эта социальная общность находится на пересечении многих серьезнейших вопросов, касающихся куда большего круга лиц.

Сегодня мы наблюдаем трансформации практик системы социальной защиты населения, последовавшие за концептуальными изменениями самой модели помощи в отношении групп с ментальными расстройствами. Тому, как на смену сегрегации и изоляции приходят инклюзия и принятие. Научный анализ этого сложного социального процесса, которому предшествуют программные процедуры выделения объекта, предмета, ключевых категорий, реализации операционализации и непосредственной эмпирической фиксации требует теоретически разработанного основания.

Наиболее разработанные теоретический инструментарий социологического анализа социальных практик видится в рамках двух концепций Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса. П. Бурдьё, действуя в описании социального по собственному выражению через двойное структурирование, объединил индуктивные конструктивистские и дедуктивные структуралистские методы. Тем самым осуществив попытку широкого теоретического охвата специфики конкретной реализации социальных практик.

Теория структурирующих структур описывает 3 связанные друг с другом измерения:

- 1 социальное пространство, в котором он представляет общественную жизнь [1];
- 2 совмещение социального пространства и агентов т.е. отдельных индивидов;
- 3 и материальный мир как площадка соединения социального пространства и агентов.

Важное значение эта теоретическая схема отводит понятию «габитус» (habitus) трактуемое как система диспозиций, порождающая и структурирующая практику представления агента. Габитус позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. В представлении агентов это и порождающий принцип, и в тоже время принцип классификации практик [2].

Особенностью такого набора принципов, порождающих и организующих объективно приспособленные практики для достижения того или иного результата, в отсутствии сознательной целеустремленности к этим результатам и требований для этого особого мастерства.

Сам П. Бурдьё в работе «Практический смысл» [3] описывает дуальный характер габитуса как с одной стороны бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия, а с другой всегда быть лимитированным историческими и социальными условиями его собственного формирования. Заключая таким образом, что даваемая свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного. [2]

Устанавливая таким образом связь между определенным набором объективных, например, экономических и субъективных социальных условий (у П. Бурдьё таковыми представляются объемы и структуры капиталов), П. Бурдьё утверждает, что социальные практики имеют двойственную структуру: с одной стороны, они

детерминируются социальной средой, с другой – воздействуют на среду, изменяя ее структуру. [4]

Применение такой теоретизации социальных практик в анализе кейса концептуальных изменений, происходящих в сфере социальной защиты людей с ментальными расстройствами в Москве видится не вполне уместной ввиду структуралистской детерминации индивидуального поведения, не имеющего специального «понимающего инструментария»¹⁾ столь необходимого во множестве моральных и аксиологических вопросов.

Несколько отличающийся взгляд на социологическое теоретизирование социальных практик предложил Э. Гидденс. Совмещая идеи структурного функционализма и понимающей социологии, он определяет социальные практики как многообразные методы и техники, используемые людьми и требующие умений и ресурсов. Многообразие практик на макроуровне рождает необходимость их упорядочения на микроуровне в следствии чего в определенном месте и времени появляются устойчивые паттерны реализации, складывающиеся в свою очередь в социальные системы, которые с одной стороны являются образцом социальных практик, а с другой результатом индивидуальных действий на основе рефлексивного мониторинга [5].

Важным фактором, требующим отдельного внимания, необходимо считать ограниченную способность к индивидуальной рефлексии, заложенную в данной теоретической схеме через непреднамеренные последствия индивидуальных действий, которые в свою очередь по средствам обратной связи обуславливают постоянное формирование новых условий. В это же время стабильность уже сложившихся социальных структур обуславливается неким, присущим каждому из нас конформизмом и невозможностью одновременного изменения всего множества практик.

Говоря о понятиях, отнесенных в теории структуризации, к объективным Э. Гидденс говорит о структурах, существующих вне времени и пространства и выражающихся в наборах правил и ресурсов; системах выражающихся в воспроизводимых в пространстве и времени ситуативных действий субъектов. Ресурсы и правила с одной стороны, выступают стабильными ограничивающими структурами, но в этот же самый момент рассматриваются как имеющие трансформирующийся характер структуризации. Двойственность или дуальность структуры, означает, что агент и общество рассматриваются и как причина, и как следствие взаимно формирующие друг друга в социальном пространстве.

Таким образом социальные практики выступают связующим звеном через которые идет взаимное влияние индивида и социальных структур друг на друга [6].

Важнейшей особенностью данной теоретизации, позволяющей говорить о целесообразности её применения в анализе кейса трансформаций социальных практик реабилитации и адаптации лиц с ментальными расстройствами является совмещение рефлексивного мониторинга и непреднамеренных результатов, которые в купе предоставляют возможности «понимающего» анализа способности коллективных акторов и осуществлять рефлексивную индивидуальных ситуационных действий и взаимодействий, перестраивая, таким образом, социальную действительность заранее непредсказуемым образом.

Таким образом в силу особенностей вопросов поднимаемых в ходе трансформаций социальных практик реабилитации и абилитации людей с ментальными расстройствами наиболее эффективным видится социологический анализ, опирающийся на традиции, сформированные теорией структуриаций.

¹⁾ Понимающего в дильтеевском смысле

Литература

1. Старикова, Е. А. В поисках истоков формирования социального сопровождения как социальной практики / Социология. – 2017. – № 4. – С. 215–200. – ISSN 1812–9226.
2. Бурдьё, П. Социология политики: Перевод с французского / П. Бурдьё. – Москва: Издательство Socio-Logos, Издательская группа «Циркон», 1993. – 336 с. – EDN QYBTFF.
3. Бурдьё, П. Практический смысл: Перевод с французского / П. Бурдьё; Пьер Бурдьё; Общая редакция перевод и послесловие: Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2001. – 562 с. – (Gallicinium). – ISBN 5–88329–351–7. – EDN QOGT-MH.
4. Осьмук, Л.А. Взаимодействие социальных миров: The interaction of social worlds: к проблеме конвенцион. отношений / Л.А. Осьмук; М-во образования Рос. Федерации, Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск: Наука, 2004. – 288 с. – ISBN 5–02–031902–3. – EDN QOFCFH.
5. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс; Энтони Гидденс; [Пер.: Тюрина И.]. – Москва: Акад. прект, 2003. – 525 с. – ISBN 5–8291–0232–3. – EDN QOKGNP.
6. Вершинина, И.А. Формирование теории структуризации Энтони Гидденса / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 103–118. – ISSN 1029–3736.
7. Гидденс, Э. Социология / Энтони Гидденс; Науч. ред. В.А. Ядов; Общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с. – ISBN 5–901006–82–8.

THEORETICAL APPROACH TO THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL PRACTICES OF REHABILITATION AND ADAPTATION OF PEOPLE WITH MENTAL DISORDERS

Metsler A.V., Enatskaya N.I.

Moscow Gerontological Center “South-West” of the Department of Labor and Social Protection of the Population of the city of Moscow; City Clinical Hospital named after A.K. Yeramishantsev of the Department of Healthcare of the City of Moscow

The article describes the changes in the vector of development of the social protection system of the city of Moscow, which served as a conceptual basis for the transformation of social practices for the rehabilitation and habilitation of people with mental disorders used in the network of institutions subordinate to the Department of Labor and Social Protection of the Population of the city of Moscow. A number of moral, economic and axiological issues that determine the institutional status of the processes of adaptation and rehabilitation of people with mental disorders are highlighted. The general provisions of the theory of structuring structures by P. Bourdieu and the theory of structuration by E. Giddens are considered, which provide the most complete theoretical foundations for a comprehensive sociological analysis of social practices. The choice of one of the theoretical approaches for the sociological analysis of the case of transformations of social practices in the social protection of the city of Moscow is justified.

Keywords: agitation, mental disorders, theory of structuring structures, theory of structuration, social protection system, segregation, isolation, inclusion.

References

1. Starikova, E.A. In search of the origins of the formation of social support as a social practice / Sociology. – 2017. – No. 4. – PP. 215–200. – ISSN 1812–9226.
2. Bourdieu, P. Sociology of Politics: Translated from French / P. Bourdieu. – Moscow: Publishing house Socio-Logos, Publishing group “Zircon”, 1993. – 336 p. – EDN QYBTFF.
3. Bourdieu, P. Practical meaning: Translated from French / P. Bourdieu; Pierre Bourdieu; General edition translation and afterword: N.A. Shmatko. – St. Petersburg: Aleteya Publishing House, 2001. – 562 p. – (Gallicinium). – ISBN 5–88329–351–7. – EDN QOGTMH.
4. Osmuk, L.A. Interaction of social worlds: The interaction of social worlds: towards the problem of convention. relations / L.A. Osmuk; The Ministry of Education Grew. Federation, Novosibirsk State Technical University. un-T. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 288 p. – ISBN 5–02–031902–3. – EDN QOFCFH.
5. Giddens, E. The organization of society: An essay on the theory of structuration / E. Giddens; Anthony Giddens; [Trans.: Tyurina I.]. – Moscow: Akad. prect, 2003. – 525 p. – ISBN 5–8291–0232–3. – EDN QOKGNP.
6. Verшинina, I.A. Formation of the theory of structuration by Anthony Giddens / Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2010. – No. 4. – pp. 103–118. – ISSN 1029–3736.
7. Giddens, E. Sociology / Anthony Giddens; Scientific ed. by V.A. Yadov; General ed. by L.S. Gurieva and L.N. Iosilevich; [Per. V. Malysenko et al.]. – Moscow: Editorial URSS, 1999. – 703 p. – ISBN 5–901006–82–8.

Васильев Николай Александрович,

руководитель Исследовательского Центра Ассоциации коммуникационных агентств России, Российской ассоциации маркетинговых услуг, Российской ассоциации развития интерактивной рекламы; магистр социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук; старший научный сотрудник сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: nikolay.a.vasilyev@gmail.com

Автор статьи поставил перед собой задачу выделить и охарактеризовать основные тенденции развития социальных сетей. Анализ большого количества новейших источников информации позволил сделать вывод, что социальные сети превратились в важнейшее звено инфраструктуры информационного пространства и в один из главных способов осуществления современных коммуникаций. Поэтому перед научным сообществом и государственными структурами стоит задача глубокого анализа и эффективного использования социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, сервисы, сетевые игры, медиакоммуникации, электронная торговля, пользователи, специализация, эртертейнмент, интернет, информационное пространство, виртуальная реальность, пользовательский контент, рекламные доходы.

Введение

Социальные сети изменили структуру медиакоммуникаций и медиапотребление. С одной стороны, это достижение человеческой цивилизации, с другой стороны, данные многочисленных исследований и наблюдений говорят о том, что социальные сети могут стать глобальным медиакоммуникационным фундаментом развития «сетевой культуры», всеохватывающего развлекательного контента – эртертейнмента как социокультурной основы нового цифрового общества, способны оказать воздействие на социокультурное состояние российского общества, возможно, изменить конфигурацию социальных отношений, трансформировать культурные нормы и духовно-нравственные ценности.

Основные тенденции развития социальных сетей¹

1. Развитие электронной торговли.

Рост социальных сетей связан с увеличением спроса на социальные сети со стороны коммерческих предприятий, которые стали и рекламодателями, и непосредственными пользователями социальных сетей, формируя внутри сетей собственные группы сотрудников, лояльных потребителей их товаров и услуг; коммерческие организации используют сети как инструмент анализа данных, потребительских предпочтений, изучения своих товаров и услуг, как инструмент маркетинга. В современной коммерции данные социальных сетей стали важнейшим инструментом для бизнеса и идеальной площадкой для онлайн торговли. Пользователи получают доступ к огромному рынку товаров и услуг непосредственно в сетях, могут быстро и удобно выбирать, сравнивать, заказывать, покупать с доставкой товары и услуги. Например, во время пандемии коронавируса, Facebook² запустил бесплатный сервис Facebook Shops с задачей поддержать малый и средний бизнес в период ограничений, дать ему возможность продолжить работу, открыв на платформе свои виртуальные магазины. При этом сервис был адаптирован к существующим в торговле программам и позволял импортировать прайс-листы, списки и каталоги товаров, ассортимент, т.д. TikTok также превращается из социальной сети, специализированной на коротких вертикальных видео, в коммерчески ориентированную социальную сеть, имеющую возможности по продвижению товаров и услуг, в том числе через стриминговые трансляции. Пользователи TikTok имеют возможность воспользоваться кнопкой «shop now» («купи сейчас») и сразу перейти к покупке заинтересовавшего их товара. Социальная сеть Pinterest таргетировала свой e-commerce на предложении пользователям новых брендов. Яндекс и ВК также развивают свои сервисы для электронной коммерции, китайцы

¹ Анализ рынка социальных сетей за 2018–2028. – Текст: электронный // Mordor Intelligence: [сайт]. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/global-social-networking-market> (дата обращения: 13.09.2023).

² Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

продвигают успешный сервис по e-commerce в WeChat. Уже сейчас половина пользователей социальных сетей регулярно участвуют в электронной торговле и дальше это направление будет только укрупняться. Большинство пользователей станет одновременно постоянными онлайн потребителями.

2. Развитие поисковых возможностей.

Социальные сети сейчас активно работают на поисковом поле. Если раньше у поисковых систем (Google, Яндекс, Yahoo, Rambler, etc.) была четко выраженная специализация, то сейчас сферу поиска активно осваивают социальные сети. В ближайшем будущем на страницах выдачи поисковых сервисов будут не крупные, официальные интернет-порталы, а публикации из ВКонтакте, Дзен или свежие видео из YouTube. Поиск станет неотъемлемой частью социальных сетей и большинство пользователей будут пользоваться его расширенной, более совершенной версией, когда осуществление поиска по запросу будет осуществляться не одним механизмом искусственного интеллекта определенного поискового сервиса, а параллельно сразу несколькими механизмами искусственного интеллекта нескольких социальных сетей одновременно с обработкой запроса через доступные данные специализированных групп пользователей и подключенных к сетям баз данных тематических организаций и компаний.

3. Развитие пользовательского контента (произведенного пользователем).

В настоящее время для пользователей существуют разнообразные возможности по созданию и размещению собственного контента. Эти возможности будут возрастать. Пользователь сможет производить более сложные продукты, чем просто видеоролики, аудиозаписи, фотографии, рисунки и текстовые сообщения. Уже сейчас существуют гибридные формы контента, блогеры создают собственные игры для сторис с элементами дополненной реальности. В ближайшее время большинство пользователей сможет самостоятельно производить с помощью виртуальной реальности кинофильмы, игры, создавать информационный и развлекательный контент, сравнимый с тем, что сейчас делают медиакомпании и киностудии. Массовое производство пользовательского контента с переходом на значительно более высокий уровень качества и распространения изменит медиапотребление во всем мире.

4. Развитие универсальности и взаимодополняемости.

Социальные сети в ближайшем будущем будут обладать универсальным набором сервисов, которые постепенно перейдут на единые стандарты. Так, в процессе развития смартфонов существовало много различий, в том числе в операционных системах. Сейчас этот рынок универсализировался до двух основных операционных систем: Андроид и iOS. При этом даже эти две американские системы постепенно адаптировались друг к другу и на потребительском уровне стали очень похожи. Те же процессы происходят и по другим направлениям технологического развития. Если рассматривать пример со смартфонами, с 2024 года Apple переходит на единый стандарт зарядных устройств – Type-C. Теперь практически все смартфоны вне зависимости от страны производства, операционной системы, мощности и качества будут иметь единый стандартный кабель для зарядки. Аналогичные процессы будут проходить в социальных сетях. Можно будет пользоваться разными мессенджерами, но информация будет поступать в единую систему получения и обработки сообщений, все социальные сети будут иметь возможность создания и пересылки контента в любой форме (видео, аудио, фото, рисунок, текст) в любую сеть. Пользователь смо-

жет получить сообщение, например, из WhatsApp, ответить через Telegram, скопировать в Viber и поделиться сообщением в Instagram¹. Не нужно будет иметь десять «иконки» на телефоне – весь контент можно будет распределить по заранее удобным персональным настройкам, например, по конкретным пользователям или виду контента. Например, можно будет собирать любую информацию и любой контент из разных социальных сетей по одному человеку в отдельную папку или в отдельную папку собирать тематический видеоконтент от разных пользователей. Универсализация и взаимодополняемость позволит упорядочить, оптимизировать, систематизировать огромный поток информационного, рабочего, развлекательного контента, который уже как снежная лавина вырос до масштабов, несовместимых с физическими возможностями человека по просмотру и прослушиванию.

5. Развитие персонализированного контента.

Развитие персонализированного контента и его доставка конкретному пользователю уже сейчас происходит на основе обработки персональных данных искусственным интеллектом (ИИ) социальных сетей. Задействованные в этом процесс рекомендательные алгоритмы будут еще тщательнее и быстрее реагировать на пожелания пользователя. Одновременно с этим значительно возрастет воздействие на целевые группы (таргетинг), при этом персонализация и таргетинг станут значительно дешевле и ближе друг к другу. Таргетирование всегда использовалось в рекламе и маркетинге, но именно интернет и социальные сети позволяют довести этот процесс до наиболее эффективного состояния. Уже сейчас Facebook² использует 52 тысячи параметров данных для каждого пользователя. Таким образом таргетинг приблизится к персонализированному рекламному воздействию по аналогии с персонализированным контентом. И хотя Марк Цукерберг обещал не использовать ряд параметров (политическая позиция, сексуальная ориентация, религиозные убеждения и расовая принадлежность и национальная идентификация), ИИ продолжит использовать все эти параметры.

6. Развитие дополненной и виртуальной реальности.

Развитие социальных сетей позволит с помощью специального оборудования погружаться в виртуальную реальность частично (дополненная реальность, от англ. augmented reality, AR) или полностью (виртуальная реальность, от англ. virtual reality, VR или расширенная реальность, от англ. extended reality, ER). Социальные сети с такими возможностями еще называют иммерсивными (от англ. immerse – погружать)³. Введение в широкое использование этих терминов потребовало также создания определения обычной (офлайн) реальности, в которой мы сейчас существуем (реальная реальность, от англ. real reality, RR). Уже сейчас пользователям доступны отдельные элементы погружения в виртуальный мир – виртуальное изображение, звук и тактильные ощущения. В ближайшем будущем технологии позволят воздействовать на все органы чувств пользователя и полностью погружать его в виртуальный контент иммерсивных социальных сетей. Развитие виртуальной реальности создаст новый рынок виртуальных принадлежностей, в котором будут продаваться шлемы, очки, перчатки,

¹ Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

³ Иммерсивные технологии – будущее реального и виртуального опыта. – Текст: электронный // РБК. Тренды: [сайт]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d15e099a794704c-379cf3b> (дата обращения: 10.06.2023).

маски, фильтры, экзоскелеты, VR кресла, наушники, специальная одежда, т.д. Виртуальная реальность изменит подходы к продвижению и продаже товаров и услуг, сделает этот процесс индивидуальным, возникнут новые формы финансовых, в том числе кредитных отношений. Виртуальная реальность изменит игровой рынок, в новых онлайн играх пользователи будут принимать виртуальное участие, сравнимое с настоящей (реальной) реальностью (RR). Виртуальная реальность полностью изменит фармацевтический рынок, ускорит создание и внедрение новых лекарственных препаратов.

7. Развитие сервисов индивидуальных знакомств.

Такого рода услуги в разном виде существуют во многих социальных сетях. С развитием ИИ использование виртуальной реальности изменит личные контакты многих пользователей, которым будет вполне достаточно виртуальных контактов. При этом технологически социальные сети достигнут такого уровня, когда пользователь сможет выбирать между знакомством с реальным человеком или с тем виртуальным образом, который создан искусственным интеллектом специально для пользователя на основе многочисленных пользовательских предпочтений и ожиданий.

8. Развитие рынка индивидуальных помощников.

Развитие социальных сетей приведет к появлению персональных виртуальных помощников. Сейчас на базе ИИ малый и средний бизнес, ограниченный в ресурсах на рекламную поддержку и найм персонала, активно использует ботов, которые помогают круглосуточно обслуживать клиентов, взаимодействовать с ними, оказывать им помощь в простых запросах и проблемах. В социальных сетях уже появляются боты-инфлюенсеры, которые предлагают товары и услуги. Боты-инфлюенсеры имеют миллионные аудитории и становятся популярными в Европе и США. Боты-инфлюенсеры смогут составить конкуренцию настоящим блогерам. В дальнейшем эта технология станет доступной для большинства пользователей, которые с помощью виртуальных помощников (ботов) смогут оптимизировать свое собственное время, например, виртуальный помощник, тренер-бот, напомнит и проведет тренировку, а виртуальный репетитор поможет в подготовке к экзаменам. Вместе с персональными ботами будет развиваться рынок виртуальных рабочих услуг, то есть пользователь физическое или юридическое лицо сможет «нанять» бота-менеджера по работе с клиентами, секретаря, переводчика, т.д. Личный «ассистент» будет выступать в роли будильника, напоминать о встречах и событиях, проводить часть этих встреч. У большинства пользователей может появиться возможность иметь личного или семейного «врача», который сможет хранить, обрабатывать и использовать данные о вашем здоровье, обо всех болезнях и недугах для профилактики здоровья и лечения. Тот же самый или другой бот сможет составить пользователю индивидуальное меню на основании данных о здоровье и генетических предрасположенностях, т.д.

9. Значительный рост развлекательного контента (энтертейнмента).

Большинство социальных сетей будут предлагать всё более широкий и разнообразный контент развлекательного характера. Прежде всего, стриминговое и нон-стриминговое видео различной продолжительности. Основной элемент видео развлечений – это короткие видео. Продолжится рост эротического и порнографического контента. Видео контент будет активно развиваться и в сторону создания кинофильмов с интерактивными фильмами и сериалами, а развитие сюжетов будут определять сами пользователи-зрители. В видео контенте продолжит расти доля порно, эротики, секса, также про-

должит рост рынок онлайн-гейминга, игры станут более интерактивными с элементами дополненной реальности, а в перспективе – гейминг станет виртуальным с полным погружением пользователей в игру. Развитие энтертейнмента является главным направлением развития социальных сетей, заставляя пользователей проводить всё больше и больше времени в сетях. Приход виртуальной реальности позволит пользователям полностью погрузиться в виртуальные миры. Энтертейнмент претендует на всё время пользователей. Сейчас средний пользователь в мире проводит в социальных сетях 147 минут каждый день. Еще два года назад этот показатель был на час меньше.

10. Увеличение рекламных доходов.

Рекламные расходы в социальных сетях стремительно растут. При этом развиваются рекламные возможности сетей. Это и медиа реклама (перформанс (performance), оптимизация (SEO), размещение онлайн видео (OLV), контекстная реклама (context), таргетированная реклама (targeting), программатик (programmatic), т.д. и нон-медиа реклама (креатив, стратегия, комплексная интернет-поддержка, поддержка сайтов, разработка мобильных приложений, производство контента, поддержка групп в социальных медиа, работа с инфлюенсерами, работа с агентами влияния, мониторинг и реагирование, CRM/ Цифровые промо компании, WEB производство (web production), видео производство (video production), аналитика, AR/VR, голосовые интерфейсы, т.д.). По мнению экспертов в 2026 году совокупные рекламные расходы в социальных сетях могут достичь более 800 млрд долларов, что, автоматически, делает социальные сети главным рекламным носителем. Развитие социальных сетей активно продолжится, все факторы говорят об этом, основные международные гиганты (Facebook, Instagram¹, Snapchat, etc.) в ближайшем будущем только усилят свои позиции. Многочисленные новые функции, новый контент и виртуальная реальность позволят социальным сетям укрепить свою монопольное положение в области социокультурных и медиакоммуникаций и еще больше расширить свое влияние на все сферы жизнедеятельности, особенно в области электронной торговли (e-commers), предоставляя потребителем максимально выгодные и удобные формы покупки и доставки товара. Соответственно, производители товаров и услуг еще больше внимания будут уделять социальным сетям, адаптируя свои маркетинговые планы под те изменения, которые происходят в сетях (табл. 1).

Таблица 1

Топ-10 направлений развития социальных сетей

Электронная торговля	Поисковых возможности	Пользовательский контент	Универсальность и взаимодополняемость
Персонализированный контент	Рынок индивидуальных помощников	Развлекательный контент (энтертейнмент)	Сервис индивидуальных знакомств
	Дополненная и виртуальная реальность	Рекламные доходы	

Заключение

Социальные сети становятся главным элементом современных коммуникаций. Это уже произошло в эконо-

¹ Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

мически развитых государствах, прежде всего, в США, Евросоюзе и Китае. Поэтому в этих странах социальные сети и сервисы определяются как самостоятельный вид коммуникаций со своими пользователями, специализацией и медиа бюджетами. Аналогичные процессы происходят в России. На протяжении последних двадцати лет страна впитывала в себя иностранные социальные сети и сервисы. И сейчас наступил «момент истины» – пора понять, какой должна быть политика государства по отношению к социальным сетям и как в этой среде должен работать государственный информационный механизм (см. табл. 1).

Литература

1. Анализ рынка социальных сетей за 2018–2028. – Текст: электронный // Mordor Intelligence: [сайт]. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/global-social-networking-market> (дата обращения: 13.09.2023).
2. Аудитория интернета в 2022 году. – Текст: электронный // Mediascope: [сайт]. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrIhud7t7dxyzw1rhtzXg3r-wk8deg7uk/2022_ИНТЕРНЕТ.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
3. Аудитория мобильных игр в России. – Текст: электронный // Mediascope: [сайт]. – URL: <https://mediascope.net/news/1462457/> (дата обращения: 26.03.2023).
4. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России. – Текст: электронный // ppc.world: [сайт]. – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/#instagram> (дата обращения: 14.03.2023).
5. Аудитория Facebook. – Текст: электронный // Datareportal: [сайт]. – URL: [https://datareportal.com/essential-facebook-stats#:~:text=Number%20of%20Facebook%20users%20in,\)%3A%202.989%20billion%20\(April%202023\)&text=Number%20of%20people%20who%20use,\)%3A%202.037%20billion%20\(April%202023\)&text=Share%20of%20Facebook's%20monthly%20active,%3A%2068%25%20\(April%202023\)&text=Size%20of%20Facebook's%20global%20advertising,2.249%20billion*%20\(April%202023\)](https://datareportal.com/essential-facebook-stats#:~:text=Number%20of%20Facebook%20users%20in,)%3A%202.989%20billion%20(April%202023)&text=Number%20of%20people%20who%20use,)%3A%202.037%20billion%20(April%202023)&text=Share%20of%20Facebook's%20monthly%20active,%3A%2068%25%20(April%202023)&text=Size%20of%20Facebook's%20global%20advertising,2.249%20billion*%20(April%202023)) (дата обращения: 04.06.2023).
6. Главные тренды медиа 2022. – Текст: электронный // Mediascope: [сайт]. – URL: <https://mediascope.net/news/1537495/> (дата обращения: 26.03.2023).
7. Гордеева, Е.В. Цифровизация в образовании / Е.В. Гордеева, Ш.Г. Мурадян, А.С. Жажоян. – Текст: непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 4–1. – С. 12–115.
8. Горшков, М.К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с. – Текст: непосредственный.
9. Горшков, М.К. На переломе веков: Социодинамика российской культуры: [монография] / М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпукhin. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с. – Текст: непосредственный.
10. Иммерсивные технологии – будущее реального и виртуального опыта. – Текст: электронный // РБК. Тренды: [сайт]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d15e099a794704c379cf3b> (дата обращения: 10.06.2023).
11. Интернет-реклама. – Текст: электронный // Tadvise: [сайт]. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 24.03.2023).
12. Исследовательский центр АКАР/ПАМУ/ИАВ Исследование рынка мобильных игр / АКАР/ПАМУ/ИАВ Исследовательский центр. – Текст: электронный // iabrus: [сайт]. – URL: https://iabrus.ru/uploads/files/PDF/IAB21_Mobile_Games_Ad.pdf (дата обращения: 25.03.2023).
13. Исследовательский центр АКАР/ПАМУ/ИАВ Russia Объем рынка Influencer Marketing вырос в полтора раза и составил 11,1 млрд рублей / АКАР/ПАМУ/ИАВ Исследовательский центр. – Текст: электронный // Sostav: [сайт]. – URL: <https://sostav.ru/publication/influencer-marketing-2019–2020-god-48027.html> (дата обращения: 25.03.2023).
14. Социальные сети как информационный ресурс. – Текст: электронный // VS: [сайт]. – URL: <https://vc.ru/u/528817-margarita-tomazova/133677-socialnye-seti-kak-informacionnyy-resurs> (дата обращения: 24.03.2023).
15. Global Industry Analysts. – Текст: электронный // StrategyR: [сайт]. – URL: <https://www.strategyr.com/market-report-metaverse-forecasts-global-industry-analysts-inc.asp> (дата обращения: 14.03.2023).

MAIN TRENDS OF SOCIAL NETWORKS DEVELOPMENT: ON THE WAY TO THE NEW SOCIAL WORLD

Vasilyev N.A.

Moscow School of Social and Economic Sciences, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The author of the article set a goal to highlight and characterize the main trends of social networks development. Analysis of the large number of the latest sources of information led the conclusion that social networks have become the most important link in the information space infrastructure and one of the main ways of carrying out modern communications. Therefore, the scientific community and government agencies are faced with the task of in-depth analysis and effective usage of social networks.

Keywords: social networks and services, online games, media communications, e-commerce, users' content, specialization, entertainment, internet, information space, virtual reality, advertising revenue, new social world.

References

1. Analysis of the social networks market for 2018–2028. – Text: electronic // Mordor Intelligence: [website]. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/global-social-networking-market> (access date: 09/13/2023).
2. Internet audience in 2022. – Text: electronic // Mediascope: [website]. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrIhud7t7dxyzw1rhtzXg3r-wk8deg7uk/2022_INTERNET.pdf (access date: 03/26/2023).
3. Audience of mobile games in Russia. – Text: electronic // Mediascope: [website]. – URL: <https://mediascope.net/news/1462457/> (access date: 03/26/2023).
4. Audience of the six largest social networks in Russia. – Text: electronic // ppc.world: [website]. – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/#instagram> (access date: 03/14/2023).
5. Facebook audience. – Text: electronic // Datareportal: [website]. – URL: [https://datareportal.com/essential-facebook-stats#:~:text=Number%20of%20Facebook%20users%20in,\)%3A%202.989%20billion%20\(April%202023\)&text=Number%20of%20people%20who%20use,\)%3A%202.037%20billion%20\(April%202023\)&text=Share%20of%20Facebook's%20monthly%20active,%3A%2068%25%20\(April%202023\)&text=Size%20of%20Facebook's%20global%20advertising,2.249%20billion*%20\(April%202023\)](https://datareportal.com/essential-facebook-stats#:~:text=Number%20of%20Facebook%20users%20in,)%3A%202.989%20billion%20(April%202023)&text=Number%20of%20people%20who%20use,)%3A%202.037%20billion%20(April%202023)&text=Share%20of%20Facebook's%20monthly%20active,%3A%2068%25%20(April%202023)&text=Size%20of%20Facebook's%20global%20advertising,2.249%20billion*%20(April%202023)) (accessed 06/04/2023).
6. Main media trends 2022. – Text: electronic // Mediascope: [website]. – URL: <https://mediascope.net/news/1537495/> (access date: 03/26/2023).

7. Gordeeva, E.V. Digitalization in education / E.V. Gordeeva, Sh.G. Muradyan, A.S. Zhazhoyan. – Text: direct // Economics and business: theory and practice. – 2021. – No. 4–1. – P. 12–115.
8. Gorshkov, M.K. Youth of Russia in the mirror of sociology. On the results of many years of research: [monograph] / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. – Moscow: FNISC RAS, 2020. – 688 p. – Text: direct.
9. Gorshkov, M.K. At the turn of the century: Sociodynamics of Russian culture: [monograph] / M.K. Gorshkov, S.N. Komissarov, O.I. Karpukhin. – Moscow: FNISC RAS, 2022. – 703 p. – Text: direct.
10. Immersive technologies are the future of real and virtual experiences. – Text: electronic // RBC. Trends: [website]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d15e099a794704c379cf3b> (access date: 06/10/2023).
11. Internet advertising. – Text: electronic // Tadviser: [website]. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (access date: 03/24/2023).
12. Research Center AKAR/RAMU/IAB Mobile games market research / AKAR/RAMU/IAB Research Center. – Text: electronic // iabrus: [website]. – URL: https://iabrus.ru/uploads/files/PDF/IAB21_Mobile_Games_Ad.pdf (access date: 03/25/2023).
13. Research Center AKAR/RAMU/IAB Russia The volume of the Influencer Marketing market has grown one and a half times and amounted to 11.1 billion rubles / AKAR/RAMU/IAB Research Center. – Text: electronic // Sostav: [website]. – URL: <https://sostav.ru/publication/influencer-marketing-2019-2020-god-48027.html> (access date: 03/25/2023).
14. Social networks as an information resource. – Text: electronic // VS: [website]. – URL: <https://vc.ru/u/528817-margarita-tomazova/133677-socialnye-seti-kak-informacionnyy-resurs> (date of access: 03.24.2023).
15. Global Industry Analysts. – Text: electronic // StrategyR: [website]. – URL: <https://www.strategyr.com/market-report-metaverse-forecasts-global-industry-analysts-inc.asp> (access date: 03/14/2023).

Возможности и барьеры управления организационным развитием малого бизнеса в условиях турбулентной среды

Шмарион Юрий Васильевич,

д.с.н., профессор, профессор кафедры философии, социологии и теологии, Липецкий государственный педагогический институт имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: jbshmarion@mail.ru

Ваш Юрий Федорович,

соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: vash-yr@gmail.ru

Сегодня, несмотря на множество позитивных следствий развития малого и среднего бизнеса, сегодня ему приходится функционировать в условиях риска, которые возникают в процессе санкционной политики со стороны недружественных стран. В условиях неопределенности малому и среднему бизнесу приходится постоянно отслеживать колебания внешней среды и оперативно генерировать, и реализовывать оптимальные управляющие воздействия, способные нивелировать последствия турбулентности. Существенно усложнились процессы прогнозирования и планирования деятельности предприятий малого бизнеса возникла насущная потребность в разработке и внедрении социальных технологий. Практика управления организациями требует разработки новых подходов, которые должны включать себя социально технологический вектор развития. Востребованность разработки социальных технологий управления организационным развитием в современных условиях нестабильности и риска, обусловлено тем, что сегодня развитие интеллектуальных ресурсов, нематериальных активов российских компаний становится важнейшим источником их конкурентных преимуществ на международных рынках.

Ключевые слова: малый бизнес, социальное управление, организационное развитие, системность, нестабильная среда.

Введение

Активное развитие малых и микроорганизаций обеспечивает стабильный средний класс населения, являющийся опорой общества и гарантом устойчивого развития экономики. Малый бизнес «характерен для таких форм производства как торговля, сфера услуг. Малые предприятия быстро реагируют на внешние изменения. Но их гибкость делает их одновременно крайне зависимыми от экономических изменений. Директора на таких предприятиях зачастую осуществляют управление за счет интуиции и собственного опыта» [4].

Уже на протяжении более 10 лет малый бизнес в России функционирует в турбулентной, рискогенной среде. «Турбулентная среда характеризуется неопределенностью социальных и экономических процессов, резкими колебаниями рыночной активности, низкой степенью прогнозируемости. В нестабильной среде специфика и характер неопределенности социальных процессов определяются, прежде всего, огромной ролью субъективного фактора в протекании этих процессов» [10].

Учитывая нестабильность среды, в которой функционирует малый бизнес, общим контекстом трансформации современной управленческой парадигмы являются изменения, происходящие во внешней среде. Процесс развития предприятий малого бизнеса характеризуется «неравномерностью, дискретностью, цикличностью, а также наличием сложной взаимосвязи между проявлениями устойчивости и неустойчивости» [1]. В этой связи многие из них вынуждены перестраивать собственную структуру и технологию работ, изменять стратегию маркетинга, а также запускать сложнейшие процессы, затрагивающие психологию и поведение работников.

Методика

Методологической основой исследования является комплекс концепций и теорий, способствующих полноценному пониманию особенностей управления организационным развитием малого бизнеса в турбулентной (нестабильной) среде, в частности:

- концепция рационального выбора позволяющая рассматривать управление организационным развитием малого бизнеса как инструмент целерационального выбора компании, который служит достижению ее целей в долгосрочной перспективе;
- концепция диалектики определенности и неопределенности разработанная советскими учеными В. Готтом, П. Визиром и Л. Урсолом [3].

В работе использовались следующие теоретические методы:

- метод формально-логического анализа для определения категориально-понятийного аппарата исследования процесса управления организационным развитием малого бизнеса;
- сравнительный метод, позволяющий выявить и охарактеризовать особенности управления организационным развитием малого бизнеса в современных условиях;

- социально-технологический метод, который позволит разработать конкретные решения, направленные на осуществление регулирующего воздействия на процесс управления организационным развитием малого бизнеса.

Для концептуализации дефиниции организационное развитие малого бизнеса будут использованы такие методы, как анализ, синтез, аналогия, сравнение, конкретизация и классификация.

Эмпирическую базу составляют результаты социологического исследования «Диагностика социальных технологий управления организационным развитием предприятий малого бизнеса в нестабильной среде» проведенного в период с ноября по декабрь 2018 года [10].

Результаты

Следует отметить, что малый бизнес практически всегда функционирует в условиях нестабильности среды.

В этой связи доктор экономических наук В.В. Келарев замечает, что «Становление малого предпринимательства в экономике происходит постоянно в условиях кризисов. На данный момент это уже пятый кризис с начала рыночных реформ. Такое положение откладывает отпечаток на то, что динамика субъектов малого и среднего бизнеса носит нестабильный контекст» [5].

В 2020 году существенное влияние на малый бизнес оказала пандемия COVID-19. Хотя, отметим, что и в «докоронавирусный» период малый бизнес находился в состоянии системного кризиса, который только усугубился после 2020 года.

Подтверждают данные выводы данные официальной статистики, изучив которые можно констатировать, что доля предприятий малого бизнеса в Белгородской области с каждым годом существенно сокращается.

Так последний раз увеличение количество предприятий малого бизнеса наблюдалось в 2016 году на 3228 в сравнении с 2015 годом. В последствии количество предприятий малого бизнеса в Белгородской области (с учетом микропредприятий) стало неуклонно сокращаться.

Небольшой подъем предприятий малого бизнеса наметился в 2019 году, однако последствия пандемии спровоцировали существенное их сокращение, самое большое за последние 7 лет на 10,0%.

Прогрессирующее сокращение субъектов малого бизнеса характерно для множества регионов в РФ, так по данным опроса «Оценка проблем предпринимательства в Чувашской республике», в период с 2019 до 2020 года количество субъектов малого бизнеса сократилось на 4,6%, а с 2020 по 2021 г. на 8,9% [8].

По результатам исследования портала Бизнес.ру проведенного в 2021 год, в период с 2020 года по настоящее время в регионах РФ закрывается от 8,0% до 10% предприятий мало бизнеса [9].

По данным Национального рейтингового агентства «Сокращение российской экономики в первые два квартала 2022 года негативно повлияло на деятельность малых и средних предприятий (МСП). Оборот малых предприятий в номинальном выражении в первом квартале 2022 года вырос всего на 1,7% к I полугодю 2021 года при накопленной инфляции за этот период в размере 15,9%. Замедление происходит в оптовой торговле (-13%), профессиональной и научной деятельности (+4%), электроэнергетике (+6%) и административной деятельности (+7%). В базовом сценарии Агентства совокупный оборот малых и средних предприятий в реальном выражении может восстановиться до уровня 2019 года только к 2026 году» [7].

По данным аналитических центров количество субъектов малого и среднего предпринимательства в Белгородском регионе за год стало меньше на 2,8%. Для сравнения: в июле 2021 года в Белгородской области насчитывалось 57,2 тыс. фирм МСП. В 2022 году их стало 55,6 тыс. [2].

В целом в регионах Черноземья количество субъектов МСП уменьшилось на 3,5%. В расчёт брали, помимо Белгородской, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую и Орловскую области.

Таким образом, в настоящее время предприятиям малого бизнеса снова приходится адаптироваться к турбулентным условиям стремительно меняющейся социально-экономической и политической реальности. В современных условиях существенно усложнились процессы прогнозирования и планирования деятельности предприятий малого бизнеса возникла насущная потребность в разработке и внедрении социальных технологий управления организационным развитием предприятий малого бизнеса в нестабильной среде.

Основываясь на полученных теоретических представлениях, а также эмпирических данных в качестве пилотного проекта, разработан ряд социальных технологий организационного развития для предприятия малого бизнеса ООО «БелСтройВысоты». ООО «БелСтройВысоты» функционирует в Белгородской области с 05 апреля 2015 года. Основным видом деятельности является строительство жилых и нежилых зданий. Кроме того, предприятие оказывает и ряд иных услуг, в частности фасадные, мойка окон и фасадов, удаление сосулек и уборка снега, монтажные работы, кровельные работы. Официальный сайт компании «<https://promalp31.ru/>». Организационная структура предприятия, как и большинства, в малом бизнесе – линейная. Социальные технологии организационного развития реализуются на четырех уровнях: продукта (как отдельной системы, и, порой, достаточно сложной), операционной системы под продукт, систем обслуживания и управления. Особенностью предприятий малого бизнеса является, то, что зачастую сам руководитель выступает в качестве бизнес-архитектора.

Проанализировав внешнюю среду, в которой приходится функционировать предприятию, учитывая размер ООО «БелСтройВысоты», а также особенности управления, были определены основные функции, которые должны быть включены в организационное развитие ООО «БелСтройВысоты». Для реализации каждой функции были разработаны конкретные социальные технологии, к ним относятся: разработка требований; разработка бизнес-модели и плана развития; разработка продукта; проектирование бизнес-архитектуры; создание или изменение операционной и обслуживающей систем.

Разработанное концептуальное обоснование социального проектирования и реализации социальных технологий управления организационным развитием предприятий малого бизнеса в условиях нестабильной среды прошло опытную проверку на ООО «БелСтройВысоты» условиях пандемии COVID-19, а также санкционного давления на РФ и показало ее высокую эффективность

Обсуждение и заключение

Таким образом, подводя общий итог отметим, что современный малый бизнес находится в кризисном положении. Экономические и политические условия, в которых приходится функционировать малому бизнесу достаточно турбулентны, бизнес нуждается в основательной поддержке со стороны государства.

О.В. Кондратьева пишет: «Непоследовательность и разнонаправленность мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса снижает уровень доверия предпринимателей к государству, вынуждает предпринимателей уходить в нелегальное поле, снижает положительный эффект от реализации мер государственной поддержки» [6].

На наш взгляд, только внешней поддержки для развития малого бизнеса недостаточно, потому что, с целью выживания на рынке, представители малого бизнеса должны существенно трансформировать процессы управления малым бизнесом.

Согласимся с мнением Е.А. Ядрихинского, и отметим, что «предприятия малого бизнеса более гибки по сравнению с большими предприятиями; они быстрее реагируют на изменения рынка и адаптируются в нем, создавая новый проект управления бизнесом и оптимизируя расходы» [11]. Разумеется, все это невозможно без должной финансовой, экономической, правовой и консультационной поддержки со стороны государства. Однако ориентация на внутренние ресурсы бизнеса, на внедрение новых технологий правления организационным развитием малых предприятий может быть достаточно перспективна в современных условиях.

Литература

1. Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпорации. – СПб., 2007. – С. 20.
2. В Белгородской области за год число субъектов МСП сократилось на 2,8%. – URL: <https://bel.ru/news/2022-07-15/v-belgorodskoy-oblasti-za-god-chislo-sub-ektov-msp-sokratilos-na-2-8-383360?ysclid=lg41yu9tvf857206381> (дата обращения: 23.08.2023).
3. Готт В., Урсул Л., Визир П. Определенность и неопределенность как категории научного познания. Кишинев. 1971.
4. Ефремов Л.Г., Денисов С.Г., Петрова Г.Д. Региональный аспект малого бизнеса // Вестник ЧГУ. 2011. № 4. С. 399–402.
5. Келарев В.В. Малый и средний бизнес российской федерации в условиях постоянных кризисов и волатильной бизнес-среды // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 127.
6. Кондратьева О.В. Основные направления государственной поддержки и ключевые проблемы развития малого и среднего бизнеса // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 312.
7. МСП: Восстановление аналитический обзор отложено на 4 года. – URL: <https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/msp.pdf?ysclid=le61efnudz497528899> (дата обращения: 09.09.2023).
8. Оценка проблем предпринимательства в Чувашской республике. – URL: <https://rbi21.ru/wp-content/uploads/> (дата обращения: 09.01.2021).
9. Часть предприятий МСП в России рискуют закрыться в 2021 году: падает спрос и объем выручки. – URL: <https://www.business.ru/news/22421-10-predpriyatij-msp-v-rossii-riskuyut-zakrytsya-v-2021-godu-padaet-spros-i-obem-vyruchki> (дата обращения: 09.09.2023).
10. Шмарион, Ю.В. Управление малым бизнесом в условиях нестабильной социально-экономической среды / Ю.В. Шмарион, Ю.Ф. Ваш // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 4–1. – С. 184–189.
11. Ядрихинский Е.А. Перспективы развития малого бизнеса в условиях пандемии covid-19 // Разработка и перспективы применения инновационных тех-

нологий в контексте мирового и регионального развития. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 131.

OPPORTUNITIES AND BARRIERS TO MANAGE ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN A TURBULENT ENVIRONMENT

Shmarion Yu.V., Vash Yu.F.

Lipetsk State Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

Today, despite the many positive consequences of the development of small and medium-sized businesses, today they have to operate under risk conditions that are moving in the process of sanctions policy from unfriendly countries. In conditions of uncertainty, income for small and medium-sized businesses constantly takes into account changes in the external environment and promptly limits and implements optimal control actions that can neutralize the consequences of turbulence. The processes of forecasting and planning the activities of small businesses have become significantly more complicated, and an urgent need has arisen for the development and implementation of social technologies. The practice of managing organizations requires the development of new approaches, which should include the socio-technological vector of development. The demand for the development of social technologies for managing organizational development in modern conditions of instability and risk is due to the fact that today the development of intellectual resources and intangible assets of Russian companies is becoming the most important source of their competitive advantages in international markets.

Keywords: small business, social management, organizational development, consistency, unstable environment.

References

1. Adizes I.K. Corporate life cycle management. – St. Petersburg, 2007. – P. 20.
2. In the Belgorod region over the year, the number of SMEs decreased by 2,8%. – URL: <https://bel.ru/news/2022-07-15/v-belgorodskoy-oblasti-za-god-chislo-sub-ektov-msp-sokratilos-na-2-8-383360?ysclid=lg41yu9tvf857206381> (access date: 08/23/2023).
3. Gott V., Ursul L., Vizir P. Certainty and uncertainty as categories of scientific knowledge. Kishinev. 1971.
4. Efremov L.G., Denisov S.G., Petrova G.D. Regional aspect of small business // Bulletin of ChSU. 2011. No. 4. pp. 399–402.
5. Kelarev V.V. Small and medium-sized businesses of the Russian Federation in conditions of constant crises and a volatile business environment // State and municipal management. Scientific notes. 2021. No. 1. P. 127.
6. Kondratyeva O.V. Main directions of state support and key problems of development of small and medium-sized businesses // Current issues of modern economics. 2020. No. 11. P. 312.
7. SME: Recovery analytical review postponed for 4 years. – URL: <https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/msp.pdf?ysclid=le61efnudz497528899> (date of access: 09.09.2023).
8. Assessment of entrepreneurship problems in the Chuvash Republic. – URL: <https://rbi21.ru/wp-content/uploads/> (access date: 01/09/2021).
9. Some SMEs in Russia are at risk of closing in 2021: demand and revenue are falling. – URL: <https://www.business.ru/news/22421-10-predpriyatij-msp-v-rossii-riskuyut-zakrytsya-v-2021-godu-padaet-spros-i-obem-vyruchki> (access date: 09.09.2023).
10. Shmarion, Yu.V. Small business management in an unstable socio-economic environment / Yu.V. Shmarion, Yu.F. Yours // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 4–1. – pp. 184–189.
11. Yadrinkhinsky E.A. Prospects for the development of small businesses in the context of the covid-19 pandemic // Development and prospects for the use of innovative technologies in the context of global and regional development. Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2020. P. 131.

Завьялов Андрей Евгеньевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, ГАОУ ВО МГПУ

В статье анализируются основные тенденции развития индустрии здоровья, а также применение цифровых технологий, как одного из компонентов формирования здорового образа жизни. Основное развитие применения цифровых технологий в индустрии здоровья, началось после широкого распространения COVID-19 и последовавших за этим мероприятий. В этот период активно развиваются дистанционные тренировки, виртуальные тренировки, формируются новые направления фитнеса, которые более удобны для домашнего использования. Крупные корпорации, производящие цифровые гаджеты и объединяющие их в цифровые экосистемы – активно развивают новую индустрию применения смарт-технологий для массового потребителя в направлении сбережения и сохранения здоровья. Вместе с этим формируются и определенные отношения потребителей к таким смарт-технологиям. Полученные результаты исследования можно использовать для расширения методов приобщения к здоровому образу жизни, как со стороны государства, так и со стороны частных компаний, исполняющих таким образом свою социальную миссию.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, цифровое здоровье, цифровые технологии, цифровая медицина, технологии здорового образа жизни.

Введение

Развитие и сохранение здоровья – один из приоритетов для государства. Для реализации этих целей Правительством проводится ряд мероприятий в рамках приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни» [1]. Этот проект был создан для того, чтобы систематически увеличить в стране число людей придерживающихся концепций здорового образа жизни, полностью или частично.

Данный проект, первоначально был рассчитан до 2025 года и предполагалось, что удастся увеличить число людей придерживающихся здорового образа жизни до 60%. При этом, помимо этого, развитие инициатив по формированию здорового образа жизни привели к формированию целой индустрии здорового образа жизни. То есть в результате проявления все большего интереса к здоровому образу жизни, образуются и социально-экономические субъекты отношений в области здоровья.

Сегодня, здоровье является не только социальной составляющей жизни, но и экономической. Развитие потребности в сохранении здоровья приводит к формированию отдельной сферы рынка – индустрия здоровья, которая включает в себя производство различных вспомогательных инструментов для тех, кто заботится о своем здоровье.

Результаты

Формирование здорового образа жизни является комплексным, системным действием, требующим от человека дисциплинированности и мотивации, желанием сберечь свое здоровье. Состояние здоровья оказывает влияние не только на самого человека, но и его окружение, как через общение и психологическое самочувствие, так и через сохранение работоспособности. Именно поэтому в формировании здорового образа жизни сегодня заинтересованы не только государство, но и различные корпорации. Помимо возможности развития индустрии, многие корпорации в корпоративную культуру включают различные спортивные мероприятия, а также компенсации на посещения спортивных, фитнес-клубов, а также иных организаций, занятых в сфере здоровья. Это приводит к новым направлениям развития индустрии здоровья. В соответствии с возникающими вызовами – происходит изменение существующих тенденций. Одним из таких серьезных вызовов, оказавших сильное влияние стал COVID-19, когда в период локдаунов необходимо было искать новые формы активностей и возможностей для поддержания здоровья. Это касалось, как простых людей, так и компаний, производителей продуктов [3, с. 20].

Индустрия здоровья развивается сразу по нескольким направлениям в соответствии с имеющимися тенденциями. На ее развитие большое влияние оказал коронавирус и локдауны, так как именно цифровые технологии позволяют по многим направлениям заниматься где угодно и когда угодно. Период локдаунов также повлиял на развитие новых направлений фитнеса, которые бы имели пониженное требование к спортивному инвентарю.

1. Одним из развивающихся экономических трендов в области здорового образа жизни, является развитие

спроса на различные рода органические и экологические продукты питания. Также, растет спрос и на органические пищевые добавки. Это приводит к тому, что открываются новые предприятия, связанные с производством подобных продуктов питания, что в свою очередь стимулирует развитие сельского хозяйства, пищевого хозяйства.

2. Повышается спрос на активный отдых и активных туризм. В ряде регионов, таких, как: Дагестан, Алтай, Камчатка – наблюдается активный рост туристического потока. По мнению экспертов, на это влияют, как введенные ограничения на перелеты, а также рост стоимости, так и рост потребительского запроса на подобного рода туристические поездки, способствуют также и финансовые вливания государства в этот бизнес [7].

3. Рост числа фитнес-клубов. Несмотря на то, что в период COVID-19 в 2021 году, данная отрасль понесла серьезные потери, тем не менее, после локдауна, она начала быстро восстанавливаться. Это также поддерживается на государственном уровне за счет строительства спортивных площадок. Также способствуют различные проекты, как например, в городе Москве – «Мой спортивный район», в рамках которого проводятся различного рода занятия и прочие мероприятия на открытом воздухе [4, с. 110].

4. Развитие интереса к таким направлениям, как: фитнес-йога, барре-йога, танцевальная аэробика, фитбол, кроссфит, бодипамп, джампинг-фитнесс, киббо и другие. Вместе с ростом интереса к таким формам активностей, а равно, как и появление новых фитнес-клубов, завязанных на этом, что также позволяет стимулировать сферу производства спортивного инвентаря, одежды, технологических устройств по слежению за здоровьем.

5. Развитие технологий виртуальной активности. Уже сейчас развиваются игровые виртуальные платформы, которые предлагают интерактивные игры. При этом уже происходят попытки адаптации подобных интерактивных виртуальных платформ для реабилитации больных [2, с. 114].

6. Развитие смарт-технологий. В сфере индустрии здорового образа жизни активно развивается применение интеллектуальных приложений и программ, которые могут не только отслеживать пульс и количество пройденных шагов, сожженных калорий в течении тренировки, но и качество сна, персонализировать тренировки, персонализировать питание, подбор рецептов по индивидуальным запросам и многое другое. Конечно, такие меры не должны заменять обращения к квалифицированным специалистам врачам, тем не менее они в значительной степени расширяют возможности в сфере здорового образа жизни.

Если остановится отдельно на последнем пункте – то есть развитии смарт-технологий в области здорового образа жизни, то можно сказать, что их развитие зашло значительно дальше, чем просто набор технологий. На сегодняшний день многие производители различного рода компьютерной техники и устройств, смартфонов, стремятся создать отдельную электронную экосистему. К наиболее популярным гаджетам можно отнести такие устройства, как:

1) Смарт-кольцо, которое является дальнейшим развитием идеи размещения в часах различных устройств контроля состояния здоровья. Смарт-кольцо, надетое на палец, позволяет анализировать некоторые процессы метаболизма организма;

2) Смарт-часы, точно также, как и смарт-кольца, позволяют считывать показания организма и могут вывести их на экран для оценки пользователем результатов;

3) Фитнес-браслеты, устройства, позволяющие провести базовую оценку активности человека;

4) Специальные наушники вне ушных раковин, для занятий на воздухе, необходимы, чтобы оставалась возможность слышать окружающее пространство;

5) смарт-весы, которые могут с помощью различных инструментов определять вес, объемы жировой и мышечной ткани, производить расчеты индексов тела и другое;

6) смарт-зеркало, недавно разработанное устройство, которое имеет встроенную видеокамеру и с помощью программного обеспечения может провести оценку состояния кожи, а также иные визуальные компоненты здоровья.

Некоторые исследования показывают [8], что так или иначе различного рода цифровыми устройствами и сервисами для поддержания здорового образа жизни пользуется примерно 63% процента россиян. При этом некоторые из них делают это ежедневно или регулярно при тренировке – 47% и 22% опрошенных, соответственно. 27% пользуются этим периодически, и лишь 4% почти не используют.

Самыми популярными при этом являются трекееры физической активности, ими пользуются 56% опрошенных. На втором месте находятся программы тренировок – 34% опрошенных. Трекееры параметров веса на третьем месте – 33% опрошенных. Приложения для поиска лекарств интересны 27% опрошенных. Исходя из этих ответов, можно предположить, что респондентов в процессе тренировки более всего интересуют собственные успехи и достижения. Это является хорошим мотиватором развиваться и самодисциплинироваться, так как в основе заботы о собственном здоровье лежит дисциплина человека.

Что интересно, в ходе исследования респонденты были также опрошены о причинах использования гаджетов при физической активности. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов и самым популярным из всех – 84% опрошенных – было то, что использование подобных устройств и программ помогает им дисциплинировать себя для тренировок. Еще для 42% опрошенных такие устройства помогают им настраиваться на здоровый образ жизни, то есть мотивируют к следованиям ценностей здорового образа жизни. 35% опрошенных такие устройства помогают следить за своей активностью и здоровьем. Для доли респондентов в размере 25% от опрошенных, подобные устройства помогают избавляться от вредных привычек. Для 6% опрошенных – такие устройства не приносят никакой пользы.

При этом абсолютное большинство пользователей таким устройств доверяет выводим параметрам. 8% респондентов и 68% респондентов указывают варианты ответов: «определенно да» и «скорее да», соответственно. При этом лишь 21% и 3% опрошенных указывают, что: «скорее нет» и «определенно нет».

Таким образом, можно сказать, что само по себе широкое появление на рынке различных цифровых устройств для оценки собственного состояния здоровья и поддержания здорового образа жизни – не только помогает экономическому развитию отрасли здоровья, но и позволяет людям больше поддерживать себя.

Большую пользу в развитии и поддержании тенденций на здоровый образ жизни приносят различные социальные сети, в том числе специализированные, которые позволяют людям делиться своими успехами и начинаниями. Обычно, такие небольшие специализированные социальные сети строятся на базе тех или иных приложений и устройств.

Применения цифровых технологий в области здоровья и здравоохранения не ограничивается только лишь рынком фитнеса и спорта. В области здравоохранения также идет бурное развитие.

Одна из важных тенденций – это создание полноценных облачных баз здоровья пациентов. Медицинские карты, результаты анализов, обращения к врачам – все это переносится в облачные сервисы, что создает большую единую базу данных. Развитие этого направления было подстегнуто появлением телемедицины, которая начала развиваться в период коронавируса, когда больные с легкими заболеваниями имели затруднения с посещением врачей в связи с ограничениями. Такая мера позволяет не только снизить расходы на медицину, но повысить оперативность. Конечно, такие технологии имеют свои риски, в том числе в рамках безопасности. Однако, сама по себе тенденция развивается стремительно.

Другая важная тенденция – это применение нейросетей при постановке диагнозов. Такой инструмент позволяет, проанализировав все анализы и симптомы, выделить несколько возможных вариантов из которых уже врач может выбрать наиболее подходящий ситуации. При этом, эксперименты показывают достаточно высокую точность подобного рода анализа [5, с. 230]. В свою очередь нейросети являются достаточно гибким инструментом, который может оказывать помощь абсолютно в разных направлениях. Такие смарт-технологии способны даже подбирать оптимальные маршруты для велопрогулок в соответствии с запросом и настроением пользователя. Теоретически, можно предположить даже создание смарт-технологии, которая в состоянии адаптировать маршруты в зависимости от текущего физиологического состояния, выбирая более легкие при утомленности.

Конечно, существуют и другие тенденции в области цифрового здравоохранения, но именно эти две важны с учетом соединения цифровой индустрии здоровья и цифрового здравоохранения. Сегодня уже проводятся эксперименты, когда данные с различного рода фитнес-трекеров используются при анализе сердечной активности. Уже отмечаются случаи, когда подобная практика помогла выявить сердечно-сосудистые заболевания, о которых пациенты не знали и не подозревали [6, с. 9].

Для того, чтобы такие технологии работали в тандеме – как раз необходимы облачные сервисы и «умные» системы анализа и мониторинга, чтобы снизить нагрузку на врачей.

Заключение

В заключении необходимо отметить большую роль современных цифровых устройств в формировании здорового образа жизни. Многие люди воспринимают такие устройства не только, как технические инструменты, но и как способ самодисциплины и самоощущения – когда они видят свои успехи, это помогает двигаться дальше. Вместе с тем, создание новых цифровых гаджетов, помогающих формированию здорового образа жизни, может также оказать серьезное влияние на здравоохранения, изменяя подход к получению анализов и их оценки. С помощью облачных сервисов и телемедицины врач сможет контролировать состояние здоровья пациентов, получая информацию в online режиме, что в значительной степени может повысить качество диагнозов. С учетом развития использования нейронных сетей, которые могут взять на себя функцию постоянного мониторинга здоровья – это может поднять качество медицинских услуг на совершенно новый уровень.

Можно выделить несколько основных моделей использования цифровых гаджетов в области здорового образа жизни:

- 1) цифровые гаджеты, как мотивационный компонент, ввиду возможности контроля прогресса;
- 2) цифровые гаджеты, как дисциплинирующий компонент;
- 3) использование цифровых гаджетов с целью социального взаимодействия и удовлетворения потребности в социальном признании;
- 4) использование цифровых гаджетов для контроля физиологических параметров здоровья с целью оптимизации, профилактики или лечения имеющихся заболеваний.

Также развитие подобных сфер, как цифровое здоровье, цифровое здравоохранение в состоянии расширить не только социальные возможности в сфере здоровья, но и развить новые сферы рынка, что благоприятно скажется, как на смежных отраслях, так и на всей экономике в целом. При этом тенденция на соединение потребительских цифровых экосистем для занятия спортом с создающимися экосистемами в области здравоохранения – позволит создать качественно новый рынок для общего улучшения здоровья.

Литература

1. Правительство России. Паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни» [Электронный ресурс]. – URL: режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/641/28745/> (дата обращения: 09.08.2023)
2. Пастюк М.В. Здоровье в условиях дигитализации: как сделать технологии основой здорового будущего? // Наука и образование сегодня. 2019. – № 2 (37). – С. 113–115.
3. Тавберидзе К.Ю. Цифровой маркетинг в сфере здравоохранения // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2023 – № 2 (77) – С. 18–26.
4. Фарахутдинов Ш.Ф. Цифровой фитнес: грозит ли традиционным клубам вымирание? // ТипФК – 2021 – № 6. – С. 110–110.
5. Hamid S. et al. Emerging Technology for Healthy Lifestyle of the Middle-Age and Elderly: A Scoping Review //Iranian journal of public health. – 2023. – Т. 52. – № . 2. – С. 230.
6. Haley, J.A.; Rhind, D.J.A.; Maidment, D.W. Applying the behaviour change wheel to assess the theoretical underpinning of a novel smartphone application to increase physical activity in adults with spinal cord injuries. *Mhealth* – 2023–17 – P. 9–10.
7. Интерфакс. Туризм. Спрос на активные туры в России вырос на 10–30% в 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/98338/> (дата обращения: 09.08.2023)
8. ИОМ. Анкетолог. Digital health: 63% россиян пользуются гаджетами и приложениями для ЗОЖ [Электронный ресурс]Режим доступа: <https://iom.anketolog.ru/2023/07/17/gadzhety-i-prilozheniya-dlya-zdorov-ya> (дата обращения: 11.08.2023)

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE.

Zavyalov A.E.

State educational institution of higher professional education of the Moscow state pedagogical university

The article is analysing the main trends in the development of the health industry, as well as the application of digital technologies as

one of the components of the formation of a healthy lifestyle. The main evolution of the application of digital technologies in the health industry began after the widespread spread of COVID-19 and the events that followed. In this period, remote training, virtual training, and new fitness trends that are more convenient for home use are actively developing. Large corporations producing digital gadgets and integrating them into digital ecosystems are actively developing a new industry of smart technologies for mass consumers in the direction of saving and preserving health. Along with this, certain consumer attitudes towards such smart technologies are also being formed. The obtained results of the study can be used to expand the methods of initiation to a healthy lifestyle, both on the part of the state and private companies, thus fulfilling their social mission.

Keywords: health, healthy lifestyle, digital health, digital technologies, digital medicine, healthy lifestyle technologies.

References

1. Government of Russia. Passport of the priority project "Formation of a healthy lifestyle" [Electronic resource]. – access mode: <http://government.ru/projects/selection/641/28745/> (access date: 09.08.2023)
2. Pastyuk M.V. Health in the conditions of digitalization: how to make technology the basis of a healthy future? // *Science and Education Today*. – 2019. – № 2 (37). – С. 113–115.
3. Tavberidze K.Y. Digital marketing in health care // *Public Health and Health Care*. – 2023 – № 2 (77) – С. 18–26.
4. Farakhutdinov Sh.F. Digital fitness: is traditional clubs dangerous? // *T&PFK*. – 2021. – № 6. –С. 110–110
5. Hamid S. et al. Emerging Technology for Healthy Lifestyle of the Middle-Age and Elderly: A Scoping Review // *Iranian journal of public health*. – 2023. – Т. 52. – № . 2. – С. 230.
6. Haley J.A.; Rhind D.J.A., Maidment D.W. Applying the behavior change wheel to assess the theoretical underpinning of a novel smartphone application to increase physical activity in adults with spinal cord injuries. *Mhealth*. – 2023. – 17. – P. 9–10.
7. Interfax. Tourism. Demand for active tours in Russia increased by 10–30% in 2023. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/98338/> (date of reference: 09.08.2023)
8. IOM. Anketolog. Digital health: 63% of Russians use gadgets and applications for healthy lifestyle [Electronic resource]. – mode of access: <https://iom.anketolog.ru/2023/07/17/gadzhetny-i-prilozheniya-dlya-zdorov-ya> (date of access: 11.08.2023)

Зарубежный опыт управления молодежной политикой

Киритив Алина Михайловна,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова

Данная статья посвящена изучению основных подходов к формированию молодежной политики за рубежом. Опыт ряда зарубежных стран весьма интересен, поскольку некоторые из них достигли хороших результатов в сфере реализации молодежной политики. Возможно, их опыт будет полезен для Российской Федерации и даже сможет вывести нашу страну на новый уровень развития.

Ключевые слова: Молодежная политика, система управления, государство, исследование.

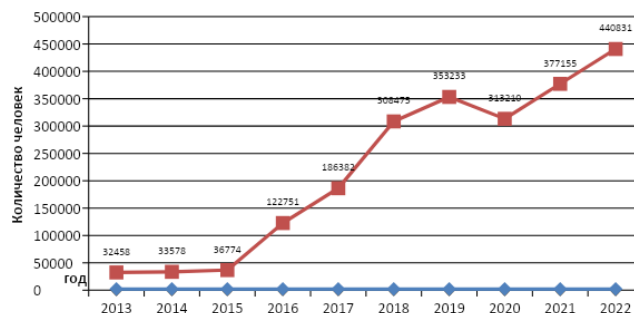
В последние годы исследователи большой интерес проявляют к изучению опыта применения различных механизмов, систем управления и решению проблем различного рода в зарубежных странах. Это касается и вопроса изучения управления молодежной политикой. Данное исследование очень важно, так как помогает проанализировать как положительный, так и отрицательный зарубежный опыт, а также не совершить уже допущенные ошибки. Ну и конечно, также это поможет с определением дальнейшей стратегии развития и планированием управления молодежной политикой в стране. Стоит заметить, что при анализе зарубежного опыта всегда следует учитывать и культурные особенности каждого государства.

Для начала, хочется более структурированно разобрать возможности, которые открываются при исследовании опыта управления молодежной политикой в других странах. К ним можно отнести:

- синтез прошлого опыта, положительного и негативного, и будущих планов по совершенствованию;
- недопущение уже совершенных ошибок;
- широкий спектр возможных способов и механизмов управления молодежной политикой, которые можно применять [3, с. 6].

Что касается изучения зарубежного опыта молодежной политики, то стоит отметить, что рассматриваемая социальная группа – молодежь – одна из самых активных, заинтересованных и перспективных социальных групп, которая уделяет большое внимание своим правам, возможностям и будущему. Однако, данная социальная группа больше всего страдает и от сильного социального неравенства, которое присуще практически всем странам. Это влияет и на карьерные возможности молодежи. Не всем доступно дорогостоящее образование, переезд в большие города для поступления в престижные ВУЗы. Такая же ситуация присуща и Российской Федерации. За последние несколько лет был отмечен рост переезда молодых людей за границу для получения образования или поиска работы. В большинстве своем это именно те люди, которые наделены высоким интеллектом и большим количеством навыков, это и молодые ученые, и деятели сферы программирования, и инженеры. А это – большая потеря для государства, так как такие специалисты могли бы быть полезны для его развития. В связи с чем, следует большое внимание уделить этому вопросу и изучить то, что притягивает молодежь в иные страны.

Ниже, на рисунке 1 можно увидеть то, как возросло количество людей, эмигрирующих из России с 2013 по 2022 год.

Рис. 1. Эмиграционная ситуация в России в период с 2013 по 2022 год

Как видно из рисунка 1 с каждым годом количество эмигрирующих людей из Российской Федерации постоянно растет. В связи с чем, возможность как-то повлиять на эту ситуацию – приоритетная задача государства. Так как большинство эмигрирующих – это люди в возрасте от 20 до 34 лет, то молодежная политика – важный механизм, который может помочь в этой ситуации. А изучения молодежной политики в зарубежных странах поможет понять, чем они привлекательна для граждан Российской Федерации.

В данной статье большое внимание уделено анализу программ по поддержке и вспомогательным мерам, направленным на такую социальную группу, как молодежь в некоторых иностранных государствах. Работа с молодежью в ряде зарубежных стран представляет из себя довольно интересный для изучения материал. К тому же, в большинстве стран работа органов, занимающихся молодежной политикой, принесла довольно положительный результат. В связи с чем, данное исследование будет полезно для определения приоритетных задач органов управления молодежной политикой.

Первое, на что направили работу молодежной политики зарубежные органы управления – волонтерская, благотворительная помощь тем представителям молодежи, кому она остро необходима. Следующим направлением было определено трудоустройство молодежи, а также сфера образования молодежи. Появлялось большое количество программ, позволяющих учиться на дополнительном образовании бесплатно, либо получать стипендии и гранты на обучение. В рамках реализации молодежной политики большое внимание уделяется социализации молодежи.

Проанализировав научные исследования управления молодежной политикой в различных странах, хотелось бы выделить некоторые различия, характерные для европейских и азиатских стран.

Так, основными особенностями управления молодежной политикой в европейских странах, например, таких как Дания, Швеция и др., являются:

1) обязательное наличие нормативного акта, принятого на федеральном уровне контролирующего управления молодежной политикой;

2) формирование парламентарных органов власти и советов, состоящих из молодежи региона, в которых молодые люди на практике применяют умение участвовать в дебатах, доказывать свою точку зрения, защищать проекты и выступать на публике, а также, имеют возможность участвовать в государственном регулировании молодежной политикой;

3) внедрение проектов, которые стирают границы между людьми на уровне нации, социального статуса и т.д. Как пример можно рассмотреть внедренную в Европе молодежную программу «Все вместе – все равны», основной задачей которой является воспитание у молодежи толерантности, а также защиты своих интересов и прав в обществе [1, с. 12];

4) важный аспект молодежной политики в Европе – разделение по различным направлениям. К примеру, разные органы занимаются спортивными программами, здравоохранением, образованием и т.д.

Следует отметить, также, что огромное внимание в Европейских странах уделяют нормативно-правовым аспектам. Есть несколько интересных нормативных актов принятых в этих странах. Например, Стратегия ЕС в сфере молодежной политики, закон Французского государства «О равенстве шансов», который обязал организации принимать себе на работу определенное количество молодых людей в год. Сотрудники при этом должны быть обязательно младше двадцати пяти лет,

что позволяет молодым людям после получения высшего или среднего образования быстрее найти работу. На наш взгляд, было бы целесообразно разработать подобные законодательные акты в Российской Федерации. Так как в нашей стране именно выпускники, у которых нет достаточного опыта, имеют большие трудности с поиском работы.

В Германии каждый год планируются мероприятия, касающиеся решения различных социальных проблем. Поскольку данный план принимается на федеральном уровне, он содержит в себе определенное количество обязательных мероприятий, которые должны провести все регионы. Следует также отметить, что в Германии образование и трудоустройство тесно связаны между собой. А государство, в свою очередь, определяет конкретные задачи организациям, занимающимся молодежной политикой, что позволяет распространить мероприятия на все сферы общества. Благодаря этому, мероприятия, проводимые молодежными организациями, разнообразными и интересными для различных групп людей. Несколько раз в год такие молодежные организации обязаны предоставлять отчет о работе. Это позволяет на высшем уровне оценить проделанную работу, учесть недостатки и выявить проблемы.

Далее, хочется рассмотреть сферу образования в такой стране, как Швеция. Все обучение, как высшее, так и среднее, является в этой стране бесплатным. Однако пособие в виде стипендии на проживание и необходимые учебные принадлежности студентам предоставляют в виде кредитного займа, которое студенты выплачивают после того, как устроятся на работу. Из заработной платы у них вычитается 4%.

В Бельгии, в свою очередь, ежегодное проводится мероприятие «Мир детей», котором принимают участие более ста тысяч детей. Данный день очень важен для детей, так как им позволяют почувствовать себя взрослыми – они примеряют на себя различные профессии, и даже участвуют в импровизированных парламентских дебатах. Дети имеют возможность самостоятельно выбрать тему дебатов и обосновать ее совместно с действующими политиками, а в завершении дебатов проходит настоящее голосование. «Мир детей» позволяет он с ранних лет познакомиться с разнообразными профессиями, а что самое главное – с политической деятельностью, прививает детям интерес к принятию политических решений [4, с. 24].

Далее стоит рассмотреть молодежную политику, проводимую в Японии. Её важная особенность – четко выстроенная координация и ответственность абсолютно каждого органа государственной власти, которые обязательно должны работать совместно с общественными организациями в вопросах молодежной политики. В Японии молодежь рассматривается как будущее страны, от воспитания и образования которой во многом зависит то, каким будет это будущее. В связи с этим молодежи уделяется огромное внимание, а именно реализации молодежной политики и решению социальных проблем молодежи. В Японии для реализации молодежной политики существует специальный «Национальный детский план». Этот нормативный акт включает в себя:

- управление детским телевидением;
- создание сети центров, в которые могут попасть все дети страны и там они имеют право проводить свое свободное время. При этом, следует отметить, что дети действительно любят эти места, а не воспринимают их как скучное государственное заведение, в которое их заставляют ходить;
- реализацию проекта «Детская деревня», который формирует у детей заботливое отношение к эко-

логии; знакомит с природой, сельским хозяйством, учит общению с животными;

- проведение социальной кампании «Давайте разговаривать с детьми», которая призывает к общению с детьми, учит родителей и других взрослых, контактирующих с детьми, доверительному общению с детьми, умению выявлять детские проблемы.

Кроме этого, Япония в вопросе управления молодежной политикой уделяет огромное внимание информационному потоку, который обрушивается на современных детей и подростков. В связи с этим детей ограничивают от влияния нежелательных сайтов, каналов, СМИ. Также, детей с раннего возраста обучают правилам дорожного движения, правилам нахождения на дороге как водителей, так и пешеходов.

Большой интерес для исследования зарубежного опыта управления молодежной политикой представляет Китай. Много внимания государство уделяет трудоустройству молодежи. Конечно, связано это с огромными проблемами в сфере трудоустройства и ростом безработицы среди молодежи. Во многом это связано не только с тем, что никто не принимает на работу молодых людей без опыта, но и с тем, что в стране не хватает рабочих мест. Однако, государство старается бороться с этой проблемой. Так, китайское государство реализует несколько программ. Одна из таких – помощь научно-исследовательским центрам и предпринимателям, которые принимают на работу молодых специалистов с образованием, но без опыта. Для таких предприятий снижается налоговая ставка и выплачиваются кредиты с очень низкой процентной ставкой. Также большими льготами и пособиями облагаются работники сельского хозяйства, которые увеличивают количество рабочих мест и расширяют производство. Кроме этого, выстраивается четкая слаженная работа между ВУЗами и предприятиями, что позволяет находить работу еще во время обучения. Это только несколько из реализуемых программ, направленных на сокращение безработицы в Китае, что уже имеет положительные результаты, но еще не решило проблему полностью [2, с. 31].

Исходя из проведенного исследования, стоит отметить, что:

- управление молодежной политикой в развитых государствах на сегодняшний день представляет из себя отдельное направление деятельности органов власти, имеющих независимость во многих вопросах и право самостоятельно принимать решения;
- влияние государства на молодежную политику осуществляется посредством вмешательства его в органы управления. Стоит заметить, что чем менее активную работу проводят органы местного самоуправления, тем сильнее государство вмешивается в их дела;
- качество и положительный результат работы по внедрению различных социальных программ в систему управления молодежной политикой напрямую зависит от запросов молодых людей, их интересов и желаний, в особенности в сфере образования, развлечений и трудоустройства;
- в большинстве зарубежных государств наблюдается четкий переход от традиционных, давно принятых и общих для всего государства концепций молодежной политики к более узконаправленным, индивидуальным, ориентированным на конкретные регионы.

В основном, при внедрении новейших программ органы местного самоуправления делают упор на локальные, особенные для каждого субъекта традиции и проблемы. То же касается и статистических исследований, которое проводится теперь не на общенациональном уровне, а независимо для каждого субъекта, что позволяет точнее определять слабые места каждого района и на их основе создавать новые программы для совершенствования молодежной политики и самой системы ее управления.

Проанализировав подходы к молодёжи политике в ряде зарубежных стран, можно сделать вывод, что все рассмотренные в статье государства отмечают важность молодежной политики и активно её развивают. Наиболее актуальным, на наш взгляд, для применения в Российской Федерации является опыт реализации молодежной политики в Швеции, направленный на сферу образования. Так же вызывает интерес опыт Японии, касающийся проведения мероприятий по защите детей от нежелательной информации со стороны телевидения и Интернета. В России серьезной проблемой остается распространение в Интернете опасной информации, способной привести как детским суицидам, так и совершению молодежью разного рода девиаций.

Литература

1. Зеленкова М.М. Молодежная политика в России и зарубежных странах// Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 6.
2. Молодежная политика: европейский опыт: доклад Института Европы РАН. – М., 2020. № 163
3. Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт // Совета Федерации ФС РФ. – 2021. – № 4 (329).
4. Харченко В.В. Международный опыт реализации молодежной политики. – М.: Фонд содействия развитию международного сотрудничества, 2019. – С. 104–108.

FOREIGN EXPERIENCE IN YOUTH POLICY MANAGEMENT

Kiritiv A.M.

Technological University twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut
A.A. Leonova

This article is devoted to measures of support and social assistance to young people in foreign countries. The experience of a number of foreign countries is very interesting, since some of them have achieved good results in the implementation of youth policy. Perhaps their experience will be useful for the Russian Federation and will even be able to bring our country to a new level of development.

Keyword: Youth policy, management system, state, research.

References

1. Zelenkova M.M. Youth policy in Russia and foreign countries // Modern problems of science and education. – 2022. – No. 6.
2. Youth policy: European experience: report of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – M., 2020. No. 163
3. Youth policy: foreign and domestic experience // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. – 2021. – No. 4 (329).
4. Kharchenko V.V. International experience in implementing youth policy. – M.: Foundation for the Promotion of International Cooperation, 2019. – P. 104–108.

Основные этапы реализации процесса управления внутренней социальной политикой в бизнес-организации: социологический анализ

Семиколеннова Юлия Александровна,

ассистент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: semikolennova96@yandex.ru

В статье представлен анализ основных этапов реализации процесса управления внутренней социальной политикой в бизнес-организации. Рассмотрена специфика социально-ориентированной миссии бизнес-организации как стартового этапа процесса управления. Отражена важность этапа формирования цели и задач внутренней социальной политики. Представлен диагностический этап, характеризующий состояние внутренней и внешней среды бизнес-организации. Рассмотрена специфика этапа идентификации наиболее важных социальных проблем в бизнес-организации. Установлена важность этапа определения альтернативных вариантов для решения выявленных социальных проблем и, как следствие, целесообразность этапа выбора наиболее оптимального управленческого решения. Рассмотрена актуальность этапа согласования управленческого решения с внутренними стейхолдерами при реализации внутренней социальной политики. Представлена важность этапа практической реализации управленческого решения. Определена специфика этапа оценки управленческого решения, предполагающего подготовку социального (нефинансового) отчета и проведение аудита. Выявлена необходимость осуществления контроля реализации управленческого решения как завершающей процедуры процесса управления внутренней социальной политикой. В конце статьи отмечена важность использования процесса управления внутренней социальной политикой в современных бизнес-организациях.

Ключевые слова: внутренняя социальная политика; бизнес-организация; управленческое решение; процесс управления; этап.

В современных бизнес-организациях результативность действий сотрудников все чаще обуславливается степенью реализации социальных мероприятий, предлагаемых компанией-работодателем. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость рассмотрения процесса управления внутренней социальной политикой в бизнес-организации, обладающего важным практическим значением: позволяет обозначить основные этапы и их взаимосвязь, что способствует формированию и эффективной реализации внутренней социальной политики в бизнес-структурах разного масштаба. Рассмотрим более подробно этапы процесса управления внутренней социальной политикой.

Этап 1: Определение социально-ориентированной миссии бизнес-организации. Процесс реализации внутренней социальной политики предполагает на начальной стадии выявление значимости осуществления социально-ориентированной деятельности, которая должна учитывать стратегические ориентации компании и специфику действующей кадровой политики в бизнес-структуре. Социально-ориентированная миссия олицетворяет ключевое предназначение компании, поскольку её реализация должна способствовать улучшению деятельности организации и выполнению установленных ориентиров руководителями и сотрудниками бизнес-организации [3, с. 23].

Этап 2. Формирование цели и задач внутренней социальной политики в бизнес-организации. После определения социально-ориентированной миссии в компании необходима постановка цели внутренней социальной политики, которая должна отражать основные характеристики, принципы и правила деятельности бизнес-организации, объединять сотрудников и быть основным мотивирующим фактором, а также являться основой для успешного функционирования бизнес-организации [3, с. 26]. Определение цели внутренней социальной политики предполагает сопоставление стратегической концепции бизнеса (целей топ-менеджмента) с ценностями, потребностями, позициями и интересами сотрудников. Реализация задач предполагает осуществление действий в соответствии с целями внутренней социальной политики, реализацию управленческих решений и достижение результатов в социально-ориентированной сфере. Данный этап является сложным для организаций, поскольку требует больше усилий со стороны руководства по выявлению, учету и прогнозированию возможных изменений в установках и потребностях персонала. Учет субъективных позиций и интересов сотрудников в процессе формирования цели внутренней социальной политики и соответствующих ей задач акцентирует внимание на целесообразности использования гуманистического подхода, который является основополагающим при построении эффективной системы управления внутренней социальной политикой в современной бизнес-организации.

Этап 3. Диагностика внутренней и внешней среды бизнес-организации. Осуществление управленческого воздействия предполагает рассмотрение среды, в условиях которого предполагается его реализация. Анализ внутренней среды подразумевает изучение ресурсной

базы и определение основных заинтересованных сторон (акционеров, менеджеров, сотрудников), оценку качества человеческого капитала, диагностику морально-психологического климата в коллективе и уровня развития корпоративной культуры, а также определение степени удовлетворенности работников фактическими условиями работы. Изучение внешней среды предполагает рассмотрение важных социальных тенденций и проблем, оценку репутации компании с позиции премиями, реализующими социальную политику. Стоит отметить, что реализация мероприятий внутренней социальной политики должна отталкиваться от результатов оценки ресурсного потенциала компании, на основе которых разрабатываются социально-ориентированные программы с учетом реальных и потенциальных возможностей бизнес-организации.

Этап 4. Идентификация наиболее важных социальных проблем в бизнес-организации. Выявление проблемных зон является важным этапом в процессе управления внутренней социальной политикой, на основе которого разрабатываются и принимаются важные управленческие решения. Основным способом, обеспечивающим выявление проблем в системе управления внутренней социальной политикой, является коммуникация, которая предполагает обмен информацией между сотрудниками и руководством, способствует получению обратной связи. В рамках управления внутренней социальной политикой руководство бизнес-организации должно быть ориентировано на установление регулярного контакта с сотрудниками, что способствует выяснению их позиций, интересов и ориентаций, влияет на своевременное получение актуальной информации работниками о реализуемых социальных мероприятиях. Использование обратной связи позволит выявить позицию коллектива в отношении предлагаемых социальных мер, что поможет разработать соответствующие управленческие решения и своевременно скорректировать существующую систему управления, учитывая запросы и позиции всех заинтересованных сторон в компании.

Этап 5. Определение возможных вариантов решения выявленных социальных проблем. Получение положительного результата связано с предварительной разработкой альтернативных вариантов, которые ориентированы на решение выявленной социальной проблемы. Такой процесс предполагает подбор методов управления, приоритетных направлений и инструментов внутренней социальной политики. Важнейшими ориентирами для руководства при выборе методов воздействия, направлений и инструментов социально-ориентированного характера могут выступать политика доходов, политика социального обеспечения, а также политика в отношении сотрудничества с профсоюзами [1, с. 320–321], в функции которых входит защита интересов работников.

Этап 6. Выбор оптимального управленческого решения. В рамках данного этапа предполагается осуществление процедуры отбора наиболее эффективного управленческого решения из перечня ранее разработанных. Определение приоритетного управленческого решения зависит от наиболее актуальных запросов внутренних стейкхолдеров, специфики деятельности самой организации, субъективных установок руководства компании в отношении внутренней социальной политики, а также от условий внутренней и внешней среды бизнес-структуры. Управленческое решение должно быть ориентировано на разрешение выявленных проблем в области внутренней социальной политики, которое обусловлено установленной социально-ориентированной миссией организации, стратегическими целями бизнес-

структуры и действующими положениями кадровой политики.

Этап 7. Согласование управленческого решения при реализации внутренней социальной политики. Эффективность управленческого решения обусловлена выявлением оценочных позиций всех заинтересованных сторон, которые играют важную роль в управлении внутренней социальной политикой современных бизнес-организаций. Первоначальное одобрение со стороны собственного персонала означает более успешную реализацию управленческого решения в перспективе, поскольку данные меры ориентированы на сотрудников бизнес-организации, которые задействованы в важных производственных процессах и ориентированы на достижение главных показателей. Основными факторами принятия участия сотрудниками в процессе согласования управленческого решения выступают: ориентация на достижение собственных планируемых результатов и результатов текущей деятельности компании в целом, учет перспектив развития бизнеса и четкое видение собственной будущей роли в производственном процессе. Общность интересов может быть достигнута через осознание работниками миссии и стратегии компании, важности и необходимости достижения более высоких экономических и социальных показателей, заинтересованность и вовлеченность в процесс выхода на новые сегменты рынка, что, в конечном итоге, способствует вовлечению и активному участию сотрудников в деятельности предприятия [2, с. 129]. Стоит отметить, что процесс согласования управленческого решения должен включать и анализ позиций стейкхолдеров, относящихся к группе давления: важен учет мнений действующих профсоюзов в организациях. Данное объединение способно активно воздействовать на позицию руководства в отношении работы с коллективом, а также может оказывать влияние при разработке, внедрении и изменении существующих программ и инструментов внутренней социальной политики в бизнес-структурах.

Этап 8. Реализация управленческого решения в системе управления внутренней социальной политикой бизнес-организации. В рамках данного этапа предполагается практическая реализация разработанного и согласованного управленческого решения, представляющего собой совокупность действий, которые должны учитывать стратегические ориентации, организационные возможности компании, наличие проблем или актуальных тенденций в социальной сфере, а также ориентироваться на потребности и запросы персонала.

Для получения положительного результата современным компаниям целесообразно разрабатывать и внедрять программу внутренней социальной политики, в которой соответствующие организационно-правовые документы позволят регламентировать и отслеживать выполнение социально-ориентированной деятельности, а осуществление своевременной корректировки позволит учитывать наиболее актуальные цели, интересы, потребности и возможности всех внутренних заинтересованных сторон.

Этап 9. Оценка и контроль реализации управленческого решения в системе управления внутренней социальной политикой бизнес-организации. На завершающей стадии процесс управления внутренней социальной политикой предполагает осуществление оценочной процедуры, которая ориентирована на выявление эффективности реализуемого управленческого решения.

Подготовка социального (нефинансового) отчета является важным элементом в процессе управления внутренней социальной политикой бизнес-организации. В данном документе, наряду с указанием ключевых до-

стижений компании в плане осуществления социально-ориентированных действий, обозначаются выявленные проблемные зоны, разрешение которых ориентировано на улучшение взаимоотношений с персоналом благодаря своевременному удовлетворению наиболее актуальных потребностей. Наличие социального отчета способствует формированию имиджа социально-ориентированной компании, которая способна брать на себя ответственность по разрешению социальных проблем сотрудников.

Дополнительной формой осуществления оценки реализации социально-ориентированных мероприятий может выступать проведение социального аудита, который позволит оперативно обнаружить проблемы и разработать комплексные мероприятия с привлечением компетентных специалистов, ориентированных на дальнейшее совершенствование системы управления внутренней социальной политикой в компании.

Процедура контроля, которая завершает процесс управления внутренней социальной политикой в современных бизнес-организациях, может осуществляться, во-первых, руководством компании, которое напрямую заинтересовано в эффективной реализации этой политики, так как от ее результатов зависит успешность работы всей организации. Во-вторых, государством, являющимся основным гарантом предоставления минимальных социальных благ и льгот, которыми может пользоваться любой гражданин, работающий в организации. И, наконец, получение обратной связи от сотрудников, которые пользуются предлагаемыми социальными льготами и преференциями, является основным инструментом контроля по оценке эффективности реализуемых мер. Оценка со стороны сотрудников позволяет выявить целесообразность и востребованность предлагаемых мер, а также определить способность бизнес-организации удовлетворять запросы персонала и выявить положение дел по следующим показателям: общая удовлетворенность трудом, производительность труда, лояльность и вовлеченность работников, их мотивированность, уровень доверия к руководству. Благодаря проведению процедуры оценки и осуществлению контроля реализации социально-ориентированных управленческих решений определяются положительные и отрицательные тенденции, что способствует формированию основы для построения дальнейшего плана социального развития бизнеса.

Построение процесса управления внутренней социальной политикой является одной из важных задач современных бизнес-структур, которые заинтересованы в росте вовлеченности и лояльности собственного персонала, в достижении высоких производственных показателей. Учитывая нестабильность рыночной экономики и ограниченность ресурсов компаний, основной задачей руководящего состава выступает построение рациональной системы управления внутренней социальной политикой, которая позволит своевременно разрешать различные социальные проблемы работников, повлиять на повышение качества жизни сотрудников и, как следствие, улучшить показатели производительности труда персонала.

Литература

1. Лихошерстов, Е.С. Социальная политика предприятия и факторы, на неё влияющие // Вестник БУПК. Актуальные проблемы экономики. – 2011. – № 1. – С. 318–321.
2. Сазанова, Л.А. Внутренние стейкхолдеры и их роль в достижении стратегических целей компании // Теоретический и практический потенциал современной науки. Сборник научных статей. Научный редактор А.Х. Цечоева. Москва, 2019. – С. 129–131.
3. Шарохина, С.В., Кислинская, М.В., Пудовкина, О.Е. Выбор миссии и формирование стратегической цели организации // Перспективы развития науки в современном мире. Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции: В 3 частях. – 2018. – С. 23–27.

THE MAIN STAGES OF THE IMPLEMENTATION OF THE INTERNAL SOCIAL POLICY MANAGEMENT PROCESS IN A BUSINESS ORGANIZATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Semikolenova Yu.A.

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA

The article presents an analysis of the main stages of the implementation of the internal social policy management process in a business organization. The specifics of the socially-oriented mission of a business organization as the starting stage of the management process are considered. The importance of the stage of forming the goals and objectives of the internal social policy is reflected. The diagnostic stage characterizing the state of the internal and external environment of a business organization is presented. The specifics of the stage of identification of the most important social problems in a business organization are considered. The importance of the stage of determining alternative options for solving the identified social problems and, as a consequence, the expediency of the stage of choosing the most optimal management solution is established. The relevance of the stage of coordination of management decisions with internal stakeholders in the implementation of internal social policy is considered. The importance of the stage of practical implementation of a management decision is presented. The specifics of the stage of evaluating a management decision involving the preparation of a social (non-financial) report and conducting an audit are determined. The necessity of monitoring the implementation of a management decision as the final procedure of the internal social policy management process is revealed. At the end of the article, the importance of using the process of managing internal social policy in modern business organizations is noted.

Keywords: internal social policy; business organization; management decision; management process; stage.

References

1. Likhosherstov, E.S. Social policy of the enterprise and factors influencing it // Bulletin of BUPC. Actual problems of the economy. – 2011. – No. 1. – pp. 318–321.
2. Sazanova, L.A. Internal stakeholders and their role in achieving the company's strategic goals // Theoretical and practical potential of modern science. Collection of scientific articles. Scientific editor A.H. Tsechoeva. Moscow, 2019. – pp. 129–131.
3. Sharokhina, S.V., Kislinskaya, M.V., Pudovkina, O.E. The choice of the mission and the formation of the strategic goal of the organization // Prospects for the development of science in the modern world. Collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference: In 3 parts. – 2018. – pp. 23–27.

Экспериментальные площадки для городского управления: понятие живых лабораторий

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Процессы урбанизации и связанные с этим проблемы порождают необходимость в разработке новых подходов в городском управлении. В настоящее время все шире применяются различные формы экспериментального подхода для нужд управления современными городами. В последние десятилетия популярность приобрели так называемые живые лаборатории. Движение живых лабораторий институционализировано в Евросоюзе как важная форма инновационной деятельности. В статье рассматриваются определения живых лабораторий, основные разновидности живых лабораторий, особенности их деятельности. Предлагается другой вариант перевода на русский язык термина «Living Labs». Отмечается потенциал использования живых лабораторий для развертывания проекта умных городов. Подчеркивается необходимость в дальнейших более организованных исследованиях деятельности живых лабораторий, в накоплении и осмыслении опыта (позитивного и негативного) их применения для решения реальных проблем городского управления.

Ключевые слова: городское управление, урбанизация, методология прикладных исследований, инновации в управлении, вовлечение общественности, инновационные формы управления.

Продолжающиеся глобальные процессы урбанизации порождают множество проблем. К ним относятся проблемы экологические (известно, что именно на городах лежит наибольшая часть ответственности за выброс парниковых газов), социальные, культурные, демографические, проблемы общественного здоровья (так, высокая плотность населения в крупных городах сказались на недавнем стремительном распространении коронавирусной инфекции) и иные.

С другой стороны, города являются главными двигателями экономики, инноваций, производства основной массы продукции и услуг, а также средоточием интеллектуальных, организационных, финансовых, хозяйственных, технологических, информационных ресурсов.

В этой связи во многих странах развертываются новые формы поиска инноваций для решения текущих и стратегических проблем и для разработки политик развития городов в XXI веке. Огромную популярность за рубежом сегодня приобрели так называемые живые лаборатории (Living Labs, LL) как особая организационная форма инновационно-поисковой деятельности. Более того, развитие и использование живых лабораторий стало в настоящее время скоординированным международным движением.

Лидером в этом направлении выступили страны Евросоюза. В 2006 г. была основана Европейская сеть живых лабораторий (European Network of Living Labs, ENoLL), которая охватывала на тот момент 26 европейских стран, а также еще 8 стран из Африки, Азии, Северной и Южной Америки. Основной целью создания этого объединения была кооперация живых лабораторий для обмена знаниями и опытом, создания специальных сетей и разработки общей инновационной концепции.

В том же 2006 году Европейская комиссия официально заявила о своей поддержке нового направления, в том числе о готовности стимулировать различные проекты по продвижению, координации и популяризации европейской инновационной системы, основанной на принципах живых лабораторий.

Однако немного раньше (примерно с 2001 года) подход «живые лаборатории» стал применяться в секторе информационно-коммуникационных технологий. В 2003 г. Уильям Дж. Митчелл (W.J. Mitchell) из Массачусетского технологического института охарактеризовал организованные в этом институте лаборатории нового типа как инструмент для тщательного изучения людей и их взаимодействий с новыми технологиями в их среде проживания [1].

Поэтому некоторые авторы связывают рождение концепции живых лабораторий с инновациями в Массачусетском технологическом институте. В других исследованиях движение живых лабораторий истолковывается как существенно европейский феномен [2, p.173].

Уже к 2011 году были представлены несколько секторов, или тематических областей, в которых действует Евросеть живых лабораторий: креативные индустрии и электронное обучение; жизнедеятельность с поддержкой окружающей среды; электронное здравоохранение и спорт; интеллектуальная энергетика; умные сети и устойчивое строительство; транспорт, логистика и автомобилестроение [2, p.164]

В 2012 году в Европе действовало уже более трехсот Living Labs.

Сегодня сфера применения живых лабораторий расширилась далее и охватывает исследования и разработки в проблемных полях здравоохранения, образования, сельского хозяйства, устойчивого развития городов и адаптации к изменениям климата, охраны окружающей среды, развития демократии и участия общественности и др.

Несмотря на большое количество живых лабораторий в Европе и в других странах мира следует, тем не менее, отметить недостаточную четкость в понимании того, чем же являются Living Labs и в чем состоят их отличительные характеристики, выделяющие их из других организационных форм инновационной деятельности. Был предложен ряд определений Living Labs.

Например, Евросеть живых лабораторий дает следующую дефиницию.

Живая лаборатория – это открытая инновационная среда в реальных условиях, в которой инновации, управляемые пользователями, представляют собой процесс совместного создания новых услуг, продуктов и социальной инфраструктуры. Живые лаборатории охватывают одновременно социальные и технологические аспекты в рамках партнерства бизнеса, граждан, правительства и научных кругов [3].

Приведем еще одно определение, предложенное в рамках одной из европейских инициатив. Городские живые лаборатории в широком смысле можно рассматривать как форумы для инноваций, применяемые при разработке новых продуктов, систем, услуг и процессов, использующие методы работы для интеграции людей в целостный процесс разработки в качестве пользователей и соавторов для исследования, изучения, экспериментирования, тестирования и оценки новых идей, сценариев, процессов, систем, концепций и креативных решений в сложных и реальных контекстах [4].

Две основных идеи, лежащих в основе деятельности живых лабораторий – это 1) вовлечение пользователей в качестве соавторов инновационных результатов на равных основаниях с остальными участниками и 2) экспериментирование в реальных условиях [5].

В этой связи следует заметить, что буквальный перевод на русский язык термина Living Labs недостаточно отражает специфику данного подхода. Более адекватным переводом был бы термин «лаборатория в жизненных условиях», поскольку здесь лучше схватывается понимание самой экспериментальной среды как максимально тесно связанной с контекстом реальной жизни. Кроме того, в этом термине лучше раскрывается цель таких исследований и разработок как непосредственное внедрение в практику, ориентированное на конкретные практические потребности и нужды.

Как правило, концепцию живых лабораторий тесно связывают с идеей открытой инновации (Г. Чесбро). Living Labs рассматриваются как формы для организации открытого инновационного процесса, включающего различные категории участников и направленного на решение определенного класса проблем в контексте реальной жизни.

Имеются различные классификации Living labs. Например, С. Леминен с соавторами выделили четыре типа лабораторий в жизненных условиях: управляемые заказчиками, управляемые инициаторами, управляемые провайдерами (поставщиками) и управляемые пользователями. Каждый тип определяется актором, который играет наиболее важную роль на начальном этапе либо выступает позже основным двигателем инновационной деятельности. Эти виды живых лабораторий различают-

ся по своей деятельности, структуре, организации и координации.

Заказчиками часто являются компании, использующие лаборатории в жизненных условиях для разработки систем продуктов и услуг, инициаторами обычно (но не всегда) выступают местные органы власти, представляющие государственный сектор, провайдеры – это в основном исследовательские институты и университеты, в большинстве случаев «размещающие» у себя Living Lab, пользователи – это люди, участвующие в проектах [6].

Уже с самого начала формирования лабораторий в жизненных условиях, данный подход отличался значительным разнообразием с точки зрения форм организации, структуры, решаемых проблем и т.п. Соответственно, это создавало и создает трудности для более точного изучения их разновидностей и их деятельности [7].

Любопытно, что концепция умного города (smart city) стала развиваться примерно в это же время (с начала 2000-х гг.), а широкое международное движение умных городов начало формироваться с 2010 гг. Первоначально идея smart cities критиковалась рядом авторов как сугубо технократический подход к городскому управлению, недостаточно учитывающий интересы общественности и безразличный к демократическим принципам. Однако позже концепция умных городов стала развиваться в более социально-ориентированном аспекте, в том числе в сторону вовлечения общественности, которая должна принимать участие в проектировании умного города и в решении текущих проблем городского управления. В этой связи живые лаборатории стали рассматриваться как некая важная инициатива, интегрируемая в подход умных городов и использующая потенциал граждан в разработке и внедрении городских инноваций [2, p. 173]

И это вполне закономерное сближение данных подходов, так как цифровизация городского управления и внедрение высоких технологий, необходимых для создания умного города, требуют сетевого подхода с участием разработчиков информационных технологий и инженерных систем, ученых, муниципальных властей и, разумеется, будущих (или нынешних) непосредственных пользователей новых технологий – жителей современных городов.

В отношении использования подхода Living Labs в формировании умных городов уже имеется перспективный опыт. Данные специальных исследований показывают растущую ценность применения лабораторий в жизненных условиях для разработки более инклюзивных проектов smart cities, в которых различные участники (граждане, государственные и частные акторы) совместно создают инновации на основе открытого и экосистемно-ориентированного подхода [8].

Ключевую роль в функционировании живых лабораторий играют специальные цифровые платформы (обеспечивающие единую среду для LL), посредством которых происходит взаимодействие участников, идет создание и использование баз данных, производятся эксперименты и испытания, разрабатываются модели, осуществляется анализ и обработка информации (в частности, на основе специальных аналитических инструментов), обеспечивается доступ к тем или иным сообществам или организациям и т.п.

Несмотря на разнообразие разновидностей LL и форм их практического применения, некоторые авторы выделяют два основных сформировавшихся подхода в академической литературе, посвященной данному вопросу [2, p.167]

Первое течение анализирует деятельность живых лабораторий, которые в основном на целены на раз-

работку продуктов и услуг в области информационно-коммуникационных технологий; этот тип лабораторий можно назвать ориентированными на пользователя (user-centric), здесь люди выступают в качестве пользователей и потребителей новых продуктов.

С точки зрения концепций управления развитием городов, первый подход (ориентированный на пользователя) в последнее время все более тесно связывается с проектами формирования умных городов.

Второе направление относится к живым лабораториям, которые разрабатывают системы мер для преобразований в области устойчивого развития городов. Такие LL можно определить как живые лаборатории, ориентированные на граждан (citizen-centric); здесь люди выступают в роли граждан – жителей городов (не обязательно пользователей). Деятельность таких лабораторий больше связана с разработкой современных стратегий устойчивого городского развития.

Более того, те живые лаборатории, которые связаны с разработками в области реальных проблем городов (управления городами, стратегий развития, пространственного планирования и т.п.), сегодня ряд авторов выделяет в самостоятельную категорию, которую обозначают такими терминами, как городские лаборатории в жизненных условиях (urban living labs, city living labs), хотя эта терминология еще не устоялась [9].

Несмотря на широкую популярность лабораторий в жизненных условиях, имеется ряд проблем, связанных с дальнейшим развитием данного движения. Так, следует отметить, что одна из причин высокой популярности и активности создания все новых лабораторий имеет в известной степени политический (или политико-идеологический) характер. Сегодня движение живых лабораторий активно продвигают (прежде всего на уровне политики Евросоюза) не в последнюю очередь потому, что это «демократичная» форма инновационной деятельности. Живые лаборатории – это некий синтез науки (исследований и разработок) и демократии.

На активность по созданию живых лабораторий влияет специальная стимулирующая политика. Так, возможным объяснением повышенного внимания к подходу Living labs в последнее десятилетие является то, что *вовлечение пользователей* стало обязательным условием для получения финансов от фондов Евросоюза [10].

На этом фоне остается недостаточно проясненным вопрос, какова в действительности результативность деятельности лабораторий в жизненных условиях, можно ли как-то оценить отдачу их деятельности в виде прироста общественной пользы в сравнении с затратами? Ряд авторов отмечают дефицит полноценных эмпирических исследований на эту тему [11].

Уже само понятие Living labs остается слишком аморфным и многозначным. Необходимы более подробные исследования разновидностей живых лабораторий, применяемых в них конкретных методов, способов организации и вовлечения участников в данные проекты.

Кроме того, имеется потребность уточнения (на основе имеющегося опыта и теоретических соображений) важного вопроса: в каких случаях и ситуациях имеются разумные основания для использования живых лабораторий (в том числе – какого типа LL) и когда, напротив, применение Living Labs может быть непродуктивным.

В целом необходимо более системно и организованно проводить исследования деятельности лабораторий в жизненных условиях (в той или иной сфере), в том числе фиксировать неудачи LL (или их случаи их низкой эффективности), анализировать причины этого и т.п. Для более эффективного развития и использования сетей живых лабораторий следует брать за основу отрефлек-

сированный, методический опыт. Это позволило бы более успешно использовать потенциал Living Labs как перспективной организационной и исследовательско-инновационной методологии.

Литература

1. Mitchell W.J. Me++: The cyborg self and the networked city. Cambridge: MIT Press, 2003.
2. The Experimental City. Evans James., Karvonen A., Raven R. (Eds.). Routledge, 2016
3. Bergvall-Kåreborn B., Ståhlbröst A. Living Lab: An Open and Citizen-Centric Approach for Innovation. International Journal of Innovation and Regional Development, 2009, 1(4):356–370
4. JPI Urban Europe: Urban Europe: Creating Attractive, Sustainable and Economically Viable Urban Areas. 2nd Joint Call for Proposals. Joint Programming Initiative Urban Europe, 2013
5. Almirall E., Lee M., Wareham J. Mapping living labs in the landscape of innovation methodologies. Technology innovation management review, September 2012, pp. 12–18.
6. Leminen S., Westerlund M., Nyström A.-G. Living labs as open-innovation networks. Technology Innovation Management Review, 2012, 2(9), pp. 6–11.
7. Moor K.D., Ketyko I., Joseph W., Deryckere T., Marez L.D., Martens L., Verleye G. Proposed framework for evaluating quality of experience in a mobile, testbed-oriented living lab setting. Mobile Networks and Applications, 2010, 15(3): 378–391.
8. Bifulco F., Tregua M., Amitrano C.C. Co-Governing Smart Cities through Living Labs: Top Evidences from EU. Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2017, N 50 E, pp. 21–37
9. Nevens F., Frantzeskaki N., Gorissen L., Loorbach D. Urban transition labs: co-creating transformative action for sustainable cities. Journal of Cleaner Production, 2013. 50: 111–122.
10. Talwar S., Wiek A., Robinson J. User engagement in sustainability research. Science and Public Policy, 2011. 38: 379–390.
11. Schaffers H., P. Turkama. Living Labs for Cross-Border Systemic Innovation. Technology Innovation Management Review. September 2012: 25–30.

EXPERIMENTAL SITES FOR SOLVING URBAN GOVERNANCE PROBLEMS: THE CONCEPT OF LIVING LABS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

The processes of urbanization and related problems create the need to develop new approaches in urban governing. Currently, various forms of experimental approach are increasingly being used for the needs of modern city governance. In recent decades, the so-called living laboratories have gained popularity. The movement of living labs is institutionalized in the European Union as an important form of innovation activity. The article discusses the definitions of living labs, their main varieties, and the features of their activities. Another variant of the translation of the term “Living Labs” into Russian is proposed. The potential of using live labs to deploy a smart cities project is noted. The need for further more organized studies of the activities of living labs, in the accumulation and understanding of the experience (positive and negative) of their application to solve real problems of urban governance is emphasized.

Keywords: urban governance, urbanization, methodology of applied research, innovations in management, public involvement, innovative forms of governance.

References

1. Mitchell W.J. Me++: The cyborg self and the networked city. Cambridge: MIT Press, 2003.
2. The Experimental City. Evans James., Karvonen A., Raven R. (Eds.). Routledge, 2016
3. Bergvall-Kåreborn B., Ståhlbröst A. Living Lab: An Open and Citizen-Centric Approach for Innovation. *International Journal of Innovation and Regional Development*, 2009, 1(4):356–370
4. JPI Urban Europe: Urban Europe: Creating Attractive, Sustainable and Economically Viable Urban Areas. 2nd Joint Call for Proposals. Joint Programming Initiative Urban Europe, 2013
5. Almirall E., Lee M., Wareham J. Mapping living labs in the landscape of innovation methodologies. *Technology innovation management review*, September 2012, pp. 12–18.
6. Leminen S., Westerlund M., Nyström A.-G. Living labs as open-innovation networks. *Technology Innovation Management Review*, 2012, 2(9), pp. 6–11.
7. Moor K.D., Ketyko I., Joseph W., Deryckere T., Marez L.D., Martens L., Verleye G. Proposed framework for evaluating quality of experience in a mobile, testbed-oriented living lab setting. *Mobile Networks and Applications*, 2010, 15(3): 378–391.
8. Bifulco F., Tregua M., Amitrano C.C. Co-Governing Smart Cities through Living Labs: Top Evidences from EU. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2017, N 50 E, pp. 21–37
9. Nevens F., Frantzeskaki N., Gorissen L. Loorbach D. Urban transition labs: co-creating transformative action for sustainable cities. *Journal of Cleaner Production*, 2013. 50: 111–122.
10. Talwar S., Wiek A., Robinson J. User engagement in sustainability research. *Science and Public Policy*, 2011. 38: 379–390.
11. Schaffers H., P. Turkama. Living Labs for Cross-Border Systemic Innovation. *Technology Innovation Management Review*. September 2012: 25–30.

Анализ концепции построения сообщества единой судьбы человечества с позиции международной политической социологии

Ху Синьци,

магистрант, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: s_khu7@student.mpgu.edu

С точки зрения международной политической социологии, построение сообщества с единой судьбой человечества – это процесс социального строительства между международными игроками, охватывающий международные отношения, международное сотрудничество, глобальное управление и другие области. Эта концепция подчеркивает роль международных социальных факторов в построении сообщества, включая национальные интересы, культурные традиции и ценности. Формирование сообщества зависит от интеграции международных норм и ценностей и требует от международного сообщества постепенного принятия и признания общих ценностей, отстаиваемых сообществом, таких как мир, сотрудничество и устойчивое развитие. Кроме того, построение сообщества с единой судьбой человечества также требует создания эффективных международных институтов и механизмов глобального управления для решения глобальных проблем и обеспечения устойчивого развития и общих интересов. В целом перспектива международной политической социологии раскрывает многомерность и сложность построения сообщества с единой судьбой человечества, подчеркивая совместные усилия и сотрудничество всех сторон международного сообщества.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества, международная политическая социология, международное общество, международная политическая социализация.

В условиях сегодняшней глобализации международная политическая социология стала одним из важных направлений анализа международных отношений и глобального сотрудничества. С этой точки зрения концепция построения сообщества единой судьбы человечества приобретает уникальное значение и сложность. Сообщество единой судьбы человечества – это не только форма международного сотрудничества, но и новый тип построения международного сообщества, охватывающий политическую, социальную, культурную и другие области. Он включает в себя множество факторов, таких как международные социальные факторы, интеграция ценностей, координация разнообразия, инновации международных институтов и глобального управления, а также демонстрирует глубину и широту международной политической социологии. В этой статье с точки зрения международной политической социологии мы глубоко проанализируем концепцию построения сообщества с единым будущим для человечества и обсудим ключевые факторы и проблемы, чтобы лучше понять и способствовать реализации этой глобальной цели.

1. На основе международной социальности реализовать построение сообщества с единой судьбой человечества. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» [8] постепенно привлекла широкое внимание международного сообщества. Президент Си Цзиньпин предложил эту концепцию в Китае и включил ее в рамки внешней политики Китая. Эта концепция подчеркивает, что международное сообщество должно работать вместе для решения глобальных проблем, содействия глобальному развитию и достижения прочного мира. Это соответствует целям и принципам Организации Объединенных Наций и предполагает более инклюзивный и основанный на сотрудничестве международный порядок. Однако создать сообщество единой судьбы человечества непросто. В международном сообществе существуют различные различия, конфликты интересов и политические препятствия, из-за которых трансграничное сотрудничество сталкивается с проблемами. Поэтому необходимо провести углубленное исследование этого видения, чтобы понять, как преодолеть трудности, с которыми сталкивается международное сообщество, и создать более инклюзивный и основанный на сотрудничестве международный порядок для решения глобальных проблем. Данные исследования подчеркивают безотлагательность и важность создания сообщества с единой судьбой человечества на основе международной социальности. Изучение построения сообщества с единой судьбой человечества поможет лучше понять динамику и проблемы международного сообщества и предоставит полезную информацию для содействия глобальному сотрудничеству и устойчивому развитию. Это также ключевой вопрос в области глобального управления и исследований международных отношений.

Под международной социальностью понимается проявление взаимной связи, взаимного влияния и общности интересов стран в международных делах. В концепции построения сообщества единой судьбы человечества международная социальность обеспечивает предпосылку и основу для ее реализации.

Международная социальность охватывает сотрудничество, взаимное доверие и общие интересы между странами, которые необходимы для создания сообщества с единой судьбой человечества. Построение сообщества требует совместных усилий всех членов международного сообщества для решения общих проблем, таких как изменение климата, экологические проблемы и терроризм, посредством сотрудничества и консультаций. Международная социальность также призывает страны выйти за рамки узких национальных интересов, преследовать более широкие общие интересы человечества и способствовать развитию международного сотрудничества в более глубоком и всеобъемлющем направлении. Кроме того, международная социальность также отражается в консенсусе по международным нормам и ценностям. С развитием международного сообщества все больше и больше стран принимают и соглашаются с некоторыми универсальными ценностями, такими как мир, сотрудничество и права человека. Это обеспечивает общую ценностную основу для построения сообщества с единой судьбой человечества и помогает странам поддерживать в сообществе позицию взаимного уважения, взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов.

2. Принципы и пути международной политической социологии для построения сообщества единой судьбы человечества. Принципы построения сообщества с единой судьбой человечества:

Общие ценности и нормы: подчеркивайте универсальные ценности и нормы, общепризнанные в международном сотрудничестве, такие как мир, права человека, устойчивое развитие и т.д. [9] Этот консенсус помогает создать основу для взаимного доверия и сотрудничества.

Уважение мультикультурализма: уважайте культурные различия разных стран, поощряйте культурное разнообразие, избегайте культурных конфликтов и создайте инклюзивную основу для построения сообщества.

Скоординированное сотрудничество и взаимовыгодные отношения. Решайте международные проблемы путем консультаций и сотрудничества для максимизации общих интересов. Создавайте взаимозависимые партнерства для совместного решения глобальных проблем.

Устойчивое развитие: подчеркивает необходимость соблюдения социального, экологического и экономического баланса в сотрудничестве и развитии для обеспечения долгосрочной устойчивости.

Путь к построению сообщества с единой судьбой человечества:

Укреплять многосторонность: поощряйте страны следовать принципам многосторонности в международных делах и использовать международные организации и платформы сотрудничества для совместного решения глобальных проблем и развития сотрудничества.

Культурный обмен и образование: содействовать культурному обмену и образованию, помогать разным странам понимать друг друга, уменьшать недопонимание и предрассудки, а также создавать более благоприятную среду для построения сообщества.[3]

Укреплять общие интересы: расширять общие интересы посредством экономического сотрудничества, технологических инноваций и т.д., уменьшать международные конфликты, повышать международную социальность и способствовать развитию сообщества.

Инновации в механизме глобального управления: изучить и создать более эффективный механизм глобального управления, чтобы адаптироваться к меняющейся международной среде и лучше координировать международное сотрудничество.

3. Международное политическое и социологическое значение построения сообщества единой судьбы человечества для Китая. С точки зрения международной политической социологии, для Китая построение сообщества единой судьбы человечества имеет далеко идущее международное политическое и социологическое значение. Будучи развивающейся страной, Китай играет все более важную роль в мировых делах. Участие в построении сообщества единой судьбы человечества означает, что Китай активно следует по пути многосторонности, международного сотрудничества и глобального управления, еще больше демонстрируя свой международный имидж ответственной крупной страны.

Путем углубленного изучения китайской концепции построения сообщества единой судьбы человечества это исследование предоставит международному сообществу более полное понимание внешней политики Китая и будет способствовать укреплению взаимного доверия и сотрудничества в международном сообществе.

Концепция сообщества единой судьбы человечества подчеркивает глобальное сотрудничество и взаимовыгодность, а также оказывает положительное влияние на решение глобальных проблем. Результаты исследования могут послужить уроком для развития глобального сотрудничества и побудить международное сообщество совместно реагировать на вызовы.

Расширение области международной политической социологии. Это исследование добавит исследования новых держав в международных отношениях в область международной политической социологии и обеспечит новую перспективу и теоретическую основу для академического развития этой области.

Изучение международного политико-социологического значения строительства Китаем сообщества единой судьбы человечества поможет углубить наше понимание изменений в международном политическом ландшафте и даст полезную информацию о стабильности и развитии международного общества [4].

Построение сообщества единой судьбы человечества поможет укрепить связи и сотрудничество между Китаем и другими странами. Китай будет играть более важную роль на международной арене, активно участвуя в построении сообщества, укрепляя международную социальность и продвигая международное сотрудничество [6]. Через платформу многосторонности он способствует решению глобальных проблем и содействует глобальному развитию и стабильности, что отражает его активное участие и расширение влияния в международной политической социологии. Создание сообщества единой судьбы человечества также поможет передать китайскую культуру и ценности. В процессе построения сообщества Китай имеет возможность поделиться своими богатыми культурными традициями, опытом развития и идеями устойчивого развития. Посредством культурного обмена и распространения ценностей Китай сформирует более позитивный, инклюзивный и открытый имидж в международном сообществе и еще больше усилит свое влияние в международной политической социологии.

Заключение

Построение сообщества единой судьбы человечества требует помощи международных социальных факторов, предполагающих сотрудничество, взаимное доверие и общие ценности всех стран. Это подчеркивает важность международного сотрудничества и взаимного доверия в реализации целей сообщества и призывает страны выйти за рамки узких национальных интересов и пре-

следовать более широкие общие интересы человечества [7]. Разнообразию и балансу в концепции являются неотъемлемой частью. Разнообразие и несбалансированное развитие международного сообщества требуют балансирования потребностей и интересов всех стран в построении сообщества и подчеркивания уважения к культурам и системам разных стран в целях установления инклюзивного и плюралистического глобального порядка. Кроме того, построение сообщества требует интеграции международных норм и ценностей для достижения глобального мира и устойчивого развития. С точки зрения международной политической социологии [2], построение сообщества не только способствует сотрудничеству в международных отношениях, но и способствует достижению международным сообществом более глубокой взаимосвязи с точки зрения культурной коммуникации и глобального управления.

Построение сообщества единой судьбы человечества – это не только цель международного сотрудничества, но и непрерывный процесс, требующий совместных усилий всех стран для совместного реагирования на глобальные вызовы и реализации видения мира, процветания и устойчивого развития [1]. С точки зрения международной политической социологии мы лучше понимаем значение этой концепции и путь к ее реализации, что дает полезный ориентир для будущего сотрудничества международного сообщества [5].

Литература

1. Баллантайн Дженни Х., Перевод Чжу Чжиюн Фань Сяохуэй, Международная политическая социология: метод систематического анализа [М], Нанкин: Jiangsu Education Press, 2005.11.
2. Боулз С. и Гинтис Х. (1976) Школьное образование в капиталистической Америке: образовательная реформа и противоречия экономической жизни. Нью-Йорк: Основные книги12.
3. Дюри-Пола Аньес фон Жан Дан. Мари Перевод Ван Линя. Социология [М]. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета 20 01.64.
4. Каннин У. Международная политическая социология [М], Пекин: People's Education Press 198.35.
5. Ли Цзиньшуй. Образ мышления в международной политической социологии [J] (Тайвань) Информационный бюллетень образовательной социологии19(12).
6. Чжоу Юн. Теоретическая миссия и политическая дилемма новой западной социологии [J]. Глобальный обзор образования 2005 (8).
7. Эппл Майкл В., Перевод Хуан Чжунцзин, Идеология и учебная программа [М], Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета 20 01.2.
8. Ю Сюлань, Различия между городскими и сельскими районами в образовании Китая – анализ феномена культурного воспроизводства [М], Пекин: Educational Science Press, 2005.38.

9. Ян Чангюн, Социология: академическая история непрерывности и прерывистости [М], Пекин: China Social Science Press, 2004.1154649.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF BUILDING A COMMUNITY WITH A COMMON DESTINY OF MANKIND FROM THE STANDPOINT OF INTERNATIONAL POLITICAL SOCIOLOGY

Hu Xinqi,

Moscow Pedagogical State University

From the point of view of international political sociology, building a community with a common destiny for humanity is a process of social construction between international players, covering international relations, international cooperation, global governance and other areas. This concept emphasizes the role of international social factors in building a community, including national interests, cultural traditions and values. The formation of a community depends on the integration of international norms and values and requires the international community to gradually accept and recognize the common values championed by the community, such as peace, cooperation and sustainable development. In addition, building a community with a common destiny for humanity also requires the creation of effective international institutions and global governance mechanisms to address global issues and ensure sustainable development and common interests. In general, the perspective of international political sociology reveals the multidimensionality and complexity of building a community with a common destiny for humanity, emphasizing the joint efforts and cooperation of all parties of the international community.

Keywords: community of common destiny of mankind, international political sociology, international society, international political socialization.

References

1. Ballantyne Jenny H., Translated by Zhu Zhiyong Fan Xiaohui, International Political Sociology: A Method of Systematic Analysis [M], Nanjing: Jiangsu Education Press, 2005.11. Yu Xiulan, Differences between urban and rural areas in China's education – an analysis of the phenomenon of cultural reproduction [M], Beijing: Educational Science Press, 2005.38.
2. Bowles, S. and Gintis, H. (1976) Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life. New York: Basic Books12.
3. Marie Duris-Paula Agn s von Jean Dan. Translated by Wang Lin. Sociology [M]. Shanghai: East China Normal University Press 20 01.64
4. Kanning Wu, International Political Sociology [M], Beijing: People's Education Press 198.35.
5. Li Jinxi. Mindsets in International Political Sociology [J] (Taiwan) Educational Sociology Newsletter19(12)
6. Zhou Yun. Theoretical mission and political dilemma of the new Western sociology [J]. Global Education Review 2005 (8).
7. Apple Michael W., Translation by Huang Zhongjing, Ideology and Curriculum [M], Shanghai: East China Normal University Press 20 01.2.
8. Yu Xiulan, Differences between urban and rural areas in China's education – an analysis of the phenomenon of cultural reproduction [M], Beijing: Educational Science Press, 2005.38
9. Yang Changyun, Sociology: An Academic History of Continuity and Discontinuity [M], Beijing: China Social Science Press, 2004.1154649.

Этика современных медицинских исследований

Абдулаева Заира Эсенбулатовна,

к.филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ДГМУ
E-mail: zaina1972@mail.ru

Вагабова Наида Муратовна,

к.филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ДГМУ
E-mail: naika-v@rambler.ru

В статье рассмотрены проблемы, связанные с соблюдением этики медицинских исследований. Рассмотрен вопрос о соотношении концепций этичности, законности и нравственности. В качестве актуального направления исследований в области этики медицинских исследований выделено экспериментальное лечение. Проведен анализ этических дилемм, связанных с редактированием генома, созданием химер и клонированием. Рассмотрены феномены биопринтинга, биохакинга, Интернета медицинских вещей. Описана сущность этической концепции плода как пациента. Представлены этические проблемы, связанные с экспериментами в области изменения работы головного мозга и нервной системы человека.

Ключевые слова: этика, медицинская этика, нейроэтика, интернет медицинских вещей, редактирование генома, экспериментальное лечение, биопринтинг, биохакинг, репродукция.

Абсолютное большинство представителей современного медицинского сообщества придерживаются мнения о том, что медик-исследователь априори не может быть выше общечеловеческих ценностей. Соответственно, в процессе проведения медицинского исследования каждое решение, принимаемое ученым, должно учитывать морально-нравственные ценности, этические принципы и законодательные нормы [1, с. 296].

Далеко не все вопросы и проблемы этики медицинских исследований на сегодняшний день получили свое разрешение. Более того, каждый год мы узнаем о новых этических барьерах и вызовах, формирующихся в области медицины и фармацевтики. Внимание массовой общественности, СМИ, политиков и ученых сегодня сфокусировано на правах человека – пациента, медика, исследователя, испытуемого. Кроме того, мы живем в эпоху интенсификации научно-технического прогресса и резкого увеличения числа медицинских открытий. Существенная доля этих открытий влечет за собой разного рода проблемы – философские, этические, социальные, правовые, экологические и проч.

Вопросы этики медицинских исследований оказались настолько важными, что вскоре начала формироваться отдельная отрасль, полностью посвященная задачам разрешения этических дилемм – **биоэтика**. Биоэтика рассматривает спорные социальные практики в области биомедицины и исследований, ищет моральные оправдания для определенных процедур, экспериментов, практик (в т.ч. абортов, репродуктивных технологий, эвтаназии, вивисекции, стерилизации и др.). В рамках биоэтики возникают самостоятельные научные направления – такие, как философия медицины, нейроэтика, православная биоэтика [2]. Особый интерес представляет рассмотрение конкретных направлений подобных исследований. Обратимся к некоторым важным векторам анализа проблем медицинской этики.

В спектре проблем, связанных с соблюдением этики медицинских исследований, центральной можно считать **проблему соотношения концепций этичности, законности и нравственности**. Этическая культура медицинского исследователя, по нашему мнению, проистекает из представлений общества о морали и нравственности; во многих ситуациях этика должна преобладать над законодательными и нормативными рамками.

Этика есть внутреннее ощущение уважения прав субъектов исследования и «восприимчивость к духу международных стандартов и кодексов этики» [1, с. 299]. Во многих случаях исследователь должен следовать моральной убежденности, а не формальным интерпретациям закона. В ситуации получения, к примеру, информированного согласия исследователь не только должен разъяснить пациенту риски, последствия и процедуру проведения эксперимента и заручиться его подписью, но и почувствовать, действительно ли испытуемый действует в своих интересах и способен ли он отдавать себе отчет о последствиях собственных действий. Особен-

но это важно для пациентов, сознание которых может по медицинским причинам оставаться неясным, а также для пациентов с девиациями когнитивного развития, для пожилых пациентов и проч. Любой такой пациент может выразить желание зафиксировать документально свое решение принять участие в эксперименте, а исследователь, в свою очередь, должен оценить это решение, исходя из субъективной морали. С другой стороны, попытка навязать свою субъективную мораль испытуемому также неэтична. Грань между навязыванием морали и предусмотрительностью, как очевидно, остается крайне нечеткой. Допустимая мера подобной субъективности, особенно в ситуациях явного противоречия буквы закона и фактического положения дел, выступает, по нашему мнению, крайне важной проблемой медицинской этики.

Еще одним актуальным направлением исследований в области этики медицинских исследований выступает **экспериментальное лечение**. Имплементация программ экспериментального лечения приносит колоссальную социальную пользу: в результате экспериментов на рынок поступают новые, более эффективные средства лечения и диагностики заболеваний. Пациенты, которые выражают желание принять участие в программах экспериментального лечения, имеют крайне мощный стимул – они получают препарат, не доступный к продаже из-за отсутствия регистрации либо из-за дороговизны. Во множестве случаев экспериментальное лечение проводится на околотерминальных стадиях трудноизлечимых заболеваний. В таких обстоятельствах пациент фактически не имеет права выбора; кроме того, тяжелое психоэмоциональное состояние таких пациентов не позволяет им объективно оценить возможные риски. В данной связи национальные правительства и медицинские ведомства, а также надгосударственные организации активно работают над совершенствованием систем государственного и общественного контроля соблюдения прав участников исследований и этичности проведения экспериментального лечения [4, с. 10].

В ситуации, когда исследование или экспериментальное лечение предлагается дееспособному лицу, достаточно, в принципе, получения информированного согласия. В реальной медицинской практике далеко не всегда исследования проводятся на контингенте совершеннолетних лиц без явных когнитивных или поведенческих девиаций. Пациенты могут испытывать боль, дистресс или находиться в потенциально опасной для жизни ситуации, которая существенным образом редуцирует их способность взвешивать риски и преимущества эксперимента.

Особенно важно разрешить этические вопросы, связанные с несовершеннолетними пациентами. Ребенок, как известно, не может самостоятельно дать информированное согласие, и решение о проведении экспериментального лечения за него принимают родители или опекуны – так, как они обычно решают вопросы обеспечения и воспитания [9]. Возникает вопрос: может ли ребенок принимать самостоятельные решения о своей жизни и здоровье? Будет ли этичным лишение, скажем, подростка 15 лет права на распоряжение свои здоровьем? И, наконец, следует дать ответ на следующий вопрос: если между родителями/опекунами и ребенком имеются разногласия, могут ли врачи/исследователи вступать в качестве третейских судей или принимать на себя полномочия по принятию решений?

В обиходном сознании термины «биоэтика» или «медицинская этика» в большинстве случаев будут ассоциироваться с **проведением генетических экспериментов** – намеренных мутаций, с клонированием, скрещи-

ванием и т.п. Действительно, редактирование генома и иные генетические манипуляции стали пионерами в области медико-этических проблем. Многие из них сохраняют актуальность до сих пор.

Одной из передовых инноваций в медицинских исследованиях является технология *CRISPR-Cas9*, которая позволяет редактировать геном человека. Данная технология вызывает широкие дискуссии и может быть потенциально сопряжена со злоупотреблениями и нарушениями медицинской этики; кроме того, редактирование генома посредством *CRISPR-Cas9* может повлечь за собой тяжелые социальные и демографические последствия – влияние *CRISPR* на здоровье будущих поколений еще не изучено, тогда как технологии редактирования генома уже имплементируются в реальную медицинскую практику [10].

Исследования в области клонирования и создания гибридных организмов (химер) также продолжают вызывать этические споры о биоразнообразии, о правах гибридных живых существ, о социализации клонированных людей и их выживаемости. С одной стороны, большинство стран на сегодняшний день запрещают практики создания клонов или гибридных существ – из соображений морали, религиозных установок или исходя из возможных рисков «химеризации» цивилизации и общества. С другой стороны, попытки создания химер и редактирования геномных структур могут быть направлены не на продукцию живых существ новых видов или существ с модифицированными характеристиками, а для улучшения качества жизни членов общества – к примеру, выращивание органов и тканей для последующей пересадки больным [8].

Существует также точка зрения о том, что создание химер животных, бактерий, насекомых, птиц и проч. следует оценивать с позиции экологии. В ситуации выпуска химер из лаборатории в окружающую среду баланс существующих экосистем может быть необратимо нарушен – подобно тому, как он был нарушен после перемещения инвазивных видов на новые территории (кролики в Австралии, борщевик в Европе и проч.).

Одним из примеров спорных с этической точки зрения медицинских технологий является **трехмерная биологическая печать** (т.н. биопринтинг). Медицинская наука на текущем этапе находится на том этапе, когда ученые могут создавать на биопринтерах органы или ткани, идентичные естественным. Биопринтинг можно определить в качестве прецизионной технологии послойной генерации трехмерных тканевых и органных форматов. Внешняя и внутренняя архитектура данных продуктов задается цифровой моделью, а в качестве печатного материала используются живые клетки организма человека или животного [3, с. 77]. Применение подобных продуктов в клинических целях пока не является массовым и проводится точно. Исследователям требуется время на сбор доказательств безопасности подобного метода лечения [3, с. 76], а законодателям – на заполнение нормативных пробелов в национальных правовых системах. Можно предположить, что биопринтинг, несмотря на окружающую его критику, постепенно войдет в медицинскую практику. Уже сегодня известно, что биопринтинг может быть применен в околomedических секторах – к примеру, при производстве одежды, адаптивной к состоянию тела человека, его влажности и температуре.

Репродуктивные исследования во многих научных сообществах традиционно считаются камнем преткновения в вопросах медицинской этики. Множество проблем вызывает этическая концепция плода как пациента. В разных странах принято по-разному фиксировать

момент трансформации плода/эмбриона в пациента. Во многих случаях показателем, отмечающим данную черту, выступает выживаемость плода *ex utero*. Считается, что плод жизнеспособен тогда, когда он может выжить в неонатальный период, в т.ч. при наличии необходимой технологической и медицинской поддержки. Точка отчета имеет важное значение и в контексте медицинских исследований, ведь в одном случае исследователь имеет дело с «репродуктивным материалом» и обращается с эмбрионом или его частями как с набором тканей и клеток, лишая его субъектности и прав, а в другом он должен воспринимать образец для исследования – живой или погибший – в качестве субъекта с присущими ему правами [5, с. 80].

В последнее время все чаще в медийном и научном дискурсе можно услышать термин «**Интернет медицинских вещей**» (англ. *Internet of Medical Things; IoMT*). *IoMT* представляет собой совокупность различных медицинских «умных» устройств, «интеллектуальные медицинские сетевые системы со встроенными датчиками, процессорами и исполнительными механизмами, которые предназначены для восприятия и взаимодействия с физическим миром» [7, с. 90]. Ключевыми характеристиками таких устройств можно считать следующие: 1) подключение к Интернету; 2) способность вызывать физиологические изменения или способность фиксировать естественные физиологические изменения; 3) способность напрямую получать сведения от пользователей и направлять сведения пользователям; 4) возможность принести пользу для здоровья.

В разработках, затрагивающих технологии *IoMT*, уже сегодня остро стоит вопрос об этичности сбора данных о параметрах тела и здоровья людей. Постепенно, по мере распространения Интернета медицинских вещей, наша цивилизация получит т.н. Интернет тел (англ. *Internet of Bodies; IoB*) – глобальную сеть человеческих тел, связанных общим информационным полем. Обеспечить полную целостность и конфиденциальность данных в пространстве Интернета тел невозможно уже сегодня, а в будущем риски взлома данных и злоупотребления ими будут только возрастать. Таким образом, не до конца понятно, этично ли в принципе разрабатывать гаджеты *IoMT* и на каком этапе их следует запретить. Исследователи полагают, что исследования в области *IoMT* и *IoB* бросают вызов принципу человеческой автономии. Более того, механизмов и инструментов для обеспечения гарантированной автономии человека, использующего *IoB*-изделия, пока не выработано.

В большинстве научных публикаций по рассматриваемой нами проблеме неэтичности признаются исследования в области т.н. **биохакинга**. Биохакаеры – это энтузиасты-любители, которые следуют хакерским принципам в отношении современных биомедицинских исследований. Основным этическим аргументом биохакеров является обеспечение доступа к новейшим медицинским технологиям для всего населения планеты. Уже известно о многих случаях взлома биохакерами медицинских *IoB*-изделий для улучшения их функциональности [7, с. 92]. Биохакинг, тем не менее, сопряжен с рисками доступа к контролю, настройке, автоматизации медицинских устройств. По мнению экспертов, биохакинг-разработки генерирует серый рынок использованных медицинских *IoB*-изделий, многие из которых являются небезопасными для использования и, кроме того, содержат медицинские данные прошлых владельцев.

Наконец, следует упомянуть о проблемах **нейроэтики**. На сегодняшний день исследователи многих стран мира проводят эксперименты в области изменения работы головного мозга и нервной системы человека. Осо-

бенно распространены исследования в области «нейроусиления», ослабления памяти, нейронного протезирования, нейровизуализаций. Проводятся эксперименты по электростимуляции головного мозга с целью сократить потребность во сне и увеличить стрессоустойчивость. Безусловно, данная область прикладных исследований не лишена этических проблем и вопросов гуманитарного характера. С одной стороны, наблюдается технологический оптимизм по поводу применения подобных нейротехнологий, но с другой – следует уделить внимание таким вопросам, как возможность злонамеренного использования технологий улучшения человека, в т.ч. в военных целях. В условиях войны «нейроулучшение» человека может напрямую влиять на то, когда и как именно человек принимает решение применить насилие. Специалисты говорят о возможности создания «суперсолдат» – устойчивых к стрессу, склонных к агрессии, не испытывающих эмпатии боевых единиц [6].

Таким образом, проведенный обзор и анализ современной научной литературы по вопросам этики медицинских исследований позволяет обозначить некоторые актуальные направления дальнейших дискуссий и работ, в частности:

- 1) проблема соотношения концепций этичности, законности и нравственности, допустимая мера субъективного усмотрения исследователя;
- 2) этические аспекты реализации программ экспериментального лечения;
- 3) проведение генетических экспериментов;
- 4) цели и перспективы технологии трехмерной биологической печати;
- 5) репродуктивные исследования, эксперименты с эмбрионом и плодом;
- 6) внедрение в массовый обиход гаджетов, относящихся к Интернету медицинских вещей;
- 7) исследования в области биохакинга;
- 8) проблемы нейроэтики и этичности вмешательств в работу головного мозга и нервной системы человека; преступные злоупотребления нейротехнологиями.

Литература

1. Васкес Абанто, Х.Э. Современная этика медицинских исследований – биоэтика / Х.Э. Васкес Абанто, А.Э. Васкес Абанто, С.Б. Арельяно Васкес // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 4. – С. 292–303.
2. Воропаева, Л.А. Влияние христианской этики на формирование современной медицинской деонтологии / Л.А. Воропаева, Протоиерей Михаил, Архимандрит Василий, Игумен Тихон, А.В. Игнатьева // МНИЖ. – 2013. – № 5–3 (12). – С. 56–58.
3. Иванкович, А.Д. Биопринтинг: правовое регулирование / А.Д. Иванкович, Т.В. Семёнова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 5. – С. 76–82.
4. Малышева, Е.А. Защита прав пациентов – участников клинических исследований в России / Е.А. Малышева, М.Э. Гурьева, Ю.Б. Белоусов // Ремедиум. – 2006. – № 6. – С. 10–14.
5. Червенак, Ф.А. Решения, связанные с началом и окончанием жизни / Ф.А. Червенак, Л.Б. Маккуллоу // Акушерство, гинекология и репродукция. – 2015. – № 1. – С. 77–83.
6. Хеншке, А. «Суперсолдаты»: этические проблемы, возникающие в связи с технологиями улучшения человека / А. Хеншке // Международный Комитет

Красного Креста. – 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/supersoldaty-eticheskie-problemy-voznikayushchie-v-svyazi-s-tehnologiyami-uluchsheniya>. – Дата доступа: 19.10.2023.

7. Хохлов, А.Л. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией интернета тела / А.Л. Хохлов, Д.Ю. Белоусов // *Качественная клиническая практика*. – 2021. – № 2. – С. 89–98.
8. Nabavizadeh, S.L. Cloning: A Review on Bioethics, Legal, Jurisprudence and Regenerative Issues in Iran / S.L. Nabavizadeh, D. Mehrabani, Z. Vahedi, F. Manafi // *World J Plast Surg*. – 2016. – № 5(3). – С. 213–225.
9. Patient access to experimental treatments // Nuffield Council on Bioethics 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nuffieldbioethics.org/publications/experimental-treatments/introduction/ethical-issues-arising-from-the-use-of-experimental-treatments>. – Дата доступа: 19.10.2023.
10. What is CRISPR-Cas9? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yourgenome.org/facts/what-is-crispr-cas9/>. – Дата доступа: 19.10.2023.

ETHICS OF MODERN MEDICAL RESEARCH

Abdulaeva Z.E., Vagabova N.M.
DSMU

The article discusses the problems associated with compliance with the ethics of medical research. The issue of the relationship between the concepts of ethics, legality and morality is considered. Experimental treatment has been highlighted as a current area of research in the field of medical research ethics. An analysis of ethical dilemmas associated with genome editing, the creation of chimeras and cloning was carried out. The phenomena of bioprinting, biohacking, and the Internet of medical things are considered. The essence of the ethical concept of the fetus as a patient is described. The ethical problems associated with experiments in the field of changing the functioning of the human brain and nervous system are presented.

Keywords: ethics, medical ethics, neuroethics, internet of medical things, genome editing, experimental treatment, bioprinting, biohacking, reproduction.

References

1. Vázquez Abanto, H.E. Modern ethics of medical research – bioethics / H.E. Vázquez Abanto, A.E. Vázquez Abanto, S.B. Arellano Vázquez // *Russian Journal of Humanities*. – 2015. – No. 4. – pp. 292–303.
2. Voropaeva, L.A. The influence of Christian ethics on the formation of modern medical deontology / L.A. Voropaeva, Archpriest Mikhail, Archimandrite Vasily, Hegumen Tikhon, A.V. Ignatieva // *MNIZH*. – 2013. – No. 5–3 (12). – pp. 56–58.
3. Ivankovich, A.D. Bioprinting: legal regulation / A.D. Ivankovich, T.V. Semyonova // *Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. – 2022. – No. 5. – P. 76–82.
4. Malysheva, E.A. Protection of the rights of patients – participants in clinical trials in Russia / E.A. Malysheva, M.E. Guryleva, Yu.B. Belousov // *Remedium*. – 2006. – No. 6. – pp. 10–14.
5. Chervenak, F.A. Decisions related to the beginning and end of life / F.A. Chervenak, L.B. McCullough // *Obstetrics, gynecology and reproduction*. – 2015. – No. 1. – P. 77–83.
6. Henschke, A. “Super soldiers”: ethical problems arising in connection with human enhancement technologies / A. Henschke // *International Committee of the Red Cross*. – 2017 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.icrc.org/ru/document/supersoldaty-eticheskie-problemy-voznikayushchie-v-svyazi-s-tehnologiyami-uluchsheniya>. – Access date: 10/19/2023.
7. Khokhlov, A.L. Ethical aspects of the use of medical products with Internet of the body technology / A.L. Khokhlov, D. Yu. Belousov // *Qualitative clinical practice*. – 2021. – No. 2. – pp. 89–98.
8. Nabavizadeh, S.L. Cloning: A Review on Bioethics, Legal, Jurisprudence and Regenerative Issues in Iran / S.L. Nabavizadeh, D. Mehrabani, Z. Vahedi, F. Manafi // *World J Plast Surg*. – 2016. – No. 5(3). – pp. 213–225.
9. Patient access to experimental treatments // Nuffield Council on Bioethics 2018 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.nuffieldbioethics.org/publications/experimental-treatments/introduction/ethical-issues-arising-from-the-use-of-experimental-treatments>. – Access date: 10/19/2023.
10. What is CRISPR-Cas9? [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.yourgenome.org/facts/what-is-crispr-cas9/>. – Access date: 10/19/2023.

Философская проблематизация использования информационных технологий в преподавании иностранного языка

Беликова Евгения Константиновна,

кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка факультета ВМК Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: jbelikova@list.ru

Реалии современного мира постоянно трансформируются, что, в свою очередь, приводит к изменениям и дифференциации философского знания. На сегодняшний день весьма актуальными являются такие векторы философского познания, как философия техники, философия науки, философия права. В фокусе исследования находится цифровизация образования – переход системы образования в электронный формат, превращение ее в цифровую систему, трансформацию образовательных практик на уровне содержания и методологии. Выявлены барьеры и проблемные аспекты «оцифровки» обучения иностранным языкам. Среди наиболее значимых проблем отмечаются следующие: деструкция духовной основы образования и воспитания личности, риски избыточной геймификации в обучении иностранным языкам, негативные социальные последствия цифровизации образовательного процесса, утрата лингвокультурного компонента в обучении, нечеткость роли и места преподавателя в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, дистанционное обучение, информационные технологии, иностранный язык, педагогика, философия, геймификация, духовные ценности, лингвокультура, атомизация, социализация.

Реалии современного мира постоянно усложняются, трансформируются, что, в свою очередь, приводит к изменениям и дифференциации (дроблению) философского знания. Колоссальное множество новых концепций, теорий, феноменов, тенденций и необходимость их детального рассмотрения стимулирует возникновение новых самостоятельных направлений философской науки. На сегодняшний день весьма актуальными являются такие векторы философского познания, как философия техники, философия науки, философия права.

Образовательный сектор также входит в фокус внимания современных философов. Исследователи принимают попытки выработать фундаментальные принципы и парадигмы, на базе которых формируется новая система образования, вступают в междисциплинарные дискуссии с психологами, педагогами, методистами, социологами о том, какие принципы должны лежать в основе современных образовательных сред ([2], [3], [4], [7] и др.). Образование, как отмечает Т.А. Козлова с соавт., представляет собой и процесс, и систему, и ценность, и все это должно иметь под собой фундаментальную основу – «парадигмальные положения философии образования» [5, с. 19].

Цифровое общество формирует человека новой формации – *homo digital* ('человек цифровой'), для которого требуется сформировать новые ценностные ориентации [10, с. 43]. Ключевой чертой *homo digital* выступает жизнедеятельность в цифровых информационно-аналитических средах, посредством которых он получает, аккумулирует, анализирует поступающие извне данные и генерирует собственные информационные потоки.

Цифровизация кардинально трансформирует сферу образования. Ускоряющаяся динамика изменчивой внешней среды и повышение требований к профессиональным компетенциям вынуждают людей адаптироваться, подстраиваться, менять привычную действительность. Можно сказать, что философия и образование всегда имели неразрывную связь – они во многом сфокусированы на проблемах и задачах воспитания личности, формирования мировоззрения, соотношения коллективного и индивидуального. Проблемные аспекты образования, обучения, развития и воспитания всегда волновали философов, но сегодня, в условиях цифровизации образовательных систем, анализ перспектив, онтологических основ и барьеров цифрового обучения обретает особую актуальность.

Прежде чем рассмотреть значимые вопросы и проблемы цифровизации в образовании и проанализировать философскую подоплеку этих проблем, требуется определить данную категорию. В общем виде цифровизация образования определяется как переход системы образования в электронный формат, превращение ее в цифровую систему, окончательную трансформацию образовательных практик на уровне содержания и методологии. Цифровизация образования может быть рассмотрена в качестве процесса и результата по формированию интерактивных образовательных систем, имеющих обратную связь и акцентирующих центральную роль обучаемого, когда в центре дидактического процесса оказывается не преподаватель, а обучаемый.

С философской точки зрения цифровизация образования также может быть определена как утрата традиционной образовательной системой мировоззренческих, материалистических, философских и научных оснований в связи с кардинальной трансформацией целей, способов и инструментов получения образования. Безусловно, цифровизация образования способна привести к деструкции социально приемлемых ориентиров и к замене ценностных, гуманистических векторов на прагматические и социально релевантные [1, с. 51].

Цифровизация изменяет все уровни и принципы образования; так, несколько десятилетий назад в перечень важнейших навыков детей школьного возраста обязательно входило чистописание – наличие аккуратного, разборчивого почерка, а сегодня, в эпоху электронных тетрадей и дневников этот навык рассматривается, скорее, как желательный, а не приоритетный [4, с. 220]. Потребность в разучивании наизусть стихов, отрывков учебного материала, исторических дат сегодня постепенно заменяется поисковыми компетенциями – любая информация может быть найдена на мобильном устройстве, и удерживать в памяти некоторые сегменты образовательного контента уже не так важно. Более того, цифровизация приводит к разрушению прежней системы организации учреждений образования: для того, чтобы получить образование, не требуется физически перемещаться в учебное учреждение – можно взять онлайн-курс по любой профессии и пройти его не выходя из дома.

Скептики, выступающие против тотальной «оцифровки» образовательных практик, говорят о том, что эффективная образовательная среда не просто дает знание – она должна «транслировать традицию, передавать опыт от человека к человеку, от поколения к поколению» [5, с. 21]. Построение новой информационной культуры актуализирует т.н. «понимающие подходы» в образовании, ведь, как отмечают многие исследователи-теоретики и практикующие педагоги, «понимание личности в современных условиях тонет в омуте компьютерного взаимодействия» [5, с. 21].

Следует отметить, что само по себе понятие «технология» было разработано и применено к механизмам, но сегодня технологии образования формируют новую технологичную парадигму – уже не только в производственных процессах, но и в гуманитарной сфере. «Технологизм» изменил саму сущность образовательного процесса, придав ему форму производственного. Обучаемый в подобном контексте воспринимается как некоторая деталь, которая доводится до совершенства преподавателями, а по окончании курса – встраивается в существующие звенья народного хозяйства [11, с. 7].

Говоря о таком сегменте образования, как изучение иностранных языков, следует отметить, что именно он стал одним из пионеров образовательной цифровизации. Именно на занятиях иностранными языками впервые апробируются новые цифровые инструменты – видеозанятия, чаты, интерактивные программы, приложения, презентации. Во многом это обусловлено тем, что уже по своей специфике изучение иностранных языков требует мультимодального подхода – подхода, где задействуются аудиальные, визуальные и иные каналы рецепции.

Педагоги, обучающие иностранным языкам, уже более трех десятилетий назад с энтузиазмом начали осваивать новые технологии. На первый взгляд, оцифровка занятий по иностранному языку стала прорывом в дидактике, но с другой стороны – социальные и общесоциологические последствия такой трансформации мы осознать пока не можем.

Таким образом, на сегодняшний день философия образования, с одной стороны, отличается плюралистичностью подходов, а с другой – все существующие точки зрения можно условно разделить на оптимистичные и пессимистичные. Ключевым аргументом критиков образовательной цифровизации выступает **деструкция духовной основы образования и воспитания личности**. А.В. Ворохобов говорит о радикальной реструктуризации образовательного опыта, которая, как правило, «остаётся без комментариев в отношении проблемных социальных, этических и эпистемологических предположений» [4, с. 221]. По мнению В.Г. Буданова, «риски расчеловечивания весьма велики уже сегодня, при неконтролируемом погружении человека в сетевые цифромилы» [2]. Э.М. Молчан, в свою очередь, пишет о том, что цифровизация влечет за собой привычку пассивного восприятия окружающей реальности, эскапизм в виртуальный мир, Интернет-аддикцию [8, с. 61]. Уже сегодня можно наблюдать множество подобных эффектов цифровизации: людям свойственна навязчивая потребность в Интернет-сёрфинге, в виртуальных знакомствах, в проверке социальных сетей на предмет уведомлений и проч. Настроение и самочувствие человека, который оказывается лишенным гаджетов, стремительно ухудшается. Е.И. Кузнецова и Н.А. Пугачева говорят о том, что пандемийный цикл привел к возрастанию количества психических расстройств – стресса, депрессии, одиночества, в том числе среди школьников и студентов, перешедших на дистанционное обучение [6, с. 37].

Человек равнодушен к окружающей «офлайн»-реальности, происходит т.н. дегуманизация личности. Едва ли современный школьник или студент, оказавшись на занятии по английскому языку, будет удовлетворен полным отсутствием интерактивных цифровых технологий – обучающиеся ожидают, что занятия иностранным языком будут обязательно включать в себя видео, музыку, интерактивные тесты и прочие элементы геймификации. Вышесказанное, собственно, приводит нас к рассмотрению еще одной проблемы применения информационных технологий на занятиях иностранным языком.

Риски избыточной геймификации в обучении иностранным языкам в частности и в системе образования в целом – еще одна важная философская и педагогическая проблема современности.

Геймификация в обучении иностранным языкам имела место, в принципе, и в доцифровую эпоху, но цифровизация привела к колоссальной интенсификации игровых практик в обучении и, по всей видимости, обнажила некоторые проблемы, связанные с игровыми методами обучения. Геймификация в обучении иностранным языкам представляет собой методологический подход, основанный на включении игровых элементов и механик в учебный процесс с целью улучшения эффективности обучения и мотивации обучающихся. Одним из ключевых элементов геймификации является создание образовательных игр, которые структурированы таким образом, чтобы содействовать активному участию обучающегося. Эти игры обычно включают в себя задания и задачи, связанные с изучением иностранного языка; они могут варьироваться от лингвистических упражнений до коммуникативных симуляций, в которых студенты используют язык в реальных ситуациях. Геймификация также предполагает наличие своеобразных наград и рейтингов как формы признания достижений обучающихся.

По мнению сторонников образовательной цифровизации, игровые технологии способны существенно улучшить академическую успеваемость обучающихся как за счет мотивации, так и за счет более эффективной по-

дачи информации. По этой причине многие авторы говорят о том, что именно подобный тип технологий должен в ближайшее время стать доминирующей формой обучения. Я.А. Афанасенко и Т.Г. Чернова в данной связи задают вполне справедливый вопрос: в случае полной геймификации занятий иностранным языком речь будет идти об обучении, интеллектуальном, творческом труде, или же все-таки о развлечении? [1, с. 55].

Т.А. Козлова с соавт. говорят о том, что излишняя геймификация может спровоцировать риск регресса мышления: получить ответ на свой вопрос можно нажатием одной клавиши, и обучающийся обращается чаще к компьютеру, нежели к собственным размышлениям о требуемой грамматической, синтаксической конструкции, идиоме, лексеме: «факты сыпятся со всех сторон на современного человека, <...> факты сами по себе не запускают процессы познания в человеке» [5, с. 20]. В следовании трендам новой цифровой повестки важно не забывать о гуманистическом векторе обучения иностранным языкам, который формирует человека, развивает его творческие силы и налаживает диалог человека с миром и с собственным «Я».

Рассмотрим некоторые **социальные последствия цифровизации образовательного процесса**. Использование цифровых платформ для изучения иностранного языка приводит к резкому сокращению доли «реальной» коммуникации и взаимодействия с одноклассниками, педагогами и носителями языка. Дистанционное изучение языка лишает обучающихся практики реального иноязычного общения и межкультурного обмена.

Как известно, социальные качества и ценности личности во многом формируются благодаря личностному общению в настоящих» социальных системах. Иностранные языки являют собой такой сегмент образования, который напрямую зависит от качества социального взаимодействия. Сможет ли ученик, прошедший онлайн-курс английского языка, вступить в реальную коммуникацию с представителем другой культуры? Происходит ли в процессе дистанционного обучения взаимообогащение и формирование содержательного ядра социальных ценностей личности? Я.А. Афанасенко пишет о том, что сведение природы социальной реальности к цифровой является собой проявление механистического материализма, в рамках которого социальная реальность более не существует, ведь общество становится совокупностью атомизированных индивидов, инертным, пассивным материальным образованием, это «машина, лишенная самодвижения» [1, с. 52].

Некоторые навыки, такие как аудирование и произношение, сформировать при дистанционном обучении достаточно сложно, особенно если нет возможности личного общения и мгновенной коррекции ошибок. Кроме того, удаленное обучение может ограничивать обучающихся в возможности участия в культурных и социальных событиях, связанных с изучаемым языком, в общении с носителями языка. Отсутствие опыта личностного контакта может снизить развитие навыков межличностного инокультурного общения, в том числе умения слушать, выражать свои мысли и воспринимать невербальные сигналы.

Лингвокультурные барьеры – важная проблема цифровой образовательной среды. Изучение иностранного языка предполагает намеренное или бессознательное сопоставление своей и чужой культуры. Изучение другой культуры и ее языка помогает обучающемуся осознать себя как представителя нации, этноса, лингвокультуры. Цифровые среды, при этом, имеют глобализаторский, унифицирующий характер, и формирование гражданского и национального мировидения в таких

средах едва ли возможно. Более того, **профессиональная компетентность преподавателя** иностранного языка начинает отождествляться с цифровой грамотностью, с инструментальными навыками. А.В. Прокофьев говорит о том, что мы накопили множество исследований на тему этики и методики преподавания иностранных языков «в условиях реального кампуса или в «университете кирпича и штукатурки», тогда как для цифровых сред подобных исследований крайне мало [9, с. 16]. Преподавателю на современном этапе достаточно сложно выполнить свою роль воспитателя и транслятора гражданской, патриотической, национальной духовности. Более того, в цифровых средах происходит как будто бы намеренное выхолащивание национально-культурного содержания обучения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) На современном этапе происходит интенсивная цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека. Это касается и образовательных систем. Цифровизация образования представляет собой переход системы образования в электронный формат, превращение ее в цифровую систему, окончательную трансформацию образовательных практик как на уровне содержания, так и в методологии.
- 2) Анализ современной научной литературы показывает, что в научной и педагогической среде увеличивается число скептиков и критиков цифровых образовательных технологий. По их мнению, цифровая образовательная среда дает знание, но не транслирует ценности, традиции, опыт. Ключевым аргументом оппонентов концепции образовательной цифровизации выступает деструкция духовной основы образования и воспитания личности.
- 3) Отмечены риски избыточной геймификации в обучении иностранным языкам – обучение превращается в развлечение, становится менее эффективным и даже приводит к регрессу когнитивных механизмов обучающихся.
- 4) Рассмотрены негативные социальные последствия цифровизации образовательного процесса. Использование цифровых платформ для изучения иностранного языка приводит к резкому сокращению доли «реальной» коммуникации, что приводит к отсутствию навыков реального иноязычного общения и препятствует социальному становлению личности обучающегося в целом.
- 5) Лингвокультурные барьеры – важная проблема цифровой образовательной среды. Изучение иностранного языка предполагает формирование национальной идентичности обучаемых за счет сопоставления лингвокультур. В цифровых средах реализовать данный воспитательный аспект достаточно затруднительно.
- 6) Существуют проблемы в определении роли и места преподавателя иностранных языков в новой цифровой парадигме дидактики.

Литература

1. Афанасенко, Я.А. Философские аспекты цифровизации российского образования / Я.А. Афанасенко, Т.Г. Чернова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4 (108). – С. 49–57.
2. Буданов, В.Г. Новый цифровой жизненный техноклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы / В.Г. Буданов // Философские науки. – 2016. – № 6. – С. 47–55.

3. Валеева, Г.В. Цифровая трансформация высшего образования: социально-философский анализ / Г.В. Валеева // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 2. – С. 7–12.
4. Ворохобов, А.В. Цифровизация образования: актуальные тренды и философско-методологические проблемы / А.В. Ворохобов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 220–222.
5. Козлова, Т.А. Актуальные проблемы философии образования в современную эпоху / Т.А. Козлова, Ю.О. Полякова, Д.А. Леонтьева // КНЖ. – 2020. – № 2 (31). – С. 19–21.
6. Кузнецова, Е.И. Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности / Е.И. Кузнецова, Н.А. Пугачева // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 6 (110). – С. 36–41.
7. Лубков, А.В. Антропоцентрический принцип цифровизации образования / А.В. Лубков, О.В. Гордиенко, А.А. Соколова // Наука и школа. – 2020. – № 6. – С. 48–56.
8. Молчан, Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э.М. Молчан // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2019. – № 2. – С. 55–66.
9. Прокофьев, А.В. Цифровизация университета: угрозы и возможности / А.В. Прокофьев // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 57. – С. 10–32.
10. Сорочайкин, И.А. Человек в эпоху цифровой реальности / И.А. Сорочайкин // Эксперт: теория и практика. – 2021. – № 4 (13). – С. 42–45.
11. Строков, А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы / А.А. Строков // Вестник Мининского университета. – 2020. – № 2 (31). – 14 с.

PHILOSOPHICAL ISSUES RELATED TO DIGITAL TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Belikova E.K.

Lomonosov Moscow State University

Artificial intelligence (AI) has revolutionized many areas of our lives, and medicine is no exception. In particular, specialized areas of medicine, such as anesthesiology and critical care, face problems that can be solved with the help of AI technologies. The focus of the study is the digitalization of education – the transition of the education system to an electronic format, its transformation into a dig-

ital system, the transformation of educational practices at the level of content and methodology. Barriers and problematic aspects of the “digitization” of teaching foreign languages have been identified. Among the most significant problems are the following: the destruction of the spiritual basis of education and personal development, the risks of excessive gamification in teaching foreign languages, the negative social consequences of digitalization of the educational process, the loss of the linguocultural component in learning, the unclear role and place of the teacher in the digital environment.

Keywords: digitalization, distance learning, information technology, foreign language, pedagogy, philosophy, gamification, spiritual values, linguoculture, atomization, socialization.

References

1. Afanasenko, Ya.A. Philosophical aspects of digitalization of Russian education / Ya.A. Afanasenko, T.G. Chernova // Society: philosophy, history, culture. – 2023. – No. 4 (108). – pp. 49–57.
2. Budanov, V.G. New digital life techno-structure – prospects and risks of transformations of the anthroposphere / V.G. Budanov // Philosophical Sciences. – 2016. – No. 6. – P. 47–55.
3. Valeeva, G.V. Digital transformation of higher education: social and philosophical analysis / G.V. Valeeva // Humanities and social sciences. – 2023. – No. 2. – P. 7–12.
4. Vorokhobov, A.V. Digitalization of education: current trends and philosophical and methodological problems / A.V. Vorokhobov // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1 (49). – pp. 220–222.
5. Kozlova, T.A. Current problems of the philosophy of education in the modern era / T.A. Kozlova, Yu.O. Polyakova, D.A. Leontyeva // KNZh. – 2020. – No. 2 (31). – pp. 19–21.
6. Kuznetsova, E.I. Precarization as a phenomenon of alienation of the subject in digital communicative reality / E.I. Kuznetsova, N.A. Pugacheva // Society: philosophy, history, culture. – 2023. – No. 6 (110). – P. 36–41.
7. Lubkov, A.V. Anthropocentric principle of digitalization of education / A.V. Lubkov, O.V. Gordienko, A.A. Sokolova // Science and school. – 2020. – No. 6. – pp. 48–56.
8. Molchan, E.M. The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization / E.M. Molchan // Vestnik MGOU. Series: Philosophical Sciences. – 2019. – No. 2. – P. 55–66.
9. Prokofiev, A.V. Digitalization of the university: threats and opportunities / A.V. Prokofiev // Bulletin of Applied Ethics. – 2021. – No. 57. – P. 10–32.
10. Sorochaykin, I.A. Man in the era of digital reality / I.A. Sorochaykin // Expert: theory and practice. – 2021. – No. 4 (13). – pp. 42–45.
11. Stokov, A.A. Digitalization of education: problems and prospects / A.A. Stokov // Bulletin of Minin University. – 2020. – No. 2 (31). – 14 s.

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент департамента
«Психологии и развития человеческого капитала»,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: left@lsn.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы исторического наследия как основы стабильного развития общества. Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью поиска причин и последствий исторических событий, которые оказали позитивное влияние на поддержание социальной стабильности, их духовно-нравственного значения для современности. Основная цель исследования – выявление роли истории в социально-политических процессах, её влияние, как позитивное, так и негативное, на массовое сознание современного социума. Сформулированы основные подходы к пониманию исторического процесса и его связь и влияние на стабильность в обществе, что особенно важно в период социально-политических, экономических, демографических преобразований. Представлены выводы о роли истории и необходимости исторического знания, его востребованности в настоящем времени, как фундамента для построения будущего.

Ключевые слова: история, развитие, историческое сознание, социум, общество, сознание.

Введение

Обращаясь к своему прошлому, человек постоянно задаётся вопросом: «В чём смысл и предназначение истории?» Индивидуальная история человека – это его события жизни, его родственников, ближайшего окружения, далёких предков, их подвиги и поражения, свершения и неудачи. Помня о прошлом, человек выделяет в нём лучшее, забывая худшее, поскольку только опираясь на достойное прошлое, можно жить в настоящем и строить будущее. Индивидуальную историю необходимо знать и уважать своё прошлое, это основа самоуважения индивидуума в современном социуме. Человек включён в общество, благодаря которому имеет ряд идентичностей, например: национальную, религиозную, политическую и т.п. История страны является историей конкретного человека, если он идентифицирует себя со страной, принимает её историю как свою. «Идентичность во многом основана на опыте, на знании о том, «как было», о реальных событиях и их личностной интерпретации (часто связанной с групповой). Если старшее поколение в восприятии молодёжи «верно своим принципам», то есть имеет в этом отношении стабильную идентичность, значит, можно доверять получаемой от него информации о прошлых событиях, фактах, а также их интерпретации. Такая социальная интеракция детерминирует процесс идентификации молодого поколения, осознание принадлежности к определённой общности на основе положительной оценки переданной информации о прошлом, которым можно гордиться, к которому хочется быть причастным» [1, с. 287]. Как отмечал Ж.-Ж. Руссо, социальная идентичность порождается исторической эпохой, наверно, в том числе посредством «коммуникативной памяти». По мнению Руссо, осознание своего тождества возможно через поиск себя в другом (присоединиться, раствориться, принять прошлое других людей) – это и позволяет «найти себя» [2]. Поэтому и для индивида, и для всего социума чрезвычайно важными и актуальным является такое представление и понимание истории, при котором существует возможность в стабильном и планомерном развитии общества, придания ему устойчивого и поступательного движения вперед на основе прошлых успехов и достижений с учетом поражений и неудач.

Основные подходы к пониманию исторического процесса

Примерно в 430 году до н.э., древнегреческий мыслитель Геродот в произведении «История» представляет своё понимание предназначения истории. Само произведение представляет собой рассказ путешественника, который делится впечатлениями о посещении других стран, рассуждениями о войнах между греками и персами. История, по мнению Геродота, необходима для того, чтобы: «прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [3, с. 1]. Такой подход можно назвать одной из первых попыток в нарративно-приключенческом варианте изложения предотвратить забвение памяти о исторических событиях, что, по мнению Геродота, и является главным предназначением истории.

В концепции Платона реальность разделяется на два мира: идей и вещей. Онтологический подход в понима-

нии истории обращает к воспоминанию, поскольку прошлое уже не существует, а история, в основном, этот результат определённых субъективных представлений о минувших днях, их можно вспомнить, по Платону душа до рождения в теле, находилась в мире идей и должна воскресить в памяти утраченные сведения [4].

По В. Дильтею объективированные формы духовной реальности могут постигаться путём рационального мышления, в процессе которого происходит реконструкция прошлого опыта не в идеальном его представлении, а через практики истолкования. То есть исторический опыт не есть открытая данность, он растворён в переживаниях конкретных личностей. Источники прошлого лишь «мёртвый материал», в который историк может вдохнуть жизнь посредством собственных духовных переживаний. Таким образом В. Дильтей определяет историю как наличие рациональной реконструкции практики истолкования исторического опыта жизни как способа постижения объективированных форм духовной реальности [5].

Поиск причины произошедшего в рационально-гносеологическом подходе не менее важен, чем само описание событий. В «Истории Пелопонесской войны» (431–404 до н.э.) Фукидид обращает внимание не только на хронологию и описание событий, но и анализирует их причины, проверяя слова очевидцев. По мнению Фукидида, история представляет собой процесс рационалистического поиска истины, в котором можно использовать даже мифологические сюжеты, обычаи, обряды, подвергнутые критическому рассмотрению. История для него – это философия в примерах [6].

«Всеобщая история» (150 г. до н.э.) Полибия, по словам автора, является прагматической, то есть раскрывающей причины явлений, их взаимосвязи, а сама история выполняет роль «наставницы жизни» [7]. Такой прагматический подход создавал для Полибия контекст собственных рассуждений о различных формах устройства государства и политического правления.

В рамках художественно-альтернативного подхода Тит Ливий представлял описание исторических событий в своей «Истории от основания города», используя красноречие, излагал, когда подлинные, когда выдуманые речи исторических персонажей, придерживаясь лишь общей канвы повествования. Автор не стремился к точному выяснению фактов и обстоятельств, более того, он размышлял в одном из своих трудов в жанре «альтернативной истории», то есть, что было бы, если бы Александр Македонский, не ушел так рано из жизни, а после своих громких побед на Востоке, столкнулся бы на Западе с набирающим силу Римом [8].

В книге «Иудейская война» (75 г.н.э.) иудейский политик Иосиф Флавий, славил и выражал благодарности императору Веспасиану за свое спасение и во многом оправдывал действия римских захватчиков при штурме Иерусалима [9]. Как перебежчик на сторону Рима, Иосиф Флавий представлял исторические события в хвалебно-оправдательном подходе, оправдывая себя и других, находя основания для соев правоты. Такой подход присущ многим историкам, политикам, летописцам, где целью является возвышение или очернение тех или иных исторических личностей, их деяний.

В каузальном подходе важно выяснение оснований для принятия важных политических решений, понимание их последствий. Публий Корнелий Тацит в своей «Истории» (110 г.н.э.) описывает хронологию правления императоров Римской империи [10]. При этом автор уделяет много внимания причинам различных событий: «Это необходимо, если мы хотим узнать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины» [11, с. 2].

Ценностно-морализаторский подход обосновывает необходимость истории как морального руководства, наглядного примера для подражания, представления не только положительных, но и отрицательных примеров, поэтому просто хронология не так важна, как деяния благородных мужей, мысли и высказывания сильных мира сего. В книге «Сравнительные жизнеописания» (I–II вв.н.э.) греческий писатель Плутарх анализирует биографии великих исторических персонажей Греции и Рима. «Моралистический психологизм» в работах Плутарха ценили Рабле, Монтень, Мольер и другие величайшие умы человечества.

Аврелий Августин (Августин Блаженный) в провиденческо-теологическом подходе представляет историю божественным замыслом по разрушению Града Земного и созданию Града Божьего [12]. Для автора не важны факты и особенности истории конкретных народов, на высоком уровне обобщения он создаёт картину существования двух общностей, одна имеет предназначение «вечно царствовать с Богом», участь другой «вечно наказание дьяволом». И придёт всеобщее искупление с разрушением Града Земного и восстания Града Божьего, в этом историческое провидение.

Эпоха возрождения характеризуется революционно-прогрессистским подходом в понимании истории. Ф. Петрарка в эпоху возрождения положил основу гуманистическому направлению в описании жизни людей, их внутреннего мира, критическому восприятию настоящего и прошлого. Эпоха просвещения ознаменована Вольтеровским отрицанием феодального абсолютизма, а исторический прогресс автор видел в системе просвещённого абсолютизма, где государством будут править мудрецы (философы), образующие ближайшее окружение монарха. Великая французская революция обратила внимание на историю как процесс прогрессивного развития человечества. Ж.-А. Кондорсе в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» [13] рассуждал о теории «прогресса», фактически, стал одним из первых творцов философии истории. Для автора важны и смысл, и цели, и движущие силы, и закономерности исторического процесса.

По Г. Гегелю история представляет собой отношения между людьми, которые, в свою очередь, выступают как исторические проявления всеобщности метафизического разума Абсолютной идеи [14].

В марксистской философии историческое сознание представлено как мышление субъекта познающего изменчивый мир в диалектическом взаимодействии человека, общества, природы.

В социально-эволюционном подходе, по мнению отечественного философа В.Е. Кемерова, история должна представлять динамику изменения общества и человека. То есть, в широком понимании, дать характеристики происхождения, формирования, преобразования любых вещей, явлений, систем, протекания и трансформации любых процессов («естественная история»)» [15].

Таким образом, любые подходы к пониманию истории и исторического процесса опосредованы историческим временем создания, социальными, экономическими, политическими реалиями прошлого, направленностью интереса и личностью исследователя, приверженностью той или иной научной дисциплине, школе.

Эмпирические и теоретические подходы не являются взаимоисключающими, а скорее комплементарными. Именно множество подходов свидетельствует о сложности и необходимости исторического знания, его востребованности в любом настоящем времени, как фундамента для построения будущего.

Любой исторический подход претендует на объективное представление о прошлом, что является мощным мотивирующим фактором для стремления постижения истины, данной прошлым поколениям для понимания событий настоящего.

Роль истории для общества настоящего времени

Чем сложнее обстоятельства настоящего, тем более важно обращение к прошлому. История в этом случае играет роль фундамента управления социальной стабильностью в трудные периоды функционирования государства.

Любой социум периодически подвержен социально-политическим, экономическим, демографическим и прочим преобразованиям, что приводит к коренному переустройству его жизни, изменению модели дальнейшего развития. В этот исторический момент необходимо обращаться к прошлому, находить там истоки самобытности, независимости, культуры, примеры мужества и героизма предыдущих поколений.

Существенную поддержку в сохранении социальной стабильности оказывает историческое сознание общества, в котором заключены ценностные основы настоящего и будущего развития. Переосмысление системы отношений в обществе, должно происходить с учётом духовно-нравственных ценностей, которые сформированы в прошлом, но прошли проверку временем и актуальны для настоящего.

История показывает и предупреждает, что за любыми резкими изменениями существует реальная опасность потери части культуры, идентичности, исторических корней. Посмотреть в прошлое – это уникальная возможность увидеть, проанализировать и предупредить ошибки в настоящем.

Формы социокультурной рефлексии прошлого могут включать изучение истории, литературы, искусства, религии, антропологии и т.д. Через непосредственное восприятие обычаев, традиций и ценностей прошлого, можно раскрыть и понять историческое наследие своей культуры и общества, что представляется важнейшим фактором социальной стабильности.

Историческое наследие выполняет роль обобщённо-накопленного опыта прошлых поколений, предоставляя возможность перенимать этот опыт, брать из него лучшее, предупреждать ошибки в настоящем, модифицировать социальные установки будущего и образ жизни.

Можно сделать обоснованное предположение, что направленность развития общества в будущем связана с его историческим прошлым. Поэтому необходимо внимательно исследовать и учитывать не только победы и достижения минувших дней, но и выявлять неиспользованные возможности в прошлом, и как минимум, учитывать их в построении вектора развития будущего.

С другой стороны, роль истории в современности нельзя преувеличивать и абсолютизировать. Как конкретный человек редко учится на прошлых ошибках других людей, так и общество в целом имеет лишь возможность услышать, понять, и руководствоваться наказом предков для последующих поколений. Принятие решений происходит в настоящем, от них зависит, сможет ли общество сохранить и преумножить историческую память, ценности и суверенитет, разумные и благие пожелания прошлых поколений. Как отмечал французский поэт и философ П. Валери: «История – один из наиболее опасных вымыслов человеческого ума. [...] Она заставляет людей мечтать, опьяняет их, порождает ложные воспоминания, меняет привычки, не дает затянуться старым ранам, мучает в свободное время, вызывает

ет манию величия или манию преследования и вызывает у народов чувство стыда, гордости, нетерпимости и тщеславия. История может оправдать все, что угодно. Она абсолютно ничему не учит, поскольку хранит любые примеры» [16].

Общество настоящего имеет насущную потребность в осознании своего места в цивилизационном развитии. Поэтому история выполняет роль ориентирующего фактора, предоставляющего знания о времени и обстоятельствах происхождения, ценностях, образе жизни предков, что служит основой теоретико-практического, духовно-нравственного, научно-интеллектуального наследия, выступает ориентиром в настоящем и даёт представление о будущем.

Таким образом, роль истории в стабильном развитии общества только возрастает, побуждая субъектов общественного развития постоянно наращивать и совершенствовать поиск жизненно смысловых ценностей в прошлом с целью формирования и реализации стратегических ориентиров своего цивилизационного развития в настоящем и будущем.

Выводы

Стабильное развитие социума имеет своей основой историческое прошлое, поэтому в настоящем история является объектом современной политики. К ней обращаются как правящие политические круги государства, так и сторона оппозиции. Идёт непрекращающаяся борьба за сохранение исторической правды, чему противостоят попытки искажения исторической реальности. В этой связи можно сделать вывод, что фальсификация истории и разрушение исторического сознания общества ведёт к его дезорганизации и дестабилизации. Актуализации истории и придание ей значимости как важнейшего фактора сохранения стабильности в социуме, позволяет на основе научно достоверной исторической информации формировать историческое сознание общества, отношение к своей стране, её защите, поддержке и развитию.

В различных подходах к пониманию исторического процесса, с древних времён и до наших дней, явно присутствует потребность обращения к прошлому, в котором, независимо от эпохи и приверженности к научной школе, люди находили нравственные, духовные, научно-рациональные основы для жизни в настоящем и планирования будущего.

На основании исторических знаний моделируется развитие стабильного общества посредством анализа причин и последствий прошлых событий, выявления факторов, способствовавших установлению и поддержанию социального мира и согласия.

Также следует отметить, что на стабильность в обществе помимо истории влияет множество других сложных и взаимосвязанных факторов, которые опосредуются уникальностью конкретного социума, непредсказуемостью бытия и волей случая. Однако при всех трудностях предсказания будущего развития и управления настоящим процессами, знание прошлого является фундаментальной основой для понимания тенденций и принципов, определяющих стабильность в обществе.

Литература

1. Пичугин В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 1–1. С. 285–292.

2. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. – М.: Академ-проект, 2008. – 534 с.
3. Геродот. История в девяти книгах. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. – 670 с.
4. Платон. Государство // Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
5. Дильтей, В. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. Соч.: В 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. 762 с.
6. Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. 543 с.
7. Полибий. Всеобщая история. СПб.: Наука, 1994. 495 с.
8. Тит Ливий. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1. 575 с.
9. Иосиф Флавий. История иудейской войны. М.: Эксмо, 2010. 669 с.
10. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. «История». Науч.-изд. центр «Ладомир», М., 1993.
11. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том II. «История». Науч.-изд. центр «Ладомир», М., 1993. С. – 2.
12. Августин Блаженный. О граде Божием. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. 595 с.
13. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Либроком, 2011. 280 с.
14. Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Соч.: В 14 т. М.: Соцэкгиз, 1936. Т. 8. 468 с.
15. Кемеров В.Е. История // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 177.
16. П. Валери. Взгляды на современный мир. Париж. 1931, 216 с.

HISTORY AS THE BASIS FOR THE STABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article deals with the theoretical issues of historical heritage as the basis for the stable development of society. The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of searching for the causes and consequences of historical events that had a positive impact on maintaining social stability, their spiritual

and moral significance for modernity. The main purpose of the study is to identify the role of history in socio-political processes, its influence, both positive and negative, on the mass consciousness of modern society. The main approaches to understanding the historical process and its connection and influence on stability in society are formulated, which is especially important in the period of socio-political, economic, demographic transformations. Conclusions are presented about the role of history and the need for historical knowledge, its relevance in the present tense, as a foundation for building the future.

Keywords: history, development, historical consciousness, society, society, consciousness.

References

1. Pichugin V.G. The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society. Context and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Т. 12. No. 1–1. pp. 285–292.
2. Rousseau J.-J. Discussion about the origin and foundations of inequality between people. – М.: Akadempromekt, 2008. – 534 p.
3. Herodotus. History in nine books. Publishing house “Science”, Leningrad, 1972. – 670 p.
4. Plato. State // Works: In 4 volumes. М.: Mysl, 1994. Т. 3. 654 p.
5. Dilthey, V. Experience of laying the foundations for the study of society and history // Collection. Works: In 6 volumes. М.: House of Intellectual Books, 2000. Т. 1. 762 p.
6. Thucydides. Story. L.: Nauka, 1981. 543 p.
7. Polybius. General history. St. Petersburg: Nauka, 1994. 495 p.
8. Titus Livy. History of Rome from the founding of the city. М.: Nauka, 1989. Т. 1. 575 p.
9. Josephus Flavius. History of the Jewish War. М.: Eksmo, 2010. 669 p.
10. Cornelius Tacitus. Works in two volumes. “Story”. Scientific-ed. Center “Ladomir”, М., 1993.
11. Cornelius Tacitus. Works in two volumes. Volume II. “Story”. Scientific-ed. Center “Ladomir”, М., 1993. P.-2.
12. Augustine the Blessed. About the city of God. St. Petersburg: Aletheia; Kyiv: UCIMM-press, 1998. 595 p.
13. Condorcet J. Sketch of a historical picture of the progress of the human mind. М.: Librocom, 2011. 280 p.
14. Hegel G. Philosophy of history // Hegel G. Works: In 14 volumes. М.: Sotsekgiz, 1936. Т. 8. 468 p.
15. Kemerov V.E. History // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. Т. 2. М., 2010. P. 177.
16. P. Valerie. Views on the modern world. Paris. 1931, 216 p.

Формирование требований к философскому мысленному эксперименту

Добронравова Ульяна Владимировна,

кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт
E-mail: ulianazhilina@mail.ru

В статье рассматривается мысленный эксперимент в философии. Обращается внимание на проблему отсутствия требований к проведению мысленного эксперимента в философии. Поскольку такие требования отсутствуют, возникает противоречие. С одной стороны, подобные эксперименты претендуют на научность и объективность, а, с другой стороны, максимально сближаются с художественным вымыслом. Вследствие этого возникает практическая опасность, которая заключается в том, что за такими выводами могут последовать неподготовленные люди, для которых выводы философского мысленного эксперимента будут убедительны в силу наличия словосочетания «мысленный эксперимент». Теоретическая же опасность бесконтрольных мысленных экспериментов в философии заключается в репутационных рисках для самой философии. Для решения данной проблемы в статье предлагается ряд возможных требований к философскому мысленному эксперименту, чтобы повысить его достоверность.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, моральная дилемма, аналитическая философия, «китайская комната», «философский зомби», «мозги в колбе».

Пытаясь подчеркнуть практико-ориентированность философии, ряд ее представителей сегодня обращается к методу мысленного эксперимента. Подобные мысленные эксперименты нередко получают весьма яркие названия: «Китайская комната», «Философский зомби», «Мозги в колбе» и т.п. Таким образом современные философы отчасти пытаются стереть грань между экспериментами в естественных и технических науках, с одной стороны, и философии, с другой стороны. Тем самым совершается попытка демонстрации того, что область нашего разума подвластна экспериментированию и более того, именно в этой области и рождаются ответы, определяющие наши ценности, мировоззрение, законы, по которым мы живем, и, как следствие, наши поступки. Конечно, область нашего разума действительно представляет собой широкий простор для мысленного экспериментирования, хотя бы в силу наличия у нас воображения и способности прогнозировать с его помощью возможные события. Более того, мысленные эксперименты применялись в философии, начиная с древности, что видно на примере апорий Зенона. Однако, в попытках приблизить философию к реальности, связаться с этой самой реальностью при помощи мысленного эксперимента, философа поджидает опасность упасть в бездну собственного воображения, а вслед за собой потащить и тех, кто ему доверился. В этой связи мысленные эксперименты в философии, на наш взгляд, должны проводиться с куда большей осторожностью и строгостью. Именно поэтому в данной статье мы рискуем предложить ряд возможных требований, или рекомендаций, при помощи которых уже опытные и лишь начинающие экспериментаторы в области философской мысли смогут приступить к излюбленному занятию с максимальной безопасностью для себя и для других людей. Для этого мы рассмотрим как мысленные эксперименты, ставшие уже историческими образцами, так и современные мысленные эксперименты. Вскроем их достоинства и недостатки, и на основе этого предложим рекомендации к их проведению.

Мысленный эксперимент должен исследовать лишь то, что находится во власти разума, и быть фальсифицируемым

Данное требование проистекает из предложения Р. Декартом, высказанного задолго до нас и сводящегося к тому, что «Нужно заниматься только такими предметами, о которых наш ум кажется способным достичь достоверных и несомненных познаний» [1, С. 24]. Конечно, данное требование носит лишь рекомендательный и условный характер. Поскольку спорить о границах применения нашего разума можно бесконечно долго, вплоть до потери этого самого разума. Да и в конце концов, что это за философ, который не мечтает шагнуть за границы разумного?! Ведь именно смелость философов заглядывать за пределы очевидного и не чураться самых темных закоулков человеческой души позволила расцвести и другим наукам. Однако, на наш взгляд, философ, проводящий мысленный эксперимент, в целях честности перед самим собой все же должен ответить самому же

себе на вопрос: «А способен ли мой разум объять то, над чем я собираюсь экспериментировать?». Если следовать данному принципу, то из поля мысленного экспериментирования должны выпасть все эксперименты, связанные с доказательством или опровержением существования Бога (хотя при этом вполне допустимыми остаются мысленные эксперименты, в которых существование или несуществование Бога обозначено в качестве условия. Об этом подробнее ниже.), или же других предметов, наличие или отсутствие которых нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Так, например, некорректным в этой связи представляется мысленный эксперимент, получивший название «чайника Рассела». Ярый атеист Рассел, желая ослабить непоколебимость верующих людей и возложить на них бремя доказательства существования Бога, предложил соответствующий мысленный эксперимент, согласно которому некто (в данном случае Рассел) верит в то, что по орбите между Марсом и Землей вращается крошечный чайник [2]. Крошечный настолько, что просто невидим. Разубедить того, кто верит в невидимый чайник не представляется возможным, поскольку невозможно найти аргументы в пользу того, что такого чайника не существует. Помимо того, что Рассел в данном случае обращается к неполной аналогии (о чем мы подробнее поговорим позже), в данном случае представляется в корне неверным попытка доказать абсурдность существования Бога и веры в него при помощи его сравнения с невидимым чайником. Вопрос о существовании и несуществовании Бога находится целиком вне поля доказательств и научной методологии. В конце концов, какую бы методологию мы не использовали, Бог (христианский, или же любое другое божество) всегда может оказаться неизмеримо умнее и хитрее всех наших экспериментов, хоть мысленных, хоть эмпирических. В данном случае налицо несоизмеримость объекта познания и инструментов его познания.

В то же время, знаменитое пари Паскаля, не нарушает данного требования, поскольку Паскаль не пытается доказать или опровергнуть существование Бога. Он всего лишь при помощи теории игр показывает, почему верить в него (и жить в соответствии с этой верой) более выгодно, нежели не верить в Бога [3, с. 187].

Данное требование вполне применимо и к мысленному эксперименту, посвященный философскому зомби [4]. Если он существует, то это опровергает физикализм. Хорошо, а если не существует? Ведь подобным образом мы можем рассуждать о чем угодно. Если мы обнаружим формы жизни, которые состоят из неорганической материи, это опровергнет углеродную концепцию происхождения жизни. Если мы увидим, что некий человек не отражается в зеркале, боится чеснока, серебра и осинового колов, это докажет существование вампиров... Какой смысл несут в себе подобные эксперименты? Они, безусловно расширяют границы наших представлений о мире, наши представления о возможном, но при этом мало чем отличаются от художественного вымысла. Подлинный же мысленный эксперимент должен быть проблематичен, как и любой научный эксперимент, да и всякое научное исследование вообще. В первую очередь, он должен происходить из какой-то реальной проблемы и предлагать собой способ ее решения. Далее, мысленный эксперимент должен иметь конкретный результат, конкретное решение, которое при определенных условиях подлежит опровержению. Мы не можем опровергнуть результат эксперимента, связанного с существованием философского зомби, потому что нельзя доказать, что они не существуют и никогда не будут существовать. Так же, как нельзя доказать возможность существования леших, домовых и единорогов.

Всякое условие мысленного эксперимента должно быть строго необходимым для его выполнения

Мысленный эксперимент, как и всякий эксперимент, предполагает помещение объекта в искусственно созданные или заданные условия. Всякое условие мысленного эксперимента должно быть строго функционально и непосредственно влиять на ход и результат эксперимента. Проще говоря, следует к мысленному эксперименту применить бритву Оккама и отсеять все то, что не является существенным для осуществления эксперимента.

С этой точки зрения, предлагаем критически оценить мысленный эксперимент Х. Патнема «Мозги в бочке», призванный доказать неиллюзорность нашего мира [5]. На наш взгляд, не представляется необходимым для цели рассуждений Патнема обращаться именно к мозгам в бочке. В конце концов, проблема реальности мира уже давным-давно была поднята в буддизме и в платонизме. Для Платона «бочкой» была пещера в знаменитом мифе, а для буддизма такой «бочкой» был вообще весь мир. Согласимся, что дизайн мысленного эксперимента, по аналогии с которым выстроен мысленный эксперимент Патнема, в буддизме и платонизме куда изящнее.

Данный пункт предложенных нами рекомендаций достаточно уязвим, поскольку наиболее выдающиеся в истории философии мысленные эксперименты всегда несут с собой некий элемент «хайпа». Очевидно, что доля художественного вымысла вполне допустима в мысленном эксперименте, для того чтобы читатель мог наиболее ярко представить себе этот эксперимент, наиболее глубоко в него погрузиться. Каждый автор мысленного эксперимента хочет, чтобы его творение буквально зацепило читателей и заставило бы их проводить бессонные ночи в поисках решения. Однако, даже в апории «Ахиллес и черепаха» на роль догоняющего не зря выбран Ахиллес. Дело в том, что, согласно гомеровскому эпосу, одной из главных характеристик этого героя была именно быстрота, отличавшая его от других участников битвы за Троию. Конечно, Зенон Элейский в данной апории обращается к художественному вымыслу, что делает предложенный им мысленный эксперимент более красочным и пригодным для восприятия. И в то же время, обращение к художественному вымыслу в этом случае вполне обоснованно и оправданно. Итак, сохраняя возможность для доли фантазии в мысленном эксперименте, мы все же убеждены в том, что чистота эксперимента и стремление к истине требуют от автора максимального отсека всего лишнего и несущественного в условиях эксперимента.

Условия мысленного эксперимента должны быть оговорены максимально ясно и полно

Результат эксперимента непосредственно зависит от условий эксперимента, которые, в свою очередь, должны быть максимально проясненными и непротиворечивыми. Результат эксперимента должен напрямую выводиться из условий эксперимента. Ответ на заданный вопрос должен подразумевать, что вопрос нам до конца ясен, и не требовать дополнительных вопросов. Так, в случае с экспериментом о физиологе Мэри [6], которая жила в монохромном мире и знала все об ощущениях по книгам, автор задает вопрос: получит ли Мэри новое знание, если увидит мир полноцветным? Прибавится ли к ее знаниям, полученным по книгам некое новое знание? Вопрос, безусловно, важный для философии и гносеологии. Но в то же время, очевидно, что автор эксперимента не за-

дал изначально в условиях эксперимента определение понятия знания. Нам предлагается, по сути, при помощи данного эксперимента как раз это и сделать – ответить на вопрос о том, что такое знание, что оно собой представляет и является ли ощущение формой знания. Выходит, круг в определении приводит к кругу в эксперименте. Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в эксперименте, нам необходимо разобраться с тем, что такое знание. Для того, чтобы разобраться с тем, что такое знание, нам необходимо решить задачу, поставленную в эксперименте. Безусловно, история философии знает и еще более сложные и запутанные софизмы. В некоторых случаях она их даже терпит. А бывает, что и поощряет. И все же мнится, будто достоверность эксперимента, его ясность и внутренняя непротиворечивость важнее, нежели неограниченные полеты фантазии.

Вместе с условиями в мысленном эксперименте должна быть задана система координат, особенно, если мы хотим моральную дилемму превратить в мысленный эксперимент. Скажем, если нам представляется выбор: куда направить вагонетку [7], взорвать ли тучного спелеолога, загораживающего выход из пещеры [8], подключаться ли к машине, которая создает у нас приятные иллюзии [9], в этом еще нет мысленного эксперимента. Здесь перед нами моральная дилемма (трилемма, тетралемма и т.д.), а не мысленный эксперимент. Ответ на моральную дилемму остается открытым, он всегда зависит от того, кого спрашивают. Если же мы задаем систему координат в виде правовых норм, религиозных догм, установок некоего философского учения, в таком случае мы превращаем моральную дилемму в эксперимент, поскольку его результат будет уже задан в его условиях.

Вместе с системой координат, заданной в качестве условия эксперимента, должен быть и сформулирован закрытый вопрос к этой системе координат. В результате эксперимента мы должны ответить на такой вопрос либо «да», либо «нет». Если же в условиях эксперимента не задана система координат и не сформулирован закрытый вопрос, то такой метод представляет собой моделирование, а не эксперимент. Безусловно, два этих метода взаимосвязаны. Моделирование, особенно в этике и праве, возможно именно тогда, когда у нас нет готовой системы координат, или же мы хотим проверить на прочность существующую систему координат (моральных, религиозных, правовых, философских). И тогда на основе разработанной модели, условия которой не содержат в себе готового ответа, мы можем предложить различные версии поведения этой модели (развития событий, сценария и т.п.) и на основе оценки этих версий пересмотреть имеющуюся систему координат, дополнить ее или же перейти к новой системе координат. Правовой эксперимент Д'Амато, в котором смоделирована ситуация, где водитель пересекает двойную сплошную, чтобы спасти жизнь ребенка, тому свидетельствует [10]. Или, например, известный мысленный эксперимент, связанный с ситуациями, возможными при использовании самоуправляемых автомобилей [11]. Если самоуправляемые автомобили еще не используются, то нет и соответствующих правовых норм. Но для того, чтобы эти нормы разработать в унисон с надвигающимся прогрессом, мы можем смоделировать все возможные конфликтные ситуации, связанные с самоуправляемыми автомобилями и не поддающиеся нормам текущего законодательства. Оценивая эти ситуации, развивая их серию, мы сможем выработать основания для дополнения современных правовых норм. Экспериментом же кейс на основе данной модели, сможет стать тогда, когда мы зададим в качестве системы координат уже действу-

ющие правовые нормы и законы, и будем искать ответ в пределах уже существующих условий. К такому мысленному эксперименту в области нравственности нередко обращались философы и богословы эпохи Средневековья, которые в качестве системы координат использовали Священное Писание и Священное Предание [12].

Необходимо соблюдать законы и правила формальной логики

Мысленный эксперимент, тем более в философии, необходим отчасти для того, чтобы абстрагироваться от уже установленных и в ряде случаев догматизированных законов природы, от знакомой нам реальности, и взглянуть на уже привычные нам явления с другой стороны. Так, например, в мысленном эксперименте Зенона, посвященного Ахиллесу и черепахе, Зенон совершенно не учитывает привычный нам повседневный опыт, в соответствии с которым Ахиллес не только догонит, но и очень быстро перегонит черепаху. Или же, Анри Пуанкаре, задаваясь вопросом о нашем ощущении пространства, предлагает нам представить, что за одну ночь размеры нашего тела и тел окружающего нас мира изменились в равных пропорциях [13]. Могли ли условия, предложенные данными экспериментаторами осуществиться в реальности? В случае с апорией Зенона – нет, в случае эксперимента Пуанкаре, мы бы этого не заметили, как и утверждал автор. Эти авторы затем и выносят свои мысленные эксперименты за скобки реальности, чтобы обратить наше внимание на нас самих, переместить фокус с объекта исследования на субъект; с мира наблюдаемых явлений на то, что за ними кроется. Таким образом, рамки законов природы оказываются достаточно условными для мысленных экспериментов, особенно, если исследователь желает проверить на прочность сами эти законы. В то же время пренебрегать ими не должны ни представители естественных наук, ни представители философии в тех случаях, когда действие этих законов оказывают реальное влияние на ход и результат эксперимента.

Однако есть условия, которые необходимо соблюдать как в естественнонаучных, так и в философских мысленных экспериментах. Речь о законах и правилах логики. В частности, фантазия экспериментатора необходимо должна быть ограничена законами непротиворечия, тождества, исключенного третьего и достаточного основания.

Что происходит в случае, когда автор эксперимента не проясняет понятия, мы можем наблюдать на примере статьи Д. Парфита [14], в которой он пытается доказать, что мы являемся личностью, а не телом и вообще не животным. В данном случае первым возникает вопрос, а кто эти «мы»? Складывается впечатление, что этих «мы» автор заранее, имплицитно, отождествляет с нашей личностью. И тогда весь эксперимент теряет смысл, ведь ответ уже дан в вопросе эксперимента. Если «мы» – это наши личности, то, конечно же, личности являются личностями, а не телами и не животными. Возникает тогда вопрос к экспериментатору о носителе нашей личности. Таковым он считает человеческий мозг, даже, при особых условиях, помещенный в специальный раствор и продолжающий функционировать. Но человеческий мозг в любом случае представляет собой совокупность животных клеток, т.е. является... животным, согласно определению биологических словарей. Однако из-за непроясненности используемых терминов «мы», «человеческие существа» и «животные» у автора сохраняется возможность играть результатами своего экспе-

римента, как ему вздумается и приходиться к тому результату, к которому ему хочется.

Если в философском мысленном эксперименте используются данные из естественных и/или технических наук, законы и закономерности этих наук в отношении используемых данных должны соблюдаться в полном объеме

Вследствие того, что мысленный эксперимент осуществляется во многом за счет воображения, у его автора может возникнуть тяжело осознаваемый соблазн отбросить условия постылой реальности и целиком окунуться в мир фантазий. Вместе с оковами реальности авторы мысленных экспериментов зачастую отбрасывают и законы природы. Нередко возникает ситуация, когда данные естественных и / или технических наук выступают в качестве необходимых условий эксперимента, но при этом экспериментаторы обращаются с этими данными слишком вольно. В таких случаях естественнонаучные и технические достижения становятся лишь декорациями, «роялем в кустах» для мысленного эксперимента. По сути, экспериментаторов можно заподозрить в том, что они притягивают данные естественных и технических наук в интересах заранее заготовленного результата.

С этой точки зрения можно подвергнуть критике знаменитый эксперимент Д. Дэннета, в котором автор создает воображаемую ситуацию, в которой его мозг помещается в колбу, в специальный физраствор, тогда как его тело (под дистанционным контролем мозга) отправляется к центру Земли, чтобы извлечь оттуда радиоактивную боеголовку [15]. Мозг Дэннета, согласно условиям эксперимента, остается в колбе, поскольку радиация от ядерной боеголовки грозит именно этому органу тела, не затрагивая при этом другие. В данном случае автор выдумывает какую-то несуществующую радиацию с неизведанными доселе свойствами. Ведь на самом деле трудно представить себе радиацию, опасную для клеток мозга, но при этом безвредную для клеток всего остального тела. Дэннет также упоминает счетчик Гейгера, который стал зашкаливать при его приближении к боеголовке. А, как известно, счетчик Гейгера фиксирует бета-частицы, которые наиболее опасны для слизистых оболочек и кроветворения, а также гамма-частицы, которые влияют на все ткани и органы тела человека.

Помимо этого, в качестве аргумента в пользу того, что «Я» Дэннета не тождественно его телу, он приводит как уже доказанные результаты другого мысленного эксперимента, согласно которому, если поместить мозг одного человека в тело другого, то получившийся «гибрид» будет представлять собой личность владельца мозга, а не тела. В данном случае Дэннет использует сразу две некорректные, на наш взгляд, уловки. Во-первых, он использует недоказанные данные спорного эксперимента как доказанные. С тем же успехом он мог бы сослаться на художественное произведение советского писателя Беляева «Голова профессора Доуэля». Во-вторых, опять же, создавая видимость опоры на медицину и биологию, Дэннет не смущается тем, что естественнонаучные костыли в данном случае носят исключительно бутафорский характер. Никаких медицинских данных о возможностях пересадки мозга с последующим сохранением личности на сегодняшний день не существует.

Можно придраться к эксперименту Дэннета и по другому поводу. Так, например, он пишет, что несмотря на то, что сигналы из мозга поступали в его тело со скоростью света, по мере продвижения к центру земли, они

ослабевали. Однако Дэннет забыл, или не считал нужным, или просто не знал, что даже когда мозг находится в теле, скорость передачи нервных импульсов от мозга к органам тела значительно ниже скорости света! Более того, мозг «предпочитает» более медленные импульсы в целях сбережения энергии.

Дальше эксперимент Дэннета все больше и больше походит на ненаучную фантастику. Мозг Дэннета подключают к другому телу и дублируют на компьютер. Теперь у его тела два мозга, которые он может попеременно включать и выключать. Воображение Дэннета рисует все новые и новые подробности, которые, к сожалению, совершенно не помогают ответить на вопрос, поставленный в начале эксперимента. Таким образом, эксперимент, изначально построенный на мистификации и опирающийся на данные естественных и технических наук, как на декоративные костыли, превращается в игру воспаленного мозга. Не важно, погруженного ли в колбу, или виртуального.

В случае, когда мысленный эксперимент проводится на основе аналогии, аналогия должна быть максимально полной

Зачастую мысленные эксперименты, в основе которых лежит моральная дилемма, построены при помощи аналогии. Мы видим это на примере мысленного эксперимента под названием «Виолончелист», или «Скрипач» [16]. В этом эксперименте предлагается представить, что вас похитили поклонники выдающегося виолончелиста и отправили вас в больницу, где кровеносную систему этого виолончелиста без вашего ведома подключили к вашим почкам. Автор эксперимента вопрошает: будет ли этично отключиться от виолончелиста? Очевидно, этот эксперимент предложен по аналогии с нежелательной беременностью. Однако, аналогия далеко не полная. Во-первых, учитывая насильственное подключение к виолончелисту, уместно сравнивать данную ситуацию лишь с беременностью в случае изнасилования. Во-вторых, в случае с виолончелистом речь идет о взрослом человеке, а не о зародыше человека. В-третьих, у этого виолончелиста есть уже армия поклонников, да и вообще много других людей, которые могли бы стать донорами для него его кровеносной системе.

Такой же неполной является и аналогия человека в «Китайской комнате» Сёрля с компьютерной программой и тех процессов, которые он выполняет [17]. Так, например, человек в китайской комнате знает, как минимум, английский язык, на котором написаны инструкции. Английский в данном случае выступает метаязыком, опираясь на который, при желании можно разобраться и в незнакомых китайских иероглифах. Далее, сам процесс обмена иероглифами в мысленном эксперименте основан по аналогии с тестом Тьюринга. Эксперимент предполагает, что люди задают человеку в комнате довольно простые вопросы, вроде «Какой твой любимый цвет?», на что человек может ответить иероглифом, означающий «зелёный», не вникая при этом в реальный смысл его значения. Однако в тесте Тьюринга и в ему подобных тестах, направленных на убеждение людей в том, что они разговаривают с человеком, а не с машиной, люди не обходятся лишь простыми закрытыми однозначными вопросами. Напротив, интересно испытать собеседника чисто «человеческими», многозначными, открытыми вопросами, которые допускают игру смыслов, доступных лишь человеку. Аналогия Сёрля и в данном случае оказывается весьма слабой.

Эксперимент должен отвечать только на те вопросы, которые были поставлены изначально. Ответ должен соответствовать вопросу

Безусловно, в ходе проведения мысленного эксперимента нам важны не только его непосредственные результаты, но и возможные следствия из него. Однако, нам представляется необходимым в целях чистоты и прозрачности эксперимента, а также в целях честности с читателем, все вопросы, решаемые в эксперименте, оглашать изначально. Так, например, только «доказав», что «мы» не являемся человеческими существами, т.е., что наша личность не тождественна нашему телу, Дерек Парфит оглашает этические следствия своего мысленного эксперимента, которые заключаются в том, что аборт и эвтаназия в случае клинической смерти возможны, поскольку тела, в которых поддерживается биологическая жизнь, не являются личностями, а следовательно, прекращение этой жизни не будет убийством личности [14]. В данном случае вывод о возможности эвтаназии и аборта не соответствует изначально поставленному вопросу эксперимента о том, будет ли существо с нашей памятью, тождественно нашей личности. Очевидно, что читателя, направив по одному пути рассуждения, привели к тому месту назначения, о котором он ничего не знал изначально. Очень напоминает приемы античной софистики! Конечно, такие приемы возможны и сегодня, особенно, возможно, в педагогике, когда педагогу в силу буквального перевода названия своей профессии необходимо именно привести обучающегося к желанному результату. Однако, если речь идет о научной публикации в рецензируемом издании, написанной специалистом для специалистов, было бы честнее оглашать все заложенные в эксперимент вопросы изначально. И избегать ответов на вопросы, которые не были заданы в начале эксперимента.

Необходимо соблюдать историческую преемственность

Экспериментатору, несмотря на масштаб своего вдохновения и полета мысли, следует учитывать ответы на поставленный им вопрос, которые уже были даны его предшественниками, хотя бы и в косвенной форме. Не секрет, что идеи витают в воздухе. И почти каждую нашу гениальную мысль кто-то уже высказал до нас в той или иной форме. И так же, как и в любом исследовании необходимо учитывать уже существующий по интересующей нас теме материал, так же необходимы ссылки на опыт предшественников в мысленных экспериментах. Так, например, странно, что Дерек Парфит, предлагая эксперимент с нашей репликой на Марсе, которая тождественна нам генетически и хранит все наши воспоминания, не упоминает о предложенном ранее эксперименте о болотном человеке, который, по существу, ставит перед читателем ту же проблему тождества личности [18].

Активно ссылаясь на Локка и в частности, на локкианское определение личности (как сущности, способной размышлять о себе самой, непрерывное существование которой необходимым образом связано с психологической преемственностью), Парфит при этом избегает тех высказываний Локка (из той же работы «Опыт о человеческом разуме»), которые противоречили бы столь желанным ему выводам [19, с. 158]. Так же, выстраивая свое рассуждение о тождестве личности на так называемой «узкой локкианской концепции», Парфит во все не упоминает дискутировавшего (и весьма успешно) по этому вопросу с Локком Лейбница [20, с. 53]. Выходит, что Парфит проводит свой мысленный эксперимент

лишь в том историко-философском контексте, который ему удобен. Возникает вопрос: выдающийся представитель аналитической философии провел эксперимент и получил результат, или же сначала захотел получить некий результат, а уж затем привел для его обоснования соответствующий мысленный эксперимент?

Разумеется, нельзя объять необъятное и учесть всех своих предшественников в научном исследовании. Однако к этому следует стремиться тем сильнее, чем более фундаментальные темы это самое исследование затрагивает. В любом случае, историческая преемственность позволяет рассмотреть исследуемый предмет более целостно.

Подводя итоги нашей статьи, мы хотим напомнить о той проблеме, которая мотивировала ее написание, и о целях, к которым стремился ее автор. Также в заключение обобщим те мысли, к которым мы пришли по ходу создания данной статьи.

Итак, проблема, которую мы обозначили в данной статье и попытались решить, заключается в отсутствии требований для мысленных экспериментов в области философии и, как следствие, в том, что такие эксперименты, проводимые бесконтрольно могут привести к достаточно спорным (и даже опасным) выводам. Практически, опасность заключается в том, что за такими выводами могут последовать неподготовленные люди, для которых выводы философского мысленного эксперимента будут убедительны в силу наличия словосочетания «мысленный эксперимент». Теоретическая же опасность бесконтрольных мысленных экспериментов в философии заключается в репутационных рисках для самой философии. С одной стороны, претендуя на научную точность и практическую значимость, а, с другой, демонстративно пренебрегая логическими правилами и законами, некоторые мысленные эксперименты в философии опасно сближаются с художественным вымыслом. Что может быть опаснее художественного вымысла, претендующего на объективное объяснение реальности и не осознающего собственных границ?

Чтобы решить эту проблему, мы в данной статье предложили ряд требований, при помощи которых можно было бы повысить уровень объективности мысленных экспериментов в философии. Перечисленные в статье требования к проведению мысленного эксперимента выработаны на основе критического анализа уже существующих и весьма известных в философии мысленных экспериментов. Исследуя структуру и содержание данных экспериментов, мы обратили внимание на их уязвимости, и, собственно, на основе этого предложили соответствующие требования, которые могли бы помочь избежать экспериментаторам подобных уязвимостей.

Разумеется, мы осознаем возможную неполноту предложенных требований. Ни в коем случае наше предложение не стремится исполнить роль прокрустова ложа для воображения мысленных экспериментаторов. В этой связи, сделанное нами в данной статье предложение не только открыто для обсуждения и критики, но и нуждается в них.

Литература

1. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы. М.: Академический проект, 2011. С. 21–88.
2. Russel, B. "Is there a God", in Russel B. The Collected Papers of Bertrand Russell, Volume 11: Last Philosoph-

ical Testament. London: Routledge, 1943–68, pp. 543–48.

3. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
4. Чалмерс Д. Сознующий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
5. Патнем Х. Разум, истина и история. М.: Практикс, 2002. 296 с.
6. Jackson, F. “Epiphenomenal qualia”, *The Philosophical Quarterly*, 1982, Vol. 32, no 127, pp. 127–136.
7. Foot, P. “The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect”, *Oxford Review*, 1967, no. 5, pp. 1–7.
8. Nielsen, K. “Against Moral Conservatism”, in J.G. Haber (ed). *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 161–175.
9. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
10. D’Amato, A. “On the Connection Between Law and Justice”, *Philosophy of Law*, 1991, pp. 19–30.
11. Апресян Р.Г. Моральная философия, мысленный эксперимент и неуправляемая вагонетка // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 2. С. 138–144.
12. Dougherty, M.V. *Moral Dilemmas in Medieval Thought: From Gratian to Aquinas*. Cambridge University Press, 2011. 237 pp.
13. Пуанкаре А. Ценность науки // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. С. 153–282.
14. Парфит Д. Мы – не человеческие существа // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2020. № 4. С. 82–95.
15. Dennett, D. *Brainstorms: philosophical essays on mind and psychology*. Gloucester: MIT Press, 1981. 377 pp.
16. Thomson, J. A Defence of Abortion, *Ethical Thought*, 2017, V. 1, no. 2, pp. 125–142.
17. Сёрль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // *В мире науки*. 1990. № 3. С. 7–13.
18. Davidson, D. “Knowing One’s Own Mind”, *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1987, Vol. 60, no. 3, pp. 441–458.
19. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т. I. М.: Мысль, 1985. С. 77–582.
20. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.

FORMATION OF REQUIREMENTS FOR A PHILOSOPHICAL THOUGHT EXPERIMENT

Dobronravova U.V.

Omsk tank-automotive engineering institute

The article examines a thought experiment in philosophy. Attention is drawn to the problem of the lack of requirements for conducting a thought experiment in philosophy. Since there are no such requirements, a contradiction arises. On the one hand, such experiments claim to be scientific and objective, and, on the other hand, they

come as close as possible to artistic fiction. As a result, a practical danger arises, which is that such conclusions may be followed by unprepared people for whom the conclusions of a philosophical thought experiment will be convincing due to the presence of the phrase “thought experiment.” The theoretical danger of uncontrolled thought experiments in philosophy lies in the reputational risks for philosophy itself. To solve this problem, the article proposes a number of possible requirements for a philosophical thought experiment in order to increase its reliability.

Keywords: thought experiment, moral dilemma, analytical philosophy, “Chinese room”, “philosophical zombie”, “brain in a vat”.

References

1. Descartes R. Rules for the Direction of the Natural Intelligence in R. Descartes, *Discourse on the Method of Rightly Conducting One’s Reason and of Seeking Truth in the Sciences and Other Philosophical Works*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011, pp. 21–88.
2. Russel, B. “Is there a God”, in Russel B. *The Collected Papers of Bertrand Russell, Volume 11: Last Philosophical Testament*. London: Routledge, 1943–68, pp. 543–48.
3. Paskal’ B. *Thoughts*. Moscow: Sabashnikovs Publ., 1995, 480 pp.
4. Chalmers, J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2013, 512 pp.
5. Patnem, Kh. *Reason, Truth and History*. Moscow: Praxis Publ., 2002, 296 pp.
6. Jackson, F. *Epiphenomenal qualia*, *The Philosophical Quarterly*, 1982, Vol. 32, no 127, pp. 127–136.
7. Foot, P. *The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect*, *Oxford Review*, 1967, no. 5, pp. 1–7.
8. Nielsen, K. *Against Moral Conservatism*, in J.G. Haber (ed). *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 161–175.
9. Nozick, R. *Anarchy, State and Utopia*. Moscow: IRISEN Publ., 2008, 424 pp. (In Russian).
10. D’Amato, A. *On the Connection Between Law and Justice*, *Philosophy of Law*, 1991, pp. 19–30.
11. Апресян, R. *Moral philosophy, thought experiment and an out-of-control trolley*, *Philosophy Journal*, 2016, V. 9, no. 2, pp. 138–144.
12. Dougherty, M.V. *Moral Dilemmas in Medieval Thought: From Gratian to Aquinas*. Cambridge University Press, 2011. 237 pp.
13. Poincaré, H. *The Value of Science*, in *About science*. Moscow: Nauka Publ., 1983, 153–282 pp.
14. Parfit, D. *We are not human beings*, *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2020, no. 4, pp. 82–95.
15. Dennett, D. *Brainstorms: philosophical essays on mind and psychology*. Gloucester: MIT Press, 1981. 377 pp.
16. Thomson, J. *A Defence of Abortion*, *Ethical Thought*, 2017, V. 1, no. 2, pp. 125–142.
17. Searle, J. *Is the Brain’s Mind a Computer Program?*, *In the world of science*, 1990, no. 3, pp. 7–13.
18. Davidson, D. *Knowing One’s Own Mind*, *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1987, Vol. 60, no. 3, pp. 441–458.
19. Locke, J. *An Essay Concerning Human Understanding*, in Locke J., *Works in 3 volumes*. V.I. Moscow: Mysl’ Publ., 1985, pp. 77–582.
20. Leibniz, G.W. *New Essays on Human Understanding*, in Leibniz G.W. *Works in 4 volumes*. V. 2.. Moscow: Mysl’ Publ., 1983, pp. 47–545. (In Russian).

Феномен ответственности как базовой жизнесохраняющей ценности: социально-философский анализ

Дрожжина Светлана Владимировна,

д.филос.наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: dsw05@mail.ru

Цель представленной работы заключается в исследовании феномена ответственности и историко-культурной эволюции его понимания. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведён сравнительный анализ понимания содержания феномена ответственности в историко-культурном срезе; обоснована актуальность личностной ответственности как универсальной ценности в контексте глобализационных вызовов XXI столетия. Теоретико-методологической базой исследования стали следующие методы и принципы: метод историко-философского исследования; метод культурно-исторического анализа; метод компаративизма. Методологический каркас исследования составляют принципы объективности, всеобщей связи, комментария. Исследование осуществлялось с использованием междисциплинарного и ценностного подходов. Результатом работы стали выводы, убедительно доказывающие, что личностная ответственность должна быть не только основной социальной нормой современного общества, но и базовой ценностью, способной обеспечить формирование коллективной ответственности, в парадигме которой сегодня обсуждается вопрос ответственности Человечества за свою биологическую и культурную сохранность.

Ключевые слова: глобализация; культура; ценности; базовые ценности; универсальные ценности; межкультурный диалог, взаимопонимание; ответственность.

Данное исследование проведено в рамках реализации финансируемой госбюджетной научно-исследовательской тематики «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (FRRZ-2023–0003) (заключение комиссии РАН № 142023/1023030700034–5–6.3.1).

Глобализация стала новым планетарным горизонтом, который «взломал» существующие до сегодняшнего дня такие устоявшиеся понятия как «культура» и «идентичность», поставив под сомнение существовавшие до сих пор и укоренившиеся гуманистические ценности, общественные нормы, духовные и социальные традиции. Здесь перед обществом стоит однозначный и очень сложный вопрос, состоящий в том, насколько далеко человек в современном и глобальном мире может зайти, отрекаясь от всех своих духовных культур и оснований, равно как от тех достижений, которые были накоплены обществом ранее? Не менее актуальным становится вопрос о том, от чего именно человек вполне способен отказаться, а что он может изменить так, чтобы общество сохранило свойственную ему ранее гуманность и совокупность гуманистических ценностей? Как сделать так, чтобы «старые» ценности перешли в категорию «новых» универсальных для всех культур и народов ценностей? Вопросы духовной жизни человека и ценностных ориентаций, лежащих в её основе, всегда находились в проблемном поле социальной философии и философской антропологии. Каковы ценности – такова и личность, а какова личность – таково и общество. Именно поэтому проблема ценностей всегда выходит на передний план в переломные, кризисные периоды общественного развития. Очевидно, что XXI век является именно таким периодом для всего прогрессивного человечества, характеризующимся нестабильностью, социальными сдвигами, тотальной социокультурной дезориентацией личности. Все эти процессы являются побудительными факторами и основными причинами, обуславливающими необходимость глобальной переоценки ценностей.

Очевидно, что вопросы, касающиеся процессов культурной интеграции и унификации, имеют весьма неоднозначный дискуссионный характер и могут интерпретироваться в достаточно широком диапазоне. Традиционно (и, собственно, приоритетно) в сфере культуры глобализация ассоциируется с развитием коммуникационных сетей, приводящим к выработке общего стиля жизни и общих потребительских привычек. То есть, под процессами культурной глобализации подразумевается сближение деловой и потребительской культур между разными странами. Сюда, очевидно, можно отнести досуг, искусство, литературу и кинематограф как части потребительской культуры. Однако, вместе с этим, миграционные процессы, являющиеся ключевым маркером глобализации, обуславливают проникновение не только потребительской, но и духовной культуры из одного общества в другое. И именно этот контекст культурной глобализации имеет одновременно позитивные и негативные последствия. Представляется, что в качестве фундамента для развития и существования любого общества и любой культуры сегодня заложены основные ценности, которые и являются в этом аспекте связующей нитью культуры. Особое значение в данном аспекте также приобретают образцы, культурные коды, стандарты поведения и символы, традиции. Имеющие друг с другом тесную взаимосвязь, они будут формировать единое культурное поле, которое позволит сделать все

взаимодействия социального плана не только понятными, но и достаточно предсказуемыми и упорядоченными. Важно подчеркнуть, что лишь ценности будут предопределять векторы, а также приоритеты дальнейшего развития.

Очевидно, что духовные (нематериальные) составляющие культуры различных народов (наций, этносов, государств) имеют во многом схожие, но при этом во многом принципиально разные ценностные наполнения и нравственные законы и ориентиры. Взаимпроникновение культур, обусловленное миграционными процессами, не всегда означает их взаимодействие. Иногда одни культуры поглощаются или заменяются (часто насильственно) другими, по своей сути, чужеродными культурами. Исходя из этого, следует учитывать, что являющаяся следствием этого процесса, угроза столкновения цивилизаций (и культур) неизбежна. В свою очередь, это позволяет сформулировать вывод о том, что в целях своего сохранения, равно как дальнейшего развития, человечество должно сформировать емкую и четкую стратегию, а также совокупность механизмов диалога, партнерства и сотрудничества государств, цивилизаций и культур, которые будут тесно взаимодействовать в глобальном пространстве. В этом аспекте согласимся с В.М. Диановой в том, что основной задачей, которую стоит решить в данном ракурсе, является задача, состоящая в формировании нужных мировоззренческих позиций, достаточно активно способствующих диалогу культур, а не их отделению друг от друга [1, с. 100].

Можно констатировать, что на фоне глобализации весьма существенно будет актуализироваться проблема, непосредственно связанная с тем, каким образом обществу осуществлять взаимодействие с культурно-философскими стандартами. Вполне естественно, что наличие проблемы подобного рода выступает в качестве стимула для поиска общих (универсальных) ценностей. Как в указанном аспекте отмечается в философской литературе, на фоне полисубъектной социальности, при которой наличие различных жизненных укладов, равно как философских культур, становится уже свершившимся фактом, классические просвещенческие ходы начинают утрачивать свою актуальность [2, с. 111–123].

Каждая ценность, а также их совокупность выполняют двуединую функцию: в индивидуе и в обществе. В индивидуе ценности и их совокупность позволяют выбрать социально одобряемую и приемлемую поведенческую стратегию в жизненно важных ситуациях, в обществе – обеспечивают консолидацию членов отдельного социума и интеграцию обществ в целом.

Традиционно выделяя базовые ценности и предметные ценности. Базовые ценности представляют собой предельно обобщенные человеческие идеалы, они сопряжены с основными потребностями людей: витальными, социальными, смысловыми. Очевидно, что универсальные ценности по своей сути являются культурным инвариантом базовых ценностей.

Мы считаем, что к категории универсальных базовых ценностей необходимо причислить взаимопонимание. Учитывая события последнего десятилетия не только в социокультурном, но и в социально-политическом мировом поле, взаимопонимание становится одной из основополагающих (наряду с личностной ответственностью) ценностей современного общества.

Необходимость разнообразия (многообразия) для развития – это и биологический и культурный факт. Мультикультурализм как культурная парадигма в недостаточной степени оправдала возложенные на неё надежды по сближению культур. Многообразие культур требует диалога, а диалог требует взаимопонимания.

Как указывает Л. Ариспе, «диалог – это надёжный инструмент для построения новой парадигмы глобальных отношений. Диалог – это самый первый шаг, который дает нам чувство сопричастности, ибо, общаясь с другими и слушая других, мы делаем первый шаг на пути к нашей общности» [3, с. 96]. Мы считаем, что в контексте парадигмы мультикультурализма ценностью равнозначной взаимопониманию выступает толерантность. Как указывает Дрожжина С.В.: «Толерантность – это ценность, выступающая принципом организации и регулирования социальных отношений, основу которых составляют признание, гарантирование и соблюдение прав человека» [4, с. 171]. Т.е. в условиях необходимости культурного диалога между общностями с очевидными цивилизационными различиями именно толерантность, основанная на взаимопонимании и уважении, должна определять всё разнообразие отношений на всех уровнях, при этом диалог должен строиться с учётом осознания ответственности каждого участника. Анализируя события последнего десятилетия в ряде стран Западной Европы, открыто поддерживающих и активно внедряющих политику мультикультурализма, становится очевидным, что мультикультурализм как культурная парадигма потерпела крах именно из-за отсутствия взаимопонимания между представителями различных цивилизационных общностей и толерантность в ряде случаев превратилась во всестерпимость.

Таким образом, взаимопонимание выступает не только и не столько потребностью общества, сколько ценностью, которая является достаточно универсальной и которой утверждается на всех уровнях общественного развития. Полагаем, что снижение значимости и роли ценности подобного рода будет составлять угрозу не только для сближения культур, но и для безопасности государства. В этом аспекте интерес представляет точка зрения В.М. Межуева, который указывал, что потребность в диалоге возникает в той цивилизации, в которой индивид в полной мере осознает факт своего родства со всем человечеством, а не с его отдельными представителями. Значимость такого понимания, по мнению автора, заключается в том, что именно в такой цивилизации будет зарождаться, а затем и развиваться идея человечества, как единого рода, как братьев по разуму. Автор утверждает, что именно данное понимание, равно как осознание своей индивидуальности и свободы выбора, позволит проникнуться чувством личной сопричастности с каждым членом общества [5, с. 112]. Исходя из этого утверждения, вытекает ещё одна фундаментальная общечеловеческая универсальная ценность – личностная ответственность.

Сам термин «ответственность» был введён в научный оборот шотландским философом Александром Бэном, который трактовал её в правовом ключе и интерпретировал в плане «наказуемости» [6, с. 342–343]. Многие годы проблема ответственности лежала в исследовательском поле правоведения именно в этом аспекте. В дальнейшем идея ответственности развивалась в тесной связи с идеями свободы воли, свободы действия, свободы принятия решений. Очевидно, что феномен ответственности является понятием междисциплинарным, что подтверждается огромным количеством юридических, психологических и социологических исследований.

Философия рассматривает ответственность с нравственных позиций, с позиций личностного поведения, регулируемого человеком в зависимости от развитости у него чувства долга, совести и чести. Стоит отметить, что теория классической философии рассматривала тему ответственности лишь в этом контексте, однако терминологический аппарат данной тематики не обладал

совершенством. Интерес в данном аспекте представляет точка зрения А.И. Ореховского, так как данный автор акцентировал внимание на том, что понимание ответственности находится в прямой зависимости от понимания свободы. Также он указывал, что именно свобода выступает в качестве одного из важнейших условий ответственности, в то время, как одним из проявлений свободы, в свою очередь, является ответственность [7, с. 88].

Идея ответственности как моральной и нравственной категории заняла особое место в философской науке еще со времен, когда Аристотель писал свои самые известные труды. Известно, что в античные времена понятие ответственности имело достаточно тесные взаимосвязи с политическими и моральными нормами, распространенными в обществе, а также со всеми обязанностями человека и гражданина. Квинтэссенция понятия ответственности состоит в том, что лучшим человеком стоит признать не того, кто поступает в соответствии с добродетелью по отношению к себе, а того, кто поступает таким по отношению к другим, а является это достаточно трудным делом [8, с. 120]. Приходим к выводу, что в соответствии с трактовкой Аристотеля, понятие ответственности находится в полнейшем соответствии с понятием нравственности, которую стоит рассматривать как добродетель и которая имеет достаточно тесные взаимосвязи со свободой выбора, которую вполне можно рассматривать через призму сердцевины морали, равно как способа социальной регуляции соответственно.

Как указывает Голик Н.В.: «В прострэнстве этического как социального отношения свобода воли – это не естественная, антропологическая и психологическая, составляющая бытия человека, и не сверхъестественная предпосылка морали, а феномен, рождающийся в границах нравственности как способа человеческой деятельности» [9, с. 40–46].

Очевидно, что в аристотелевской философии, одним из основных моментов в рамках определения ответственности будет выступать мера осуществления индивидом нравственного долга, что находит проявление в том или ином поступке. Отсюда возникает закономерный вопрос о том, чем является нравственный долг, ответственность без выполнения которого едва ли представляется возможной? Ответить на этот вопрос целесообразно словами Аристотеля, который указывал, что нравственный долг – это долг перед самими собой и перед всем государством [там же, с. 46].

Философские мысли, которые были распространены на территории Древнего Рима, порождают также иной тип ответственности, сущность которого состояла в том, что есть определенное взаимное влияние между личными и свободными обязанностями и решениями, принимаемые лицом по отношению к своему партнеру. Отмечалось, что все спорные моменты, которые возникали на данном фоне между индивидами, могли разрешаться третейскими судами. Полагаем, что именно указанный аспект можно рассматривать в качестве отправной точки для слияния юридической, равно как этической мысли, а также правовой и моральной деятельности.

Что касается эпохи Средневековья, то в указанный период развитие получила иная, совершенно новая парадигма ответственности. Так, в рамках воспитания ответственной личности, особое значение приобретало духовно-экзистенциальное христианское понимание ответственности, которое было весьма характерно для философских воззрений А. Августина. У данного философа мы также можем обнаружить и наличие концепции, посвященной ответственности, в рамках которой он почти отказывается от идеи свободной воли и в полной

мере признает право церкви пользоваться аппаратом власти для того, чтобы вести полномасштабную борьбу с еретиками. Это позволяет сделать вывод о том, что ответственность в Средневековье во многом была основана на принципе свободной воли верующего человека, не прости воли того или иного индивида. Одновременно с этим, такое понимание порождает весьма субъективное представление относительно ответственности и в полной мере позволяет разработать множество механизмов на основе страха Божьего и совести. Как следствие, церковь осуществляет контроль над тем, каким образом себя ведет прихожанин, руководствуясь, при этом, нормами канонического права.

Попытки, которые неоднократно предпринимались для того, чтобы разработать основные критерии хороших поступков и связать их с мерой личной ответственности индивида, была весьма характерны как для философов античного периода, так и философов, которые трудились уже в более поздние периоды времени. В частности, данными вопросами занимались Сократ, Аристотель, Демокрит, Бэкон и некоторые иные. Данные философы указывали, что нравственная ответственность человека не может иметь тех или иных религиозных мотивов, а существующие у них положительные с социальной точки зрения побуждения, во многом обусловлены интересами общества и личности человека. Интерес в данном аспекте представляет точка зрения Т. Гоббса, так как философ указывал, что в основу нравственности ответственности индивида всегда закладывается так называемый «естественный закон», состоящий в стремлении человека к тому, чтобы в полной мере удовлетворить свои потребности, в том числе, которые относятся к потребностям духовным. Анализу также стоит подвергнуть его труд «Левиафан», в котором философ указывал, что абсолютно все добродетели человека, а также человеческие пороки, предопределены ясным осознанием того, что именно будет способствовать достижению блага. В то же время, Д.С. Милль, а следом и Ф. Брэдли нравственную ответственность связывали с различными социальными потребностями общественного развития. Например, как указывал Д.С. Милль, основной движущей силой поведения человека является утилитарный фактор (полезность). В связи с этим, личностная ответственность во многом основана на утилитаризме, а ценность ответственности во многом предопределена пользой для всеобщего блага [10, с. 138–141].

Однако, как отмечали французские материалисты XVIII века, суть, а также содержание личностной ответственности изначально заложены в основу понимания так называемого «личного интереса», в частности, объективной необходимости в том, чтобы люди сотрудничали при условии, что это будет порождать достижение общественного блага. Как отмечал в данном аспекте П. Гольбах, настоящие основы моральной ответственности человека заложены в фундаменте его собственного интереса и собственного счастья [11, с. 615]. В свою очередь, К.А. Гельвеций утверждал то, что фундамент личностной ответственности лица образует личный интерес индивида, который он неизбежно сочетает с интересами всего общества [12, с. 55]. Можно констатировать, что французские материалисты, в качестве важного средства для формирования личной ответственности рассматривали просвещение. Этот подход был отличным от русской философии, так как личную ответственность в русской философии рассматривали через призму социальной перестройки всего общества.

Кульминационным для развития учения, посвященного данной теме, можно назвать учение Иммануила Канта, который указывал, что в рамках определения

меры ответственности, важностью обладает не только склонность индивида к тому, чтобы получить удовлетворение от своих поступков, но и практический разум, при котором на первый план выходит свободная воля лица. Полагаем, что квинтэссенцией теории личностной ответственности будет являться категорический императив Канта, который имеет несколько основных трактовок:

1. «...Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [13, с. 260].

2. «...Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [там же, с. 261].

3. Практический императив: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого, так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [там же, с. 270].

Философия Канта в данном аспекте будет выступать в качестве основной предпосылки для создания и существования правового государства, сущность которого заключается в утверждении принципа универсальной ответственности человека, во многом основанной на свободном, равно как универсальном выборе человека и его ответственности за свою жизнь. В этом аспекте стоит отметить, что Кант утверждал, что уже наличие свободы будет обязывать человека. Однако затем, на основе данного учения, даже возник термин под названием «бегство от свободы», рассмотрением которого активно занимался Э. Фромм. Философ указывал, что бегство от свободы можно рассматривать как бегство от ответственности, а одной из крайних форм данного бегства будет являться суицид.

В XX веке возникла совершенно новая парадигма ответственности. Так, в соответствии с новой концепцией, люди, вне зависимости от расовых, религиозных, классовых или иных различий, будут выступать в качестве субъектов права и субъектов ответственности. Во-вторых, ответственность стала более широкой и стала включать в себя экологическую или, например, культурную ответственность, что не исключало наличие экономической или же моральной ответственности. Более того, особое внимание стали уделять темпоральности ответственности, что означает общую ответственность как за прошлое, так и за будущее.

Философия космизма во многом предопределяет оптимальное сочетание ответственности за сохранение памяти и утверждение идеалов будущего, в том числе, в парадигме исторической ответственности. В контексте философии космизма XX века ответственность рассматривается как личностный гражданский долг. Такая формулировка, по нашему мнению, и такое сущностное содержание феномена ответственности как нельзя лучше соответствует положению, в котором оказалось человечество перед глобальными вызовами XXI века. При этом важно отметить, что именно такое понимание ответственности как ценности соответствует традиционной системе ценностей русского народа. В поддержку этого тезиса обратимся к исследованиям выдающегося космиста Н.Ф. Фёдорова, который считал ответственность общим благом всех современников перед всеми предшественниками [14, с. 317–327]. Таким образом, идеи Н.Ф. Фёдорова являются своеобразной попыткой осуществить проект объединения всех людей вокруг одного идеала.

Как указывает Соколова А.Б.: «Для одних космистов ответственность относится к социально-политической категории (Фёдоров, Сухово-Кобылин, Холодный), для других – к морально-нравственной (Соловьёв, Рерихи, Флоренский, Бердяев), для третьих – к научно-

технической (Циолковский, Вернадский, Чижевский). Но, по мнению всех философов-космистов, ответственность – это способность человеческой души, которая могла бы сплотить все народы, всё человечество, установив между ними сердечную, почти родственную связь» [15, с. 62–71]. Это ли не культурная глобализация, основанная на универсальном общечеловеческом ценностном наполнении?

В современных философских дискуссиях личностная моральная ответственность обсуждается в контексте так называемой «базовой ценности», она выступает одним из фундаментальных принципов человеческого бытия и нравственности. Но при этом для нас всеобщая моральная ответственность, как свойство характера, остаётся недостижимым идеалом в области человеческих взаимоотношений, взаимоотношений общества и природы, взаимоотношений между обществом и индивидом. Более того, сегодня проблема формирования личностной ответственности носит общемировой характер. Важно отметить, что личностная ответственность, как базовая человеческая ценность, по своей сути является объективно-субъективной, т.е. с одной стороны мерой личностной ответственности выступает мера свободы личности, а с другой стороны, она выступает элементом морального сознания, связанным с внутренним убеждением правильности действий индивида в конкретном случае. В качестве примера приведём следующий исторический факт. В 1999 г. огласили результаты, полученные в результате расшифровки «черного ящика» одного из американских самолетов, который потерпел крушение. Удалось выяснить, что в качестве причины аварии выступали действия одного из летчиков, который ценой собственной жизни обеспечил получение страховой суммы для больного ребенка. При этом погибло более 100 человек экипажа и пассажиров. Можем ли мы здесь говорить о личностной ответственности? И если можем, то в каком нравственном поле она лежит? Очевидно, что развитие чувства личностной ответственности находится в прямой зависимости от широкой совокупности факторов: в частности, от степени интериоризации лицом различных ценностно-мировоззренческих установок, а также от текущего уровня объективации субъективных потребностей.

Совокупным продуктом личностной ответственности каждого индивида в глобализирующемся мире станет общечеловеческая коллективная ответственность. Именно в рамках парадигмы коллективной ответственности ведется обсуждение проблемы ответственности всего человечества за то, чтобы сохранить историю и культуру. Очевидно, что к формированию коллективной ответственности неизбежно должно привести понимание той опасности, которая грозит всему человечеству, так как только ответственность нынешних поколений даст будущим поколениям право на то, чтобы существовать так же, как существует поколение нынешнее. Таким образом, личностная ответственность должна стать основной социальной нормой в современном обществе

В завершении стоит отметить, что актуальность ответственности, выступающей в качестве одной из универсальных ценностей, едва ли подвергается сомнению, так как ее смысл проявляется в философии космизма и заключается в том, что общество обязано поддерживать равновесие во всем мире посредством достижения такой цели, как сохранение человечества в целом.

Литература

1. Дианова, В.М. Культурный плюрализм в условиях глобализации /В.М. Дианова // Россия и Грузия:

диалог и родство культур: материалы междунар. симп. (Тбилиси, 3–6 сент. 2003 г.) / Рос.-груз.н.-и. центр «Человек» [и др.]. – Санкт-Петербург, 2003. – Вып. 1. – С. 100.

2. Каландия, И.Д. Система общечеловеческих ценностей в динамике и диалоге цивилизаций в условиях глобализации / И.Д. Каландия // Человек: соотношение национального и общечеловеческого: сб. материалов междунар. симп. (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) / С.-Петерб. филос.об-во; под ред. В.В. Парцвания. – Санкт-Петербург, 2004. – Вып. 2. – С.111–123.
3. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / А.К. Абулмагд, Л. Ариспе, Х. Ашрави [и др.]; пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. С.П. Капицы. – Москва: Логос, 2002. – 191 с.
4. Феномен ответственности в мире тотальной глобализации / Кальной И.И., Чукин С.Г., Горбань А.В. [и др.]; редкол.: Д.С. Берестовская [и др.]. – Симферополь: АРИАЛ, 2013. – 415 с.
5. Межуев, В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В.М. Межуев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 406 с.
6. Ответственность // Этика: энцикл. сл. / Ин-т философии Рос. акад. наук; под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – Москва, 2001. – С. 342–343.
7. Введение в философию ответственности: монография / Ореховский А.И., Кушнаренко Я.В., Марков Ю.Г., [и др.]; Федер. агентство связи, Сибир. гос. ун-т телекоммуникации и информатики. – Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2005. – 186 с.
8. Аристотель. Евдемова этика: в 8 кн. / Аристотель; пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой [и др.] // – Москва: ИФРАН, 2005. – 445 с.
9. Голик, Н.В. К истокам идеи ответственности / Н.В. Голик // История философии, культура и мировоззрение / С.-Петерб. филос. об-во. – Санкт-Петербург, 2020. – Вып. 3: к 60-летию проф.А.С. Колесникова. – С.40–46.
10. Кортау, Б.В. Ответственность человека как регулятор социально-нравственных отношений в обществе / Б.В. Кортау // Человек: соотношение национального и общечеловеческого: сб. материалов междунар. симп. (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) / С.-Петерб. филос.об-во; под ред. В.В. Парцвания. – Санкт-Петербург, 2004. – Вып. 2. – С.138–141.
11. Гольбах, П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного / П.А. Гольбах // Избранные произведения: в 2 т.: пер. с фр. – Киев, УРСС, 2020. – 504 с.
12. Момджян, Х.Н. Философия Гельвеция / Х.Н. Момджян; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – 408 с.
13. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 2.Ч. 1 / Иммануил Кант. – Москва: Наука, 2006–560 с.
14. Фёдоров, Н.Ф. Философия общего дела: (отрывки) // Русский космизм: антология философской мысли / Н.Ф. Фёдоров. – Москва: Эксмо, 2008. – 752 с.
15. Соколова, А.Б. Проблема ответственности в философии космизма / А.Б. Соколова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – С. 62–71.

THE PHENOMENON OF RESPONSIBILITY AS A BASIC LIFE-PRESERVATION VALUE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Drozhdzina S.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the presented work is to study the phenomenon of responsibility and the historical and cultural evolution of its understanding. To achieve the goal, the following tasks were solved: a comparative analysis of the understanding of the content of the phenomenon of responsibility in a historical and cultural cut was carried out; The relevance of personal responsibility as universal value in the context of globalization challenges of the XXI century is substantiated. The theoretical and methodological base of the study became the following methods and principles: the method of historical and philosophical research; method of cultural and historical analysis; Comparativism method. The methodological framework of the study is constituted by the principles of objectivity, universal connection, commentary. The study was carried out using interdisciplinary and value approaches. The result of the work was conclusions that convincingly prove that personal responsibility should be not only the main social norm of modern society, but also the basic value that can ensure the formation of collective responsibility, in the paradigm of which today the issue of humanity responsibility for its biological and cultural preservation is discussed.

Keywords: globalization; culture; values; basic values; universal values; intercultural dialogue, mutual understanding; responsibility.

References

1. Dianova, V.M. Cultural pluralism in the context of globalization / V.M. Dianova // Russia and Georgia: dialogue and kinship of cultures: materials of the international symp. (Tbilisi, September 3–6, 2003) / Russian cargo.n.-i. Center "Man" [and others]. – St. Petersburg, 2003. – Issue. 1. – P. 100.
2. Kalandia, I.D. The system of universal human values in the dynamics and dialogue of civilizations in the context of globalization / I.D. Kalandia // Man: the relationship between the national and the universal: collection. materials of the international symp. (Zugdidi, Georgia, May 19–20, 2004) / St. Petersburg. philosophy; edited by V.V. Partsvania. – St. Petersburg, 2004. – Issue. 2. – P. 111–123.
3. Overcoming barriers: Dialogue between civilizations / A.K. Abulmagd, L. Arispe, H. Ashrawi [etc.]; lane from English T.P. Party; edited by S.P. Kapitsa. – Moscow: Logos, 2002. – 191 p.
4. The phenomenon of responsibility in the world of total globalization / Kalnoy I.I., Chukin S.G., Gorban A.V. [and etc.]; editor: D.S. Berestovskaya [and others]. – Simferopol: ARIAL, 2013. – 415 p.
5. Mezhuiev, V.M. The idea of culture: essays on the philosophy of culture / V.M. Mezhuiev; Ross. acad. Sciences, Institute of Philosophy. – Moscow: Progress-Tradition, 2006. – 406 p.
6. Responsibility // Ethics: encyclical. sl. / Institute of Philosophy of Russia. acad. sciences; edited by R.G. Apresyan and A.A. Guseinova. – Moscow, 2001. – P. 342–343.
7. Introduction to the philosophy of responsibility: monograph / Orekhovsky A.I., Kushnarenko Y.V., Markov Yu.G., [etc.]; Feder. communications agency, Siberia. state University of Telecommunications and Informatics. – Novosibirsk: SibGUTI Publishing House, 2005. – 186 p.
8. Aristotle. Evdemova ethics: in 8 books. / Aristotle; lane from ancient Greek T.V. Vasilyeva [and others] // – Moscow: IFRAN, 2005. – 445 p.
9. Golik, N.V. To the origins of the idea of responsibility / N.V. Golik // History of philosophy, culture and worldview / St. Petersburg. Philosopher about. – St. Petersburg, 2020. – Issue. 3: to the 60th anniversary of Prof. A.S. Kolesnikova. – P. 40–46.
10. Courtois, B.V. Human responsibility as a regulator of social and moral relations in society / B.V. Courtois // Man: the relationship between the national and the universal: collection of articles. materials of the international symp. (Zugdidi, Georgia, May 19–20, 2004) / St. Petersburg. philosophy; edited by V.V. Partsvania. – St. Petersburg, 2004. – Issue. 2. – P. 138–141.
11. Golbach, P.A. System of nature, or On the laws of the physical world and the spiritual world / P.A. Golbach // Selected works: in 2 volumes: trans. from fr. – Kyiv, URSS, 2020. – 504 p.
12. Momdzhyan, Kh.N. Philosophy of Helvetius / Kh.N. Momjian; Academician Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. – 408 p.
13. Kant, I. Works. In 6 vols. T. 2.H. 1 / Immanuel Kant. – Moscow: Science, 2006–560 p.

14. Fedorov, N.F. Philosophy of the common cause: (excerpts) // Russian cosmism: an anthology of philosophical thought / N.F. Fedorov. – Moscow: Eksmo, 2008. – 752 p.

15. Sokolova, A.B. The problem of responsibility in the philosophy of cosmism / A.B. Sokolov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – T. 1 (67). – P. 62–71.

Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта

Илларионов Григорий Андреевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Грицков Юрий Викторович,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: grickov50@mail.ru

Морозова Ольга Федоровна,

д.кл.н., доцент, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: ofmorozova@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье рассматривается противоречие между научным пониманием традиции и политическим проектом укрепления традиционных ценностей России. Для науки и философии традиция представляет собой сложное, антиномичное понятие. Не существует подхода, позволяющего преодолеть методологические и аксиологические противоречия и множественность возможных интерпретаций понятия традиции. В политическом контексте традиция и традиционные ценности рассматриваются как конкретный, нормативно закрепляемый объект, функционально служащий задачам укрепления суверенитета и безопасности России. Согласование неопределенности научного понимания традиции и политических задач в ее отношении предлагается осуществить: в теоретическом аспекте на основании методологии социального конструктивизма, а практически – переходом от административного регулирования и стремления к идеологическому однообразию к выстраиванию диалога патриотических сил, и социальному конструированию реальности на основе хабиитуализации и институционализации соответствующего дискурса.

Ключевые слова: традиция, традиционные ценности, основы российской государственности, изобретение традиции, конструктивизм.

Философское исследование традиционных ценностей обладает актуальностью на уровнях. Первый из них – уровень социально-философский, в рамках которого понятие традиции, и традиционных ценностей, проблематизируется в течение всего XX века. Как научное понятие традиция многообразна и противоречива. Как замечает исследователь Д. Бен-Амос, «такого синтеза, в котором бы учитывались противоречащие друг другу взгляды и аналитические потребности, моменты стабильности и изменчивости в традиции, смысловые аспекты, пришедшие из научной терминологии и порожденные повседневным сознанием и живой культурой, прошлое и проекция прошлого в будущее, применительно к понятию традиции, уже имеющему собственную историю, достигнуть невозможно» [18, с. 97]. В этом смысле, исследование традиционных ценностей актуально как продолжение и развитие фундаментально-научного дискурса изучения онтологии и динамики социальности в аспекте ее воспроизводства и преемственности – связи ее прошлых, настоящих и будущих состояний.

Второй уровень актуальности исследования традиционных ценностей раскрывается в политических, правовых и культурных практиках современной России. Ряд нормативных актов в России прямо связывает политику, направленную на укрепление традиционных ценностей, с задачами политической, культурной и экзистенциальной безопасности России [12, 13, 14, 15]. Тематика традиционных ценностей составляет значимую часть содержания введенных в российской средней школе в 2022 году уроков «Разговоры о важном», и введенном в российской высшей школе в 2023 году курсе «Основы российской государственности». Традиционные ценности составляют значительную часть политической риторики в России в течение последних десятилетий [2, 9, 10], а в рамках СВО одним из ключевых элементов государственного нарратива становится противопоставление «созидательной энергии российского общества, опирающейся на свои традиции и ценности» и «деструктивных идеологий, насаждающих насаждать неолиберальные и тоталитарные по своей сути ценности» [7].

Двойственность понятия традиция и следующего из него понятия традиционных ценностей как научного понятия и как политического концепта обуславливает исследовательскую цель данной работы – поиска концептуального и методологического пути их согласования, с целью построения единого понимания традиционных ценностей и пути к реализации политического их компонента в аспекте укрепления российской государственности. Это подтверждается и тем, что под «традицией понимается – исторически сложившиеся совокупности элементов социального и культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение, являются ценностью в рамках культуры и сохраняющиеся в определенном сообществе в течение длительного времени» [11, с. 67].

Методологически исследование опирается на концептуальный анализ понятия традиция и ряда смежных концептов на материале нормативных документов, работах классических и современных исследователей,

и на функциональный анализ традиции и традиционных ценностей как элемента российской политики в сфере безопасности и суверенитета.

Проблема исследования заключается в том, что на сегодняшний день научное понимание традиционных ценностей и политический дискурс вокруг них в значительной степени рассогласованы. Для философии само понятие традиции, и производное от нее дескриптивное понятие традиционный – представляет собой проблему, во многих аспектах даже антиномно. На сегодняшний день философия еще не смогла непротиворечиво определить традицию с учетом всего колоссального комплекса относящихся к ней феноменов и изучающих их разнородных научных дисциплин и методологий. В политическом же дискурсе вокруг традиции и традиционных ценностей они обсуждаются как нечто определенное, и более того, подлежащее укреплению, защите, и служащее основой для успешного развития российского общества.

Практическая сторона этой проблемы проявляется в крайне общем и неконкретном определении традиционных ценностей в нормативной базе, что означает огромный релятивизм их интерпретации. Приведем пример. Традиционные ценности раскрываются в пункте 5 указа Президента от 09 ноября 2022 года № 809: «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [15]. Данная формулировка оставляет почти безграничные возможности для интерпретации, особенно в таких фрагментах как «созидательный труд», «коллективизм», «историческая память». На практике это означает невозможность единого понимания того, что конкретно подразумевается под традиционными ценностями в рамках таких практических мероприятий как внедрение курса «Основ российской государственности» в ВУЗах России.

Мы полагаем, что проблема неопределенности традиционных ценностей – это не проблема недостаточной конкретности нормативной базы, напротив, причиной является фундаментальная нерешенность проблемы – что есть традиция, и что можно считать традиционным. Проведем краткий анализ данной проблемы.

Авторы, осуществлявшие концептуализацию понятия традиции, такие как польский философ Е. Шацкий [17], или советско-американский философ Д.Б. Зильберман [3], отмечали что за использованием понятия традиции скрывается несколько взаимосвязанных, но нетождественных контекстов ее понимания.

Первое понимание традиции – объекты, дошедшие от нас из прошлого, буквально «переданные» исходя из латинской этимологии слова «tradition». Так определяет традицию, например, американский историк и теоретик культуры Д. Гросс, говоря о традиции как о «практиках, совокупности верований или образов мышления, существующих в настоящем, но перешедших к нам из прошлого» [19, с. 8]. В этом же смысле о традиции говорил и К. Маркс, утверждая, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [6, с. 119]. И преимущественно в подобном объектном смысле говорить о традиционных ценностях в нормативной базе и политическом дискурсе России – как о наследуемом социокультурном содержании, полученном в результате серии актов межпоколенческих «traditio», передач.

В рамках второго понимания понятия традиция о ней говорят, как о механизме социального наследования и культурного воспроизводства, иными словами – традиция – это не столько объект передачи, сколько способ передачи. В подобном духе определял традицию советский философ Э.С. Маркарян, давая определение «культурная традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [5, с. 80].

Третья форма использования понятия традиции говорит о ней как о субъективной оценке прошлого в настоящем. В этом смысле традиция отождествляется с культурной памятью и исторической памятью, т.е. определенными позициями относительно значимости, ценности и реальности тех или иных объектов в прошлом [8, с. 1–11].

В различии контекстов понимания понятия традиции мы можем увидеть антиномию, стоящую за релятивизмом использования понятия – различие во взглядах на ее онтологию. С одной стороны, традиция предстает объектом, и в этом случае она обладает качествами исторической устойчивости, относительного постоянства, неизменности. С другой стороны, традиция предстает социальным конструктом, формирующимся в настоящем исходя из потребностей текущего исторического момента, где референция к прошлому есть реализация легитимирующей функции. В этом случае она будет подвижной, динамичной, изменчивой и непостоянной – в зависимости от потребностей исторического момента.

Вышеобозначенная научная проблема превращается из фундаментальной социально-философской антиномии в проблему методологическую если перейти от уровня теоретической абстракции к практике реализации политического проекта укрепления и защиты традиционных ценностей.

В случае, если мы говорим о традиции объективистски – укрепление традиционных ценностей означает защиту некоторых социокультурных объектов, которыми российская культура уже обладает, которые были унаследованы из прошлого. Но в этом случае мы встаем перед неразрешимой проблемой аутентификации традиционных ценностей – объекта защиты. Какие именно социальные практики, какие именно символические структуры выступают традицией-объектом? Россия пережила в течение XX века несколько смен политических и культурных парадигм, переход от аграрной к индустриальной и постиндустриальной экономике, обширную урбанизацию, переход от традиционной экономики к плановой, а затем рыночной и т.д. Практически невозможно в такой динамической системе определить четкие границы традиционных ценностей как конкретных социальных практик или институтов, а попытки сделать это административно натолкнутся на сопротивление. Даже на поверхностном уровне социально-политической идентичности в российском социуме все еще нет четкой определенности в соотношении «русской», «российской», «советской», «православной», «светской» идентичностей. Тожественны ли они, или противопоставлены, соответствующие им культурные практики комплементарны или эксклюзивны – мы не имеем таких ответов на эти вопросы, которые можно было бы нормативно утвердить в качестве объективных. Одной из распространенных метафор объективистского понимания традиции являются рассмотрение их как социальной привычки, но изменчивость габитуса российской культуры делает почти невозможным аутентифицировать традиционное определенно и конкретно.

В этом смысле конструктивистский взгляд на традиционные ценности предстает более соответствующим настоящему историческому моменту. Даже в ранее приводимой нами нормативной базе укрепление традиционных ценностей чаще всего связывается с такими прагматическими задачами как защита суверенитета и безопасности России. И это соответствует конструктивистскому пониманию традиции как прагматической, легитимирующей социальные практики и институты структуре конструкторов, формируемой частично целенаправленно, частично стихийно. Как мы показывали в другом исследовании, посвященном «войнам исторической памяти» – государственная политика России в сфере формирования гражданской идентичности может быть достаточно четко прослежена в ее переменчивости в функциональной связи с политическими потребностями момента [4, с. 30–50]. Достаточно очевидной предстает и связь интенсификации политики укрепления традиционных ценностей с внешнеполитическими конфликтами России, СВО, «информационными войнами» и т.п.

Наш тезис заключается в том, что традиционные ценности по природе своей являются социальным конструктом, то есть intersubjectивным феноменом культуры, существующим в силу убежденности людей в его существовании. Причем традиции и традиционные ценности как конструкт уже достаточно долгое время являются предметом изучения социальной философии. Наиболее известен в этом контексте концепт «изобретения традиции» британского философа Э. Хобсбаума. На материале анализа «британских традиционных ценностей» Э. Хобсбаум показывал их недавнее происхождение, мнимую «исконность» социальных практик, воспринимаемых часто как «старинные». «Изобретение традиций» подразумевает формирование набора легитимирующих социальные институты и практики конструкторов, воспринимаемых в качестве традиционных в объективном и объектном смысле [20].

Традиционные ценности как российской политической проект – это проект конструирования «изобретенной традиции» России, вызванный функциональной необходимостью подобных конструкторов для успешного функционирования российского социума. Этот вывод может представляться банальным, однако он имеет большое методологическое значение для реализации процесса конструирования. Традиционные ценности – это не то, что может быть сконструировано путем научного познания и последующего внедрения в образовательный процесс, поскольку для науки и философии, как мы продемонстрировали выше, традиция – неразрешенная проблема – вследствие почти неисчерпаемой сложности и сложности. И традиционные ценности невозможно ввести административно-правовым регулированием, поскольку вследствие множества возможных интерпретаций любых значимых аспектов российской истории, государственности и культуры – попытка принудительного введения единообразия позиций приведет скорее к обратному эффекту. Как удачно выражает эту мысль Л.Г. Фишман – мы переживаем нужду в традиционных ценностях, но у нас нет готовых ответов о их содержании, и путях их внедрения [16, с. 76–87].

Конструктивизм можно обвинить в том, что он обесценивает традиционные ценности – показывая их субъективный характер, разоблачая их мнимую «унаследованность» и «укорененность». Но в рамках конструктивизма мы можем найти и понимание того, каким образом традиционные ценности как политический проект могут быть реализованы. Классики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман показывали, как через обычную коммуникацию посредством хабиутализации,

сигнификации, институционализации коммуникативных практик рождается социальная реальность, функционирующая в дальнейшем как объективная по отношению к социальным акторам [1]. В этом смысле путем конструирования традиционных ценностей как фактора безопасности, суверенности и дальнейшего развития России является не внедрение некоторого содержания, а создание условий для формирования плюрального патриотического дискурса, в котором множественность позиций, методологий и оценок – не препятствие, но диалогическое развитие, при условии нормативного регулирования интенций коммуникации – сохранения и развития российской государственности и культуры.

Согласование релятивной и сложной научной стороны традиционных ценностей, и политического проекта российских традиционных ценностей, возможно на базе конструктивистского понимания традиции, где такие политические акты как внедрение курсов «Разговоры о важном» и «Основы российской государственности» служат приглашением к творческому диалогу экспертного сообщества, и широкой общественности, причем формирование такого дискурса требует не жесткого идеологического регулирования и стремления к недостижимому единообразию мнений, но начала активного диалога, постепенному созданию новых и актуализации классических школ мысли, палитры позиций. Конструирование традиционных ценностей как политический проект станет возможен при регулярном, стимулируемом диалоге патриотических умов России. Регулярность сделает данный дискурс габитусом, а время и содержательная часть породит институционализированные его формы. Внедрение же объективистской спорной «истины» традиционных ценностей России породит только сиюминутный политический симулякр, и вызовет неприятие несогласных с его содержанием, что в большей степени расколется, чем объединит патриотические силы России.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Вершинина Д.Б. Традиционные ценности в государственной и общественной риторике России 2010-х годов: основные концепты и проблемы / Д.Б. Вершинина // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 2018. – № 4. – С. 477–484.
3. Зильберман Д.В. К пониманию культурной традиции / Д.В. Зильберман. – М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2015. – 623 с.
4. Илларионов Г.А. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма / Г.А. Илларионов, М.К. Мосиенко // Антиномии, 2023. – № 1. – С. 30–50.
5. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции / Э.С. Маркарян // Советская этнография, 1981. – № 2. – С. 78–96.
6. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 8. – М., 1955–1981. – 689 с.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г.
8. Рахинский Д.В. Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах / Д.В. Рахинский, Г.А. Илларионов, А.Н. Городищева, Н.А. Князев // Социодинамика, 2021. – № 3. – С. 1–11.

9. Рахинский Д.В. Россия в глобальном мире: информационные ресурсы воздействия / Д.В. Рахинский // Красноярск, 2014. – 183 с.
10. Рахинский Д.В. Особенности информационного потенциала современной глобализации / Д.В. Рахинский // Ульяновск, 2015–206 с.
11. Социология (словарь терминов): Учебный терминологический словарь для студентов всех форм обучения по специальностям «Социальная работа», «Менеджмент организации», «Финансы и кредит», «Маркетинг», «Юриспруденция» / Д.В. Рахинский, Л.Г. Король, И.В. Малимонов [и др.]. – Красноярск, 2007. – 80 с.
12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
13. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
14. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
15. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
16. Фишман Л.Г. Соблазн готовых ответов. Как изобрести традиционные ценности / Л.Г. Фишман // Россия в глобальной политике, 2023. – № 2 (120). – С. 76–87.
17. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Наука, 1990. – 350 с.
18. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies / D. Ben-Amos // Journal of Folklore Research, 1984. – Vol. 2. – № 3. – P. 97–131.
19. Gross D. The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity / D. Gross. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1992. – 175 p.
20. Hobsbawm E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm. – New York: Cambridge University Press, 1983. – 323 p.

TRADITIONAL VALUES: CORRELATION OF SCIENTIFIC CONCEPT AND POLITICAL PROJECT

Illarionov G.A., Gritskov Y.V., Morozova O.F., Rakhinsky D.V.
Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article examines the contradiction between the scientific understanding of tradition and the political project of strengthening the traditional values of Russia. For science and philosophy, tradition is a complex, antinomic concept. There is no approach that allows overcoming methodological and axiological contradictions and the multiplicity of possible interpretations of the concept of tradition. In the political context, tradition and traditional values are considered as a concrete, normatively fixed object, functionally serving the tasks of strengthening the sovereignty and security of Russia. It is proposed to reconcile the uncertainty of the scientific understanding of tradition and political tasks in relation to it: in the theoretical aspect on the basis of the methodology of social constructivism, and in practice – by moving from administrative regulation and striving for ideological monotony to building a dialogue of patriotic forces, and

social construction of reality based on habitualization and institution-alization the corresponding discourse.

Keywords: tradition, traditional values, foundations of Russian statehood, invention of tradition, constructivism.

References

1. Berger P. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. – Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
2. Vershinina D.B. Traditional values in the state and public rhetoric of Russia in the 2010s: basic concepts and problems / D.B. Vershinina // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations, 2018. – № 4. – P. 477–484.
3. Zilberman D.V. To the understanding of cultural tradition / D.V. Zilberman // Moscow: NPF «Institute of Development named after G.P. Shchedrovitsky», 2015. – 623 p.
4. Illarionov G.A. «Memory wars» and the problem of socio-epistemological relativism / G.A. Illarionov, M.K. Mosienko // Antinomies, 2023. – № 1. – P. 30–50.
5. Markaryan E.S. Nodal problems of cultural tradition / E.S. Markaryan // Soviet Ethnography, 1981. – № 2. – P. 78–96.
6. Marx K. The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte // K. Marx, F. Engels // Op. 2nd ed. Vol. 8. – M., 1955–1981. – 689 p.
7. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated February 21, 2023.
8. Rakhinsky D.V. Instrumental approach to tradition in conceptual and social contexts / D.V. Rakhinsky, G.A. Illarionov, A.N. Gorodishcheva, N.A. Knyazev // Sociodynamics, 2021. – № 3. – P. 1–11.
9. Rakhinsky D.V. Russia in the global world: information impact resources / D.V. Rakhinsky // Krasnoyarsk, 2014. – 183 p.
10. Rakhinsky D.V. Features of the information potential of modern globalization / D.V. Rakhinsky // Ulyanovsk, 2015–206 p.
11. Sociology (dictionary of terms): Educational terminology dictionary for students of all forms of education in the specialties «Social work», «Organization Management», «Finance and Credit», «Marketing», «Jurisprudence» / D.V. Rakhinsky, L.G. Korol, I.V. Malimonov [et al.] // Krasnoyarsk, 2007. – 80 p.
12. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
13. Decree of the President of the Russian Federation № 646 dated 05.12.2016 «On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation».
14. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024».
15. Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated 09.11.2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values».
16. Fishman L.G. The temptation of ready answers. How to invent traditional values / L.G. Fishman // Russia in Global Politics, 2023. – № 2 (120). – P. 76–87.
17. Shatsky E. Utopia and tradition / E. Shatsky // Moscow: Nauka, 1990. – 350 p.
18. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies / D. Ben-Amos // Journal of Folklore Research, 1984. – Vol. 2. – № 3. – P. 97–131.
19. Gross D. The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity / D. Gross // Amherst: University of Massachusetts Press, 1992. – 175 p.
20. Hobsbawm E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm // New York: Cambridge University Press, 1983. – 323 p.

Тренды развития коммуникативных технологий современной информационной войны

Кафтан Виталий Викторович,

д.ф.н., профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVKaftan@fa.ru

Молодцов Игорь Николаевич,

к.п.н., руководитель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: INMolodtsov@fa.ru

Статья посвящена исследованию основных трендов развития коммуникативных технологий современной информационной войны. На основе анализа динамики изменения в сфере коммуникаций и становления информационного общества выявляются наиболее существенные направления, представляющие опасность для российского государства, общества и личности в условиях развития современного информационного противоборства.

Ключевые слова: информационная война, ИКТ, медиатизация, визуализация, автоматизация, интеграция, диффузная война, мем, боевой рой.

В условиях борьбы субъектов, существующих геополитических систем однополярного и многополярного мира, информационная война как один из инструментов ее реализации приобретает все большую значимость. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 20 мая 2022 г. на Совете Безопасности, отметил следующее: «Сегодня против России развязана настоящая война в информационном пространстве. Количество информационных атак увеличилось в разы, они четко скоординированы, в том числе различными иностранными структурами...» [11].

Для оказания должно уровня противодействия этим угрозам необходимо проанализировать основные направления развития информационно-коммуникативных технологий, применяемых западными социальными акторами в информационной войне против России.

Анализ динамики изменения в сфере коммуникаций и становления информационного общества в контексте развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны показывает, что они могут быть охарактеризованы следующими основными трендами: *медиатизацией, визуализацией, автоматизацией, интеграцией.*

Медиатизация представляет собой процесс взаимопроникновения политики и средств массовой коммуникации, в ходе которого медиа конструируют новую социальную реальность, наделяют социальное пространство идеологическими смыслами в целях управления массовым сознанием аудитории.

М. Маклюэн и М. Кастельс выдвинули идею, согласно которой на развитие социума оказывает революционное влияние появление новых медиа технологий, приводящих к кардинальным трансформациям в политике, экономике, социальной и духовной сферах. В этой связи исследователи разделили историю развития социума на определенные периоды, которые получили названия «галактик»: *устная* (нарративы, мифы), *письменная* (тексты), *печатная* (печатное слово), *электрическая* (радио, телевидение, кино, фото) и *сетевая галактики* (интернет, социальные сети, мейнстрим). Причем каждая последующая галактика может подчинять себе предыдущие медиа и даже интегрировать их с вновь возникшими технологиями.

Так, одной из наиболее перспективных форм ведения современной информационной войны, связанной с медиатизацией, является *диффузная война* – это управление информационным пространством, направленное на изменение контекста и трансформацию базовых смыслов и мировоззренческих координат индивида, требующее для реализации своих целей каналов передачи, в качестве которых используются все виды современных медиа.

Э. Хоскинс и Б. О'Лафлин в своей книге «Война и медиа: возникновение диффузной войны» высказывают мнение, что благодаря процессам медиатизации, когда СМИ трансформирует социальные и культурные институты общества, война становится рассеянной через сложную сеть повседневных средств массовой информации, которые выступают очагом войны, что и облегчает, и сдерживает присутствие и силу врагов ближних и дальних [14].

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Согласно Хоскинсу и О'Лафлину можно проследить три этапа развития медиавойны. Первый из них – телевизионный, связан с установлением единой повестки дня – мейнстрима. Второй этап – утрата монополии на вещание журналистами и передача инициативы свидетелям событий и «диванным экспертам». Третий этап характеризуется установлением нелинейной повестки дня, «когда внезапно будут возникать потерянные или спрятанные изображения, разрывающие существующие нарративы прошлых и нынешних событий» (например, ролики с разнообразными казнями представителями ИГИЛ западных журналистов).

В настоящее время, благодаря становлению новой социальной реальности, выстраиваемой на принципах синергетики и социального хаоса, роль медиа все более возрастает, они становятся главным средством «тумана войны», на смену медиа нисходящего вертикального каскада «один ко многим» из централизованных структурированных источников, приходит восходящее одноранговое общение горизонтального характера «многие ко многим». Если ранее полем коммуникационной атаки могли быть только «классические» СМИ: газеты, журналы, радио, ТВ, их интернет-версии и было понятно, откуда мог прийти репутационный удар политику, компании, государству, то с появлением глобальных социальных сетей и мессенджеров, блогеров-миллионников «информационное нападение возможно осуществить каждому из неконтролируемой партизанской армии миллиардов пользотельских сообщений, каждое из которых грозит стать репутационной катастрофой» [8, с. 5].

К актуальным трендам развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны следует также отнести *визуализацию* – придание зримой формы любому мыслимому объекту, процессу, явлению, как реально существующим, так и созданным в сознании, основанное на способности сознания видеть предметы в образах [6, с. 18].

Большинство медиа с конца XIX века носило визуальный характер (фотография, кино, телевидение, видео) в силу наглядности, легкого усвоения, доходчивости и простоте образной информации. Опираясь на визуальные концепции Э. Ги Дебора, М. Фуко, Ж. Бодрийера, можно утверждать, что власть имеет наглядно-театральный характер, визуальные образы с помощью специализированных медиа фактически конструируют зрелищную реальность, которая становится для аудитории гораздо более убедительной чем серые будни повседневной действительности.

Воплощением визуализации является – *меметическая война*. Американские военные ученые М. Проссер, К. Хенсон, Д. Гиззи, предложили термин «меметическая война», понимаемой как создание самовоспроизводящихся сетевых информационных шаблонов, осуществляющих конкуренцию за «элементы культуры, убеждения» [15], «нарративы, идеи и социальный контроль» [13, с. 67–75].

Концепцию *мемов* (др. греч. *μίμημα* – подобие) – носителей культурной информации в образной форме, по аналогии с генами, носителями наследственной информации, разработал британский ученый Р. Докинз. По его мнению, культура и религия представляет собой *мемплексы* – комплексы взаимосвязанных мемов, некоторые из которых дошли до нас из глубины веков. Главная характеристика мема – способность к репликации, то есть к образованию собственных копий, посредством сознания инфицированного, которое выступает своеобразными ячейками памяти вируса [4]. Мем является своего рода образным вирусом, который в коммуникативном пространстве скрытым образом встраиваются в информационную систему, преобразует ее коды и, та-

ким образом, система начинает функционировать в соответствии с новой заданной извне программой.

Механизм действия медиавируса работает следующим образом. Выбирается определенная идея, которая вирусмейкерами дробится на мелкие части, каждая из которых получает свою оболочку и распространяется в информационном поле с помощью различных носителей: некоммерческих организаций, блогеров, агрегаторов новостей, лидеров общественного мнения, новых и старых медиа.

Объект получает медиавирус в замаскированном виде троянского коня, не замечая своего инфицирования, формирует из различных мемов, как ему кажется собственный взгляд на проблему, не подозревая, что части этой искусственно созданной головоломки подбрасываются ему с целью изменения его мировоззрения, оценки тех или иных действий власти, политических событий или документов. Конечной целью является «заражение» определенными идеологическими конструктами, вирусная эпидемия целевой группы.

Еще одним трендом развития информационно-коммуникативных технологий современной информационной войны выступает «автоматизация» – высвобождение индивида от прямого участия в технологических процессах. Так, благодаря цифровизации социума (создании ИИ, компьютеризация социальной жизни, роботизация труда) сегодня появляется возможность автоматизировать войну, максимально снизив в ней роль человеческого фактора.

М. Деланда рассматривает историю войн во взаимосвязи с историей технологий, выделяя четыре этапа развития машин войны: *заводной машины, моторной, бетонной и абстрактной машин* [3, с. 35].

В качестве примера реализации «заводной машины» (механизма, который приводился в движение в результате закручивания пружины) можно привести машину войны Нового времени – использование тактики «групповой дуэли», в рамках которой группы войск, выстроенные на поле боя в линейные шеренги, обмениваются поочередно выстрелами из своих мушкетов, меняя друг друга. В такой армии в полном соответствии с Ж. де Ламетри, солдат превращается в подобие заводных часов.

Модель «моторной машины» была реализована Наполеоном в ходе революционных войн, которые вела Франция с армиями Европы, построенными на принципе «заводных машин». Новация французского императора заключалась не в реализации изобретения мотора (он отверг использование паровых машин для высадки морского десанта на Британские острова), а в использовании им энергии революционного патриотизма.

Этот высокий моральный дух сделал возможным добровольный призыв на военную службу (в армии заводной машины господствовал принцип вербовки или насильственного призыва), а также позволило наделить командование батальонного уровня инициативой и способностью войск к децентрализации, поскольку французские командиры не боялись, как и противники, бесконечных случаев дезертирства.

Следуя этой мысли, необходимо отметить, что поражение Наполеона в Отечественной войне 1812 г., обусловлено, не холодом и голодом его многотысячной армии, как считают многие современные историки, а как раз еще более усовершенствованной моторной парадигмы патриотизма, выдвинутой М.И. Кутузовым. Главная суть, которой заключалась в распространении идеи ведения всенародной войны против французских захватчиков: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству» [9].

Реализация модели «бетонной машины», по мнению исследователя, представлена в деятельности Генерального штаба немецкой армии, созданного генерал-фельдмаршалом Х. фон Мольтке. Так, вместо разработки боевых документов по заданию короля Пруссии, офицерские кадры вели аналитическую работу, в рамках которой определяли наиболее вероятные угрозы для государства, делали самостоятельные военно-политические и стратегические выводы, на основе которых самостоятельно готовил планы военных действий. И в конечном счете бетонная машина обеспечила объединение Германии «железом и кровью». При этом стоит учесть, что одним из недостатков такой мегамашины является недопущение альтернативных вариантов реализации планирования, которое может привести к провокации начала войны, даже при нежелании всех сторон ее начинать.

Основанием для развития модели «абстрактной машины» являются открытия Д. Неймана и А. Тьюринга в области абстрактной математики и кибернетики, которые обеспечили внедрение в военной дело электронно-вычислительных машин и некоторых элементов ИИ. Абстрактная машина войны в ближайшее время должна полностью изменить военное ремесло, максимально автоматизируя его и превращая из бойца, обязанного физически лицом к лицу участвовать в схватке с противником, напрягая все силы для того, чтобы его повергнуть, в оператора, дистанционно управляющего роботизированным механизмом, и уничтожающего врага в комфортных условиях на безопасном расстоянии.

Следующим перспективным направлением развития информационно-коммуникативной оснастки современной информационной войны является интеграция (от лат. *integratio* – «соединение») – синтезирование разнородных элементов в единую среду на основе некоторых принципов. Американский исследователь М. Моффет рассматривает процессы интеграции, протекающие в обществе, через призму функционирования социальных объединений, основанных на принципах «роения» – определенный тип соединения, при котором элементы связываются между собой в одну систему, но оставаясь при этом в известной степени самостоятельными [7].

Д. Аркуилла и Д. Ронфельдт – сотрудники корпорации RAND, анализируя динамику вооруженных столкновений в истории войн, пришли к выводу, что новым видом борьбы является боевой рой – создание множества автономных, децентрализованных и диффузных подразделений, способных к нанесению ущерба в наиболее уязвимых местах противника, при этом главной целью является не физическое поражение врага, а его дезорганизация [12].

Из различных видов боевого роя, по их мнению, особой эффективностью отличаются *оппортунистический (соглашательский) рой*, представляющий собой «беспорядочные атаки» комаров, когда каждый из атакующих преследует свою собственную выгоду и *целевой рой* – борьба вирусов и бактерий с антителами в организме человека, когда целью служит иммунная система. Свою модель боевого роя исследователи предлагали применять для анализа действий партизанских и повстанческих формирований, а также для подразделений специального назначения будущего и террористическо-диверсионной войны.

Дальнейшее развитие концепция боевого роя получила в ходе широкомасштабного применения ударных БПЛА в целях поражения критически важных объектов противника на поле боя. Ярким примером здесь выступает использование дронов-камикадзе в ходе проведения СВО на Украине.

Современный этап развития концепции боевого роя связан с осознанием наличия так называемых *интегрированных коммуникаций* – представляющих собой консолидированное использование взаимоувязанных традиционных мобилизационных по своему характеру стратегий (пропаганды, агитации и др.) и маркетинговых стратегий (рекламы, брендинга, имиджмейкинга, связей с общественностью и др.) для доставления сообщений аудитории в интересах ведения информационной войны.

Теоретик медиа А. Галлоуэй предложил свою классификацию коммуникаций, основываясь на греческо-латинском пантеоне богов. Так, передача сообщения субъектом и ее интерпретация объектом, названа им *Гермесом* (посланник Зевса, доносивший его волю до людей).

Другой вид коммуникации обозначен как *Ирида* – богиня радуги, доставляющая со скоростью ветра избыточно ясные и недвусмысленные сообщения приказного характера от богини Геры ее адресатам.

Еще один вид коммуникации получил наименование *Фурий* – в римской мифологии – так зовутся яростные богини мести. Фурии – это не иерархическое единство, а самоорганизующееся множество, толпа-рой. Это переплетение проводов, шум-гул, издаваемый изменчивым сообществом взаимосвязей ризомного характера [5]. В ходе коммуникации-фурии на место явного текста или знака приходит распределенная сеть автономных агентов, множества индивидов, чьи голоса сливаются в сообщение. Человек в сети сталкивается не с подробно расписанной и аргументированной позицией, а с «расхожим мнением», представленным в виде хаотичного потока картинок, восклицаний, шуток, непроверяемых историй «из жизни» и т.п.

Роевые коммуникации действуют в едином «пакете» для получения конкурентного преимущества и осуществления комплексного влияния акторов на массовое сознание с помощью согласованных, но различных сообщений для аудиторий, относящейся к разным коммуникативным средам в целях формирования их лояльности и доверия.

Так, в ходе создания новой реальности городской войны в СВО на Украине, когда десятки тысяч людей с обеих сторон находятся под постоянными обстрелами артиллерийским и ракетным вооружением с риском для жизни, когда проводятся многомесячные разрушительные и кровопролитные штурмы крупных городов на Донбассе, удерживаемых украинскими националистами, частной военной компанией Вагнер и другими вооруженными формированиями России возникает четвертое пространство – информационное поле, в котором столкновения в духовной сфере имеют не менее ожесточенный характер. Население городов является наиболее уязвимым для информационного воздействия, поскольку оно находится между двух огней и может иногда даже действовать в соответствии со стокгольмским синдромом, поддерживая не освободителей, а боевиков, которые держат стариков, женщин и детей в качестве заложников, укрываясь за их спинами.

Из вышесказанного следует, что в условиях функционирования глобального информационного противоборства активно формируются определенные направления развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны, среди которых наиболее актуальными представляются следующие тренды: медиатизация («диффузная война» – управление информационным пространством), визуализация («меметическая война» – разработка мемкомплексов и мемовирусов), автоматизация («абстрактная машина войны» – цифровизация общества, широкомасштабное применение

роботизированных комплексов) и интеграция (применение роевых коммуникаций). В этой связи технологии информационного воздействия выходят на новый более качественный уровень, характеризующийся повышением их результативности и избирательности информационного влияния, скрытностью и оперативностью применения, а также использованием широкого спектра цифровых технологий.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
2. Дебор Э. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
3. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – С. 35.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 316 с.
5. Галлоуэй А., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. – М.: Ad Marginem Пресс, 2022. – 257 с.
6. Жигарева А.А. Визуализация социального пространства современного российского общества (социально-философский анализ): Автореф. ...дис. канд. филос. наук. М., 2011. С. 18.
7. Моффетт М. Человеческий рой. Естественная история общества. – М.: КоЛибри, 2022. – 660 с.
8. Солопов Д., Гладкова К. 10 заповедей коммуникационной войны. Как победить СМИ, Instagram и Facebook. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – С. 5.
9. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. – СПб., 1812.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. – СПб.: Олма-пресс, 2005. – С. 20.
11. Против России развязана настоящая война». Как она будет защищаться. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml?ysclid=Iffgo66kco880422151> (дата обращения: 19.03.2023).
12. Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000.
13. Giese J. StratCom. Defence Strategic Communications. Vol. 1. 2015. P. 67–75.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media. – Cambridge: Polity, 2010. – 242 p.
15. Prosser M. Memetics-A Growth Industry in US Military Operations // United States Marine Corps. 2018. 19 Feb.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES OF MODERN INFORMATION WARFARE¹

Kaftan V.V., Molodtsov I.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the main trends in the development of communication technologies of modern information warfare. Based on the analysis of the dynamics of changes in the sphere of communications and the formation of the information society, the most significant directions that pose a danger to the Russian state, society and personality in the context of the development of modern information warfare are identified.

Keywords: information warfare, ICT, mediatization, visualization, automation, integration, diffuse warfare, meme, combat swarm.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – Moscow: Postum, 2015. – 240 p.
2. Debor E. The Society of the performance. – M.: Logos, 2000. – 184 p.
3. Delanda M. War in the era of intelligent machines. – Yekaterinburg: Cabinet scientist, 2014. – p. 35.
4. Dawkins R. Egoistic gene. – M.: Mir, 1993. – 316 p.
5. Galloway A., Tucker Y., York M. Excommunication. Three essays on media and mediation. – Moscow: Ad Marginem Press, 2022. – 257 p.
6. Zhigareva A.A. Visualization of the social space of modern Russian society (socio-philosophical analysis): Abstract. ...dis. cand. philos. sciences. M., 2011. p. 18.
7. Moffett M. Human swarm. Natural History of society. – Moscow: KoLibri, 2022. – 660 p.
8. Solopov D., Gladkova K. 10 commandments of communication warfare. Facebook Instagram and How to defeat the media. – M.: Alpina Publisher, 2020. – p. 5.
9. Shishkov A.S. Reasoning about love for the Fatherland. – St. Petersburg., 1812.
10. Foucault M. To supervise and punish. – St. Petersburg: Olma-press, 2005. – p. 20.
11. A real war has been unleashed against Russia." How she will defend herself. [Electronic resource] – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml?ysclid=Iffgo66kco880422151>
12. Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000.
13. Giese J. StratCom. Defence Strategic Communications. Vol. 1. 2015. P. 67–75.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media. – Cambridge: Polity, 2010. – 242 p.
15. Prosser M. Memetics-A Growth Industry in US Military Operations // United States Marine Corps. 2018. 19 Feb.

¹ The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Коренева Александра Юрьевна,

к.ф.н., старший преподаватель Департамента коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Email: AYKoreneva@fa.ru

Безмолвие музейного посетителя в процессе осмотра экспозиции воспринимается как культурная норма. Кроме этого, соблюдение тишины в музейном зале является правилом поведения, закрепленным документально практически в каждом музее. Это этикет, но, вместе с тем, и определенный сложившийся на протяжении истории дискурс музейной деятельности. Статья ставит вопрос о возникновении данной культурной и социальной нормы. Отношение человека к музейным экспонатам и поведение возле них менялось вместе с преобразованиями в обществе, появлением новых идеалов, а также с изменением музейной формы как таковой.

Ключевые слова: музейное пространство, тишина, безмолвие, молчание, музей XXI века, современный музей.

Идея тишины сопровождала публичный музей с момента его основания. Однако не всегда тишина в привычном нам понимании означала обязательное условие не шуметь рядом с произведением искусства. Понимание тишины в контексте музейной деятельности менялось вместе с изменением формы музея. Греческий Музейон (или храм Муз) нельзя сравнить с Лувром Первой империи Наполеона, поскольку музеи в разное время выполняли несходные функции в обществе. Можно сказать лишь одно: молчание в музее было институционализировано.

Анализ, приведенный в статье, позволит понять, какую роль тишина играла ранее и играет сейчас в музее. Данная статья ставит своей целью рассмотрение тишины как философского феномена применительно к музейной деятельности.

Р. Мейсон, в контексте музейной деятельности, выделяет восемь способов рассмотрения тишины:

- 1) тишина в музее, выраженная в дизайне;
- 2) навязанное музеем молчание извне (например, со стороны властей);
- 3) историческая перспектива тишины в музее;
- 4) договоренность музеев вместе «молчать» о чем-то;
- 5) косвенная причастность музеев к тишине;
- 6) молчание музеев, потому что «им нечего сказать»;
- 7) молчание музея как дань уважения;
- 8) общественность музея, желающая молчать по какому-либо вопросу [12].

В статье я буду опираться на исторический аспект и анализ дискурса тишины в музее на протяжении существования музея как социального института.

Сперва следует обратиться к понятиям молчания и тишины, посмотреть, чем они схожи, и чем отличаются. «Молчание – золото» – гласит известная пословица. Молчать – сохранять ценность информации, слов, собственное достоинство, чтобы избежать конфликтов и потерь. Молчание выступает своего рода социальным феноменом, имеющим место в обществе, где есть взаимодействие индивидов друг с другом. Где есть молчание, есть и другая сторона – общение. Одно противопоставляется другому. Молчание, по Ушакову, – отсутствие разговора [10]. Важное уточнение дается в словаре Ефремовой: «Молчание – отсутствие публичных высказываний о чем-то» [4]. Эта характеристика имеет аспект публичности, ведь можно вести внутренний диалог. Тем не менее, молчание – прежде всего коммуникативный акт.

Тишина же – понятие философское, не обязательно сопряженное с социальными характеристиками. Тишина – это нечто, совсем не ничто. «Ex nihilo nihil fit» – знаменитое изречение Парменида, говорящее о том, что ничего не происходит из ничего. Физические характеристики тишины – это, конечно, отсутствие звуков, безмолвие.

Если рассматривать феномен тишины шире, оказывается, что это нормальное, привычное состояние покоя как для живого организма, так и для природного объекта. Органы человека находятся в тишине в своем спокойном, здоровом состоянии. Для камня находиться в тишине – совершенно нормальное явление. В платоновском диалоге «Эвтидем» обсуждается проблема молчания [9]. Камни, по мнению софиста в этом диалоге, молчат, но своей же тишиной они говорят. То есть молчание способно говорить.

Такой подход тесно соприкасается с буддистской интерпретацией тишины, где тишина является нормальной средой для созерцания, молитвы, медитации. Шум мешает тишине, но не наоборот. Воплощением этого является практика Випассаны – хранение тишины в течение 10 дней. Современные люди прибегают к этой практике, ограничивая себя в использовании Интернета, общении через мессенджеры, социальные сети. Происходит отказ от общения в угоду тишине.

Не только в восточной традиции существует искусство размышления в тишине, но и в западной: его название *ars meditando*. В XVI–XVII вв. тишина была обязательным условием для общения с Богом. К уединению во время молитвы стремились не только в церквях и монастырях, но и в обыденной жизни. В распространение идей внутренней молитвы внесли в разное время вклад Марк Фумароли, Луи Гренадский, Игнатий де Лойола, Аббат де Рансе, и др. [56]. Вероятно, отсюда и появилось желание иметь личную комнату, пространство, где человек мог бы оставаться наедине с собой. Идеал уединенного пространства появляется также приблизительно в XVII в [6].

Тишина традиционно становилась необходимым условием для творческого вдохновения. Уединяясь, отстраняясь от мира, гении создавали некоторые из своих шедевров в тишине. Многие писатели и поэты развивали тему тишины, наделяя ее особым смыслом в традиции романтизма. Тишина рассматривалась ими как уединенность, особая атмосфера для того, чтобы глубже прочувствовать действительность, придя к самому себе. Р. Рождественский в стихотворении «Тишина» противопоставляет тишину камыша и «орущий, разболтанный мир»:

*«Так тихо, что стыдно глаза распахнуть и на землю ступить.
Так тихо, что страшно.
Так тихо, что ноет спина.
Так тихо, что слово любое сказать – все равно что убить.
Визжащий, орущий, разболтанный мир заболел тишиной» [8].*

В. Брюсов обожествлял тишину, используя ее ангелом:

*«В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охраня!» [2]*

А. Блок романтизирует момент тишины, связывая его с любовным волнением:

*«Я тишиною очарован
Здесь – на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине» [3].*

Тишина рассматривалась писателями и поэтами и как среда для романтических переживаний, размышлений и рефлексии, и как траур. Во многих случаях тишина напрямую была связана с описаниями природы: «Молчание небес, струись же светом к нам!», «Все, что есть в природе, исполнено тишины и является ее источником». Более всего авторы проникаются тишиной ночи, под луной, в лесу, а также в пустыне [2, 3].

Если говорить о музеях, тишина не всегда являлась необходимым условием для экспозиций. Стоит проанализировать, как изменилось отношение к тишине в музеях как со стороны музейных посетителей, так и в отношении самих экспонатов. Так, например, концу XVIII в. присуще некое «немое благоговение» перед произведением искусства, немое созерцание, чему учатся люди того времени в музеях. Изменения в поведении происходят не только в музеях, но и в театрах. Э. Ван Кессель назы-

вает это «топосом тишины», который определил дискурс критического рассмотрения художественного музея того времени и поведения в нем [13].

Начиная с Древней Греции и до XVIII в., отношение к предметам искусства было иным. Люди воспринимали объекты не как что-то, чем нужно восторгаться и выносить на пьедестал, а как нечто, включенное в их жизнь. Вокруг статуй шли бурные дискуссии, люди могли смеяться, громко выражать эмоции. В эпоху Античности, в частности, обсуждая искусство, жители полисов соревновались в риторике. То есть, присутствовал дискурс агона – соревнования.

Ван Кессель пишет, что до 1750 г. разговорный жанр был преобладающим в обсуждении искусства. Не было идеала «высокого искусства», не было и понимания работ художников и скульпторов как необъятных и неопишуемых. В целом, как живопись, так и поэзия должны были просто убеждать публику в чем-либо определенном. Ван Кессель называет такую модель взаимодействия с искусством риторической. XVIII в. рождает новую атмосферу «погружения в тишину», немного созерцания для подлинного прочувствования сообщения автора [13].

Появление первых «требований» по соблюдению режима тишины в музее связано с открытием Лувра в 1793 г. С 1803 по 1814 г. этот музей имел второе название – «Музей Наполеона», и был призван подчеркивать силу, власть и могущество личности Наполеона Бонапарта, а также всей Французской Республики. Коллекция музея представляла собой результат многочисленных завоеваний того времени: привезенные из стран Европы трофеи и диковинные экспонаты из более экзотических мест. Впоследствии множество из этих экспонатов пришлось вернуть. Музей в то время ассоциировался с военной мощью, и его состояние всецело зависело от успехов армии Наполеона. Сама архитектура музея была направлена на то, чтобы вызывать у посетителей чувство возвышенного: длинные светлые галереи Лувра приводили к той или иной статуе [13].

В 1813 г., за год до первого поражения Наполеона, возле Лувра прошел крупный военный парад, свидетелем которого стал писатель О. де Бальзак. Современник Наполеона описывает парад как нечто монолитное, статичное, представляющее собой «тишину и молчание как торжество буржуазной нормы» [13].

Грабежи, мародерство, захват предметов искусства по всей Европе не осталось незамеченным, и, после смерти Наполеона, Лувр вернул часть произведений искусства на их родину. Изъятие предметов из привычной среды и помещение их в музей было подобно захоронению. Свидетели этого процесса говорят о своей молчаливости и сочувствии в присутствии экспонатов. А. Картмер-де-Кенси, французский архитектор, историк искусства и философ говорил о том, что революция превратила искусство в историю, а помещение предметов в стены музея лишило их жизни. Он настойчиво выступал против деконтекстуализации [13].

Похожие с ним взгляды на музееведческую модель статичного экспонирования имел немецкий поэт-классик Иоганн Вольфганг фон Гете. Будучи крупным коллекционером, в своем доме в Веймаре он постоянно менял экспозицию работ, обсуждал их, снимал слепки, приглашал публику к оценке. Он полагал, что неизменность, статичность экспозиции порождает замкнутость посетителя в себе, так как все вокруг оказывается лишено движения и динамики [13].

Идея молчания объектов, выхваченных из естественной среды, фигурирует у А. Мальро в его работе «Голоса безмолвия». Мальро говорит о том, что, если картины и можно привезти в музей, то их среду – стены домов,

где они висели прежде, мастерскую художника, транспортировать нельзя [7]. Ни один музей не может перевезти Сикстинскую Капеллу. Поэтому, по его мнению, существует некое молчание в музее: безмолвствуют экспонаты, потому что не могут выполнять свои функции в естественной среде. Экспонаты находятся словно в заточении. Здесь, каковы бы ни были требования по поведению внутри музея со стороны сотрудников – строгие или не очень, тишина происходит от объектов.

Строго говоря, идея молчания как смерти музейных экспонатов уходит корнями в кабинеты удивительных вещей и кунсткамеры, столь популярные в XVII в. Чучела птиц и животных, привезенные из захваченных колоний, человеческие органы в кунсткамере представляли собой в некотором смысле кладбище.

В XX в. в музееведении появляется антагонистическая идея – концепция «живого музея» или «полезного музея». Ее автором в 1917 г. выступает Дж.К. Дана, американский музеолог. Согласно этой концепции, музей призван служить во благо той общины, где он находится [11].

Идея «живого музея» встречается и у русского философа П. Флоренского [1]. В его понимании, музей должен существовать как целостный ансамбль. В качестве живых музеев Флоренский предлагал рассматривать церковные комплексы, например, Троице-Сергиеву Лавру. В таком случае сохраняется храмовое сакральное пространство, на территории монастыря живут люди, которые своим духовным подвигом вносят вклад в жизнь музея.

«Тишина бывает скучной. Кому не приходилось испытывать в тишине чувство отчужденности, дискомфорта, а порой даже страха», – пишет Э. Кагге [5]. Сегодня музеи мира постоянно совершенствуют свои образовательные практики, пытаются донести информацию до посетителей самыми изощренными, понятными ему путями. Существует множество интерактивных форматов взаимодействия с музейными посетителями: квесты, викторины, обсуждения в группах, семинары, празднование дней рождений и свадеб в музее. «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало», с одной стороны, так можно охарактеризовать попытки музеев «достучаться» до широкой аудитории, адаптируясь к ее потребностям. С другой стороны, меняется форма музея: вместо кладбища и застывшего мемориала, святилища, храма муз, он становится коммуникационной площадкой города.

Современный музей приглашает своего посетителя к общению. Музей понимает, что в споре иногда рождается истина, что обмен мнениями приводит к повышению заинтересованности и вовлеченности. Если единственный способ заинтересовать молодежь – создавать активности в музейном аккаунте в социальных сетях, музей готов это делать, чтобы «расшевелить» даже самого отстраненного и апатичного подростка.

В связи со сменой формы музей меняет и привычные классические стандарты поведения на более демократичные. Тишина постепенно сменяется гомоном и разговорами среди музейных экспонатов. Несмотря на негласное правило соблюдения тишины в музее, множество современных музеев самостоятельно задают такие форматы, где в экспозиционном зале риторический и агональный жанр выходят на первый план. Например, дискуссионные клубы, занятия для детей, при которых допустима громкая речь. В целом, интерактивность расширяется и приветствуется. Чем более музей ориентирован на просветительскую деятельность, тем больше новых форматов и программ, вовлекающих аудиторию, появляется в нем.

Музей естественной истории в Лондоне предлагает занятия йогой и тай-чи в известном большом зале, где выставляются скелет мамонта и кости динозавров. С одной стороны, эти занятия не являются слишком шумными и также предполагают концентрацию, с другой стороны – это кардинально новый подход к поведению музейного посетителя. Он уже не должен молча и скромно передвигаться вдоль экспонатов, он может сделать акцент на совсем другом занятии, находясь при этом физически в стенах музея.

В качестве другого интересного примера можно привести «тихую дискотеку», проводимую также Лондонским Музеем естественной истории. Здание музея используется для самой настоящей дискотеки, включающей в себя подсветку стен и потолка, приглашенных диджеев, работу бара с алкогольными напитками. Единственным отличием от ночного клуба является то, что посетители танцуют и слушают музыку в наушниках. Таким образом, реализуются потребности общества и не нарушается тишина в музее. Это, на мой взгляд, служит прекрасной иллюстрацией того, как меняется форма музея. Складывается мнение, что классический музей давно уже вышел за пределы своих стен, ему мало и тесно находится только лишь в рамках экскурсионного формата.

Музей естественной истории Филда проводит в вечернее время свадьбы и помолвочные церемонии. Они проходят вне большого потока посетителей, и возникает вопрос о том, существует ли режим тишины сам по себе или только во время работы музея. Данный вопрос провоцирует размышления о природе тишины в музее. Конечно, она видится как, во-первых, административная мера по снижению рисков порчи объектов культурного наследия, и, как уже было установлено ранее, как курс поведения, сформированный в XVIII в.

Актуализируется тенденция возврата музея к его более ранней форме – греческому Мусейону (Храму Муз), где культ поклонения богам соседствовал с общественными мероприятиями. В целом, мегаполисам сегодня присуща многофункциональность культурных площадок, которые становятся местами для общения, встреч, обмена опытом и знаниями. Такие места привлекают разные целевые группы и подстраиваются под потребности каждой. Музеи, без сомнения, лидируют в этом отношении. И, если в XX в., люди шли в музей исключительно за знакомством с прекрасным, знаниями, вдохновением, то сейчас целью посещения музея может быть проведение времени с друзьями, участие в культурном проекте, инициативе, флешмобе, поход в кафе. Можно посетить кафе музея, поработав там за компьютером, даже не заходя в основной зал музея. Косвенным и прямым образом, конечно, происходит знакомство с экспонатами музея.

Тишина в музее постепенно сменяется дискуссией. Пока многие из российских музеев еще являются приверженцами классической модели нахождения в музее, мировая практика показывает все новые способы взаимодействия музея с посетителем. В традиционной среде в некоторых случаях это воспринимается как некая революция, вызов устоям, риск испортить предметы старины. Можно отметить связь между упрощением норм музейного поведения и стиранием границ в межличностном поведении в целом. То есть, как подростки начинают вести себя более свободно со взрослыми, так и музейные посетители приобретают все больше смелости и свобод в музейном пространстве. При этом, речь не идет о вандализме. Музеи сами придумывают такие форматы общения с посетителем, чтобы заинтересовать его в полной мере без ущерба для экспонатов.

Литература

1. Алексеева Л.С., Оленич Л.В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 28. – С. 111–121.
2. Блок А.А. Полное собрание сочинений в 22 томах. – М.: Наука, 1999. – Т. 4. 390 с.
3. Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. – Ленинград: Советский писатель, 1961. – 341 с.
4. Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
5. Кагге Э. Тишина в эпоху шума: Маленькая книга для большого города / Пер. с норв. – 2-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2022–151 с.
6. Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней / Пер. с фр. О. Поляк. – М.: Текст, 2020. – 141 с.
7. Мальро А. Голоса безмолвия. – М.: Наука, 2012. – 871 с.
8. Рождественский Р. Избранное. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 278 с.
9. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 367 с.
10. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
11. Dana J.C. The new museum. – Woodstock: Elm Tree Press, 1917. – 56 p.
12. Mason R. Bringing museal silence into focus: eight ways of thinking about silence in museums // International Journal of Heritage Studies. 2018. № 25 (2). P. 1–16.
13. Van Kessel E. The role of silence in the Early Art Museum // Deutsches Forum für Kunstgeschichte. – München: Deutscher Kunstverlag GmbH. 2015. P. 169–183.

MUSEUM AND SILENCE: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

Koreneva A.Y.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The silence of a museum visitor while viewing an exhibition is perceived as a cultural norm. In addition, maintaining silence in the museum space is a documented rule in almost every museum. This is etiquette, but at the same time a certain discourse that has developed throughout history. This article raises the question of the emergence of this cultural and social norm. A person's attitude towards museum exhibits and behavior around them changed along with society transformation. New ideals affected the museum form as such.

Keywords: museum space, museum, silence, museum in XXI, modern museum.

References

1. Alekseeva L.S., Olenich L.V. Pavel Florensky' concept of «living museum» and forms of existence of modern church museums // Bulletin of Kemerovo State University of culture and arts. – 2017. – № 28. – P. 111–121.
2. Blok A.A. Complete works in 22 volumes. – M: Science, 1999. – Vol.4, 390 pp.
3. Brusov V. Poems and poetry. Poets' library. Big series. – Lenin-grad: Soviet reader, 1961. – 341 pp.
4. Efremova T.V. Modern explanatory dictionary of Russian language: in 3 volumes. – М.: AST, Astrel, Harvest, 2006.
5. Kagge E. Silence in the era of noise: A small book in a big city / Translation from Norwegian – 2nd edition – М.: Alpina Publisher, 2022–151 pp.
6. Korben A. The history of silence from the Renaissance to now-days / Translated from French by O. Polyak. – М.: Text, 2020. – 141 pp.
7. Malraux A. The voices of silence. – М.: Science, 2012. – 871 pp.
8. Rozhdestvensky R. Selected poems. – Rostov-on-Don: Phenix, 1997. – 278 pp.
9. Plato. Dialogues. – М.: Thought, 1986. – 367 pp.
10. Ushakov D.N. The explanatory dictionary of modern Russian language / D.N. Ushakov. – М.: Adellant, 2014. – 800 pp.
11. Dana J.C. The new museum. – Woodstock: Elm Tree Press, 1917. – 56 p.
12. Mason R. Bringing museal silence into focus: eight ways of thinking about silence in museums // International Journal of Heritage Studies. 2018. № 25 (2). P. 1–16.
13. Van Kessel E. The role of silence in the Early Art Museum // Deutsches Forum für Kunstgeschichte. – München: Deutscher Kunstverlag GmbH. 2015. – P. 169–183.

Функции мысленного эксперимента в античной философии: на примере военно-исторических источников с VIII в. до н.э. до IV в.н.э.

Добронравова Ульяна Владимировна,

кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт
E-mail: ulianazhilina@mail.ru

В статье на основе античных художественных, философских и военно-исторических источников, охватывающих период с VIII в. до н.э. до IV в.н.э., рассматриваются функции мысленного эксперимента в культуре военного мышления и военном искусстве Древней Греции и Древнего Рима. В ходе исследования были выделены следующие функции мысленного эксперимента в античном военном искусстве: онтологическая, коммуникативная, дидактическая, герменевтическая и мировоззренческая. Автор показывает, что переход от планирования и прогнозирования военных действий на основе мифологического мировоззрения к планированию и прогнозированию на основе мысленного эксперимента является фундаментом стратегии и тактики Античности. Утверждается, что цивилизации, которые раньше и полнее овладели методом мысленного эксперимента, сумели получить военное и мировоззренческое преимущество над своими противниками, которые не использовали этот метод или же использовали его не так эффективно. Подчеркивается, что военное превосходство военных культур Античности, опирающихся на метод мысленного эксперимента, в значительной степени определило развитие современной цивилизации и ее облик.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, методология науки, философия науки, военная наука, Античность, стратегия, тактика.

Введение

Война, несмотря на все свои ужасы, на протяжении истории человечества является неразлучной спутницей мира. Именно война во многом определяет облик и порядок того мира, в котором мы живем. Эта мысль не нова, в VI в. до н.э. ее высказывал Гераклит [1], подразумевая под войной не только наиболее острую форму социального конфликта, но суть всех природных процессов. Как бы банально и, возможно, цинично, это не звучало, но если войны не избежать, то лучше в ней одержать победу, нежели поражение. Поэтому задачей первостепенной важности военной науки является выработка наиболее эффективной методологии познания мира. Такой методологии, которая позволит наиболее адекватно описывать действительность, прогнозировать ее изменения, готовиться к ним, а также менять эту действительность в соответствии со своими нуждами.

Любое предсказание в области военной мысли должно происходить на рациональной, научной основе. И основным методом предсказания в военной науке является мысленный эксперимент, который позволяет учитывать максимально большее количество существующих факторов, делать на их основе прогнозы развития событий и готовиться к ним. Под мысленным экспериментом в данной статье мы будем подразумевать особую теоретическую процедуру, заключающуюся в получении нового или проверке имеющегося знания путем конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно условно задаваемых ситуациях.

Несмотря на то, что термин «мысленный эксперимент» был введен в язык философии и науки Э. Махом [11, с. 194], а начало его применения связывается, как правило с именами Г. Галилея и Гюйгенса [3, с. 4; 11, с. 195–197], основы этого метода были заложены в древности в связи с необходимостью познавать объекты, недоступные и даже опасные для чувственного познания, а именно – объекты военной действительности.

В данной статье мы обратимся к истокам мысленного эксперимента в античной военной мысли для того, чтобы показать, как на заре военно-научного знания способность к мысленному эксперименту определяла поведение отдельных военачальников, избранную ими тактику и стратегию, а также знаменовала переход к новому типу мировоззрения. В статье будут в исторической перспективе представлены функции мысленного эксперимента в военном искусстве Античности, обращение к которым, в конечном итоге, определило развитие человеческого мышления вообще.

Онтологическая функция (построение сценариев развития событий и подготовка к ним)

Какие бы мифологические, религиозные, философские, художественные образы не управляли человеческим мышлением и воображением, в какие бы идеалы людям не хотелось бы верить, война и боевые действия заставят столкнуться отдельных людей и целые цивилизации с действительностью такой, какая она есть.

В этой связи основой военной мысли является максимально полное и ясное осознание действительности такой, какая она есть, а не такой, какой хотелось бы ее видеть. Только осознав и приняв существующую действительность, удастся вывести из этой действительности как можно более полный ряд возможностей, взаимодействовать с действительностью таким образом, чтобы подготовиться к этим возможностям, а также создавать новые возможности и новую действительность, исходя из существующих потребностей. Война является онтологическим и экзистенциальным фактором человеческого бытия.

В труде посвященном Пелопонесской войне, участником которой он был сам, Фукидид неоднократно выражает симпатии в отношении афинского стратега Перикла. Именно Перикл еще до наступления войны разработал ее стратегию. Он понимал, что афинянам будет невозможно победить спартанцев и их союзников на суше, что стратегия сокрушения в текущих условиях не работает. Исходя из этого он видел возможной лишь стратегию измора, причем сухопутных войскам пелопонессцев он противопоставил военный флот афинян. Он убедил афинян в необходимости покинуть свою землю и жилища за пределами стен города, ограничиться обороной, не вступать в бой с сухопутными силами пелопонессцев и начать войну на море, где афиняне превосходят спартанцев. Сценарий Перикла включал географические, экономические, политические, материально-технические, военно-политические и даже психологические условия ведения войны. Перикл видел действительность куда полнее и сложнее, чем его предшественники и многие современники. Именно это делало его стратегию выигрышной. Для сравнения: на советах пелопонессцев и спартанцы, и их союзники, в противоположность Периклу, подчеркивали бессмысленность предварительного планирования, утверждая, что на войне всё решает мужество и случай [4, с. 52].

Стратегия Перикла, основанная на мысленном эксперименте, в итоге оказывается успешной, несмотря на внезапно постигшую афинян чуму и тяготы измора. По крайней мере она позволила афинянам удачно завершить первую половину войны на приемлемых для них условиях: пелопонессцы первыми запросили о мире после поражения в сражении у Пилоса [4, с. 169]. И именно с отходом от стратегии Перикла и переходом к бездумным, нерациональным действиям, связывает Фукидид поражение афинян в продолжении Пелопонесской войны [4, с. 92].

Большинство мысленных экспериментов в области тактики и стратегии исходит из наличной действительности и на основе ее позволяет выводит возможности и прогнозировать сценарии развития событий. Однако в античных военно-исторических источниках присутствует и своего рода инвертированный мысленный эксперимент, который идет не от действительности к возможности, а от необходимости к возможностям и только потом – к действительности. Такой мысленный эксперимент сначала позволяет представить наилучший, идеальный вариант развития событий, вывести из него возможности и затем предложить способы достижения этого идеального состояния или события.

Известно, что античная военная теория развивалась в русле античной же философии, характерной чертой которой являлась страсть к идеальному статичному миру, вечному и неизменному космосу, в котором есть место лишь должному. Наверное, именно поэтому даже в трактате «О перенесении осады» Эней Тактик [5, с. 44] уделяет огромное внимание идеальным представлениям о том, как должно организовывать перенесение

осады, как должны быть построены отряды, как проходить через опасную местность, как расставить патрули, как использовать свободные пространства в городе и пр. Предлагая идеализированный образ обороны города от осады, Эней Тактик затем показывает, какие следствия возможны, если эти требования соблюсти, и какие варианты событий возможны, если требования эти не соблюдать.

Такой же подход военные историки отмечают и в трудах римского автора Арриана (I–II вв. н.э.), который стремился не столько дать реальную картину эллинистических армий, сколько из идеальных категорий, имен и чисел [6, с. 41]. Подобно тому, как для Платона существовал идеальный вневременной образец государства, так и для Арриана (как и для большинства античных военных теоретиков) существовал вневременной идеал армии, который, скорее, соответствовал эпохе поздней классики [6, с. 42]. Исходя из подобных идеальных представлений об армии, Арриан создает практическое руководство для применения в боевых действиях.

Таким образом, мысленный эксперимент в античной военной мысли позволял, с одной стороны, максимально полно осмыслить действительность и на основании этого вывести ряд возможностей, а с другой стороны, мысленный эксперимент ориентировал военную мысль на необходимость, которая, в свою очередь, позволяла конструировать новые возможности и посредством этого изменять действительность.

Коммуникативная функция

Из онтологической функции мысленного эксперимента исходит следующая – коммуникативная функция, которая связана с управлением и убеждением. Мысленный эксперимент, проведенный коллективно, обладает свойством интерсубъективности и способен убеждать и принуждать участвующих в нем людей к соответствующим действиям, причем таким образом, что они будут считать это решение своим. Эта функция мысленного эксперимента особенно актуальна в демократических структурах, какими были военный совет Афин, или наемное войско Клеарха, а затем и Ксенофонта. Вопрос дисциплины и управления в демократических культурах вообще стоял остро. Ведь даже, когда во время Пелопонесской войны Демосфен хотел укрепить Пилос, ему не с первого раза удалось убедить в этом стратегов и воинов. И лишь когда из-за непогоды воины оказались заперты в гавани, они решили «со скуки» выполнить распоряжение Демосфена [7, 214]. Таким образом, управлять войском, основанном на демократических началах, исключительно при помощи дисциплинарных мер было затруднительно. Нужен был инструмент, который подчинит военачальнику разум войска. И таким инструментом стал метод мысленного эксперимента.

Фукидид подчеркивает, что наилучшими стратегами являются те, которые умеют в кратчайшие сроки на основании даже незначительного числа исходных данных предвидеть развитие событий, принимать на основании этого решения и убеждать в этом других [4, с. 60]. Мысленный эксперимент в данном случае обладает потенциалом объяснения и выступает в качестве залога взаимопонимания. Если процедура выполнена верно, все участники мысленного эксперимента либо дополняют его новыми вводными данными и пытаются выстроить новые сценарии развития событий, либо вынуждены добровольно, на рациональных основаниях, соглашаться с результатом мысленного эксперимента своего товарища.

Активно используют метод мысленного эксперимента для убеждения и управления своими подчиненными

и полководцы, представленные в «Анабасисе» Ксенофонта [8]. Им приходилось тем труднее, поскольку время на размышление и подготовку к сражению у них было весьма ограничено, а управлять приходилось наемниками, которые в любой момент могли поднять мятеж или перейти на сторону противника.

Ксенофонт после гибели Клеарха и других стратегов выступил перед войском, предложил себя на роль полководца, описал дальнейший путь их выхода из чужой страны и при этом предложил высказаться каждому желающему. Поучаствовать в мысленном эксперименте Ксенофонта можно было всем. Можно было добавить новые вводные, предложить новые возможности развития событий. В противном случае, если участники мысленного эксперимента ничего не добавляют, им оставалось добровольно согласиться с тем результатом, к которому они пришли под руководством Ксенофонта.

В античной военно-исторической литературе замечен переход от доверия к военачальнику, который ведет за собой войска благодаря личному мужеству, отваге, физической силе и героизму, к доверию к военачальнику, основанному на его успешной мыслительной деятельности и способности принимать верные решения за огромное количество людей, решая тем самым судьбу государства. Если эллинические войска еще нужно было постараться убедить в необходимости определенных военных действий, и даже таким выдающимся полководцам, как Фимистокл, Перикл и Ксенофонт это не всегда давалось легко, то уже Полибий отмечает: «В это время и в Риме все поняли, насколько предсмотрительность полководца и умно рассчитанный определенный план выше солдатской суетной опрометчивости» [9, с. 474]. Арриан, описывающий поход Александра Македонского, неоднократно приводит примеры того, как в очень сжатые сроки Александр на основании незначительных исходных данных мог предсказывать будущее развитие событий и готовить к ним свои войска. Именно эта его способность порождала в солдатах безграничную веру в своего полководца и его божественную одаренность [10, с. 15, 206]. Там, где для человека без навыков мысленного экспериментирования существует лишь набор не связанных друг с другом явлений, полководец видит целостную многогранную картину во всей совокупности причинно-следственных связей. Мысленный эксперимент позволяет ему максимально полно видеть действительность во всем ее многообразии и выводить из нее максимально большее число возможностей, что помогает ему влиять на действительность и создавать новые возможности.

Ведущим способом военного мышления мысленный эксперимент стал и для Юлия Цезаря, труды и военные успехи которого стали вершиной античной военной мысли. Цезарь пишет в «Гражданской войне»: «Ведь задача полководца – побеждать столько же умом, сколько мечом» [11, с. 258]. Особую ценность ума полководца Цезарь видит в том, что он позволяет сохранить как можно больше солдатских жизней, что, в свою очередь, вызывает доверие воинов к полководцу.

Позже, на излете Античности ту же мысль излагает Флавий Вегетий Ренат. Он пишет про взаимосвязь между способностью полководца выстраивать ясные долгосрочные прогнозы и доверием к нему солдат: «... у войска растут храбрость и мужество, особенно если они понимают, что метод предстоящего сражения таков, что они могут надеяться легко добиться победы» [12, с. 334].

Итак, способность военачальника успешно, полно и ясно проводить мысленный эксперимент, позволяет выстраивать на этой основе качественное управление подчиненными, основанное не на страхе, а на интеллектуальном принуждении и доверии.

Герменевтическая функция

Из задач управления войском непосредственно вытекают задачи, связанные с пониманием и толкованием. Военачальник должен уметь понимать замыслы противника, чтобы разбить их еще до их реализации. Иными словами, ему необходимо обладать способностью проявлять конгенальность в отношении противника.

У Фукидида показано, как спартанцы поняли, что афиняне не охраняют одну из гаваней в Пирее, понадеявшись на свое морское господство, и разработали план нападения на эту гавань. Так Брасид и другие пелопонесские начальники буквально поставили себя на место противников, «примерили» на себя те условия, в которых они находятся – безопасность, господство на море, уверенность в неуязвимости – и в соответствии с этим разработали успешный план захвата гавани [4, с. 107].

Полибий также подчеркивает, что важнейшая задача военачальника заключается в том, чтобы «постигнуть характер и наклонности неприятельского вождя» [9, с. 451]. И именно эта способность, по его мнению, была присуща карфагенскому полководцу Ганнибалу, который расстраивал планы противника, поскольку заранее мог их предвидеть и подготовиться к ним, а также принять контрмеры [9, с. 463].

Способность при помощи мысленного ставить себя на место противника и предсказывать его планы позволяет полководцу, по сути, управлять мыслями этого противника. Так, Цезарь [11, с. 194] пишет о том, как его соратник Лабизн внушал врагам мысль о трусости собственных отрядов и для этого приказал снять лагерь с места с большим шумом и беспорядком. Галлы (как и рассчитывал Лабизн) приняли такое поведение римлян за бегство, и опрометчиво решили, не дожидаясь союзных войск германцев, напасть на отступающее римское войско. Лабизну таким образом удалось заманить галлов на противоположный берег реки, после чего он развернул свой отряд и без труда в удобном для себя месте разбил галлов.

В случае, когда оба полководца, представляющие конфликтующие стороны, обладают большим опытом и используют мысленный эксперимент для того, чтобы предугадать и предупредить замыслы противника, возникает нечто вроде «битвы» мысленных экспериментов, или рефлексивной игры [11, с. 335].

Итак, мысленный эксперимент в военном искусстве Античности стал фундаментом научной основы понимания другого в условиях, когда этот другой вовсе не хочет быть понятым и предпринимает для этого все возможные средства. При этом полный и точный мысленный эксперимент позволяет не только проникать в замыслы противника, но и при определенных обстоятельствах, управлять этими замыслами.

Дидактическая функция

Способность планировать собственные действия и прогнозировать действия противника на основе мысленного эксперимента в Античности свидетельствовала о божественном даре или даже происхождении полководца. Хотя уже Сократ в воспоминаниях о нем Ксенофонта настаивает на том, что государство должно быть заинтересовано в специальном образовании людей, которым однажды придется защищать город. И лучше, чтобы они были к этому подготовлены, а не действовали по воле случая [13, с. 94]. Тем не менее, возможность и необходимость целенаправленного обучения и подготовки стратегов, обладающих соответствующими интеллектуальными способностями, еще не вполне осознавалась. И все же

с накоплением военного опыта историки, философы и военные теоретики стали понимать, что успешные и даже неуспешные мысленные эксперименты можно использовать в качестве дидактического материала для обучения военному мышлению.

Труд Энея Тактика [5, с. 44, 47] в IV в. до н.э. почти целиком посвящен обобщению накопленного военного опыта и попытке передать его, обучить потенциальных военачальников. Эней Тактик предложил универсальные ситуации, которые могут возникнуть при обороне города, описал возможные сценарии развития событий и способы подготовиться к ним. В данном случае можно утверждать, что мысленный эксперимент, успешно проведенный однажды, основанный на максимально полном описании действительности и позволяющий выявить максимально большее количество возможностей, приобретает статус интересубъективности и всеобщности, может выступать в качестве универсального пособия для обучения.

Интерсубъективность и воспроизводимость мысленного эксперимента позволяют не только передавать его в качестве накопленного и обобщенного социального опыта, но и критически пересматривать события прошлого, проводить работу над ошибками. Полибий во «Всеобщей истории» пишет: «Во всяком случае Эвклид при виде наступающих войск не воспользовался выгодами местоположения, именно: ему следовало бы много раньше выйти навстречу неприятелю и напасть на него, смешать и расстроить ряды его, затем самому беспрепятственно отступить шагом к высотам. Таким способом действий он заблаговременно уничтожил бы преимущества вооружения и боевого строя врагов и благодаря удобствам занимаемого положения легко заставил бы их оборонить тыл. Ничего из этого Эвклид не сделал» [9, с. 428–429]. Таким образом, мысленный эксперимент, рассматриваемый в исторической перспективе, постепенно перестает восприниматься как непостижимый дар свыше, божественное озарение, а превращается в рациональный, социально закреплённый, воспроизводимый, алгоритмизированный инструмент познания военной действительности.

Необходимость целенаправленно обучать военачальников и войско думать самостоятельно, принимать решения на основе мысленного эксперимента, со временем привела к разработке военно-исторических трудов, которые представляли собой не только историко-философское описание военных действий, но и нечто вроде учебного пособия. К числу подобных пособий можно отнести труд философа I в.н.э. Оносандра «Стратегикос», или «Наставление военачальникам» [14], а также труд II в.н.э. полководца и мыслителя Секста Юлия Фронтиня «Стратегемы», в котором он излагает образцы удачных решений полководцев прошлого с целью обучить полководцев будущего [15, с. 150].

Можно утверждать, что по мере развития военной мысли и военного искусства Античности росло понимание необходимости закрепления образцов не только боя, вооружения и экипировки, но и мышления. В этой связи, ближе к концу эпохи Античности подробно разрабатываются «инструкции», «учебно-методические пособия» по ведению боевых действий, осаде городов и защиты от осады, которые вполне можно считать проектами того, что в будущем получит название «воинских уставов» [12].

Итак, вместе с развитием военного искусства возрастает и осознание высокой роли мысленного эксперимента в нем. Мысленный эксперимент перестает восприниматься как дар свыше и озарение, доступное лишь великим полководцам полубожественной природы, ста-

новится очевидно, что это – мысленная операция, которую может воспроизводить множество людей. Тогда как эмпирический эксперимент в Античности был еще недоступен в военной практике, по крайней мере, статусом воспроизводимости он точно не обладал, мысленный эксперимент удачно выполнял задачи не только осмысления действительности, но и накопления опыта ее осмысления, а также передачи этого опыта в форме обучения.

Философско-мировоззренческая функция

Изучая античные тексты, посвященные войне, можно обратить внимание на то, как менялись подходы к прогнозированию военных действий и принятию на их основе решений. В этой связи уместно говорить о том, что начало использования мысленного эксперимента в военном искусстве знаменовало переход от мифологического типа мировоззрения к философско-научному, рождение нового способа осмысления действительности и взаимодействия с ней. Война, военные действия заставляют человека столкнуться с действительностью такой, какая она есть, без покрова иллюзий и мифов. И успешнее в войне тот, кто сумел подойти к этой самой реальности ближе. Тот, кто продолжает прятаться за пеленой мифов, легенд, идеологических, философских или каких бы то ни было иных продуктов человеческой культуры, далеких от действительности, – обречен на поражение. Можно утверждать, что война впервые остро ставит перед человеком задачу прогнозирования, которое опиралось бы на рациональные основания. И именно с началом использования мысленного эксперимента в военном искусстве Античности рождается новая культура мышления. Те цивилизации, государства, общества, которые остались в стороне от этой культуры мышления, не сумели перестроиться, остались далеки от реальности, были побеждены теми армиями, на вооружении которых использовался мысленный эксперимент. Конечно же, стоит добавить, что мысленный эксперимент не является единственным условием победы. Однако разница между полководцами и армиями, которые используют мысленный эксперимент, и теми, кто его не используют вовсе, – очевидна.

Геродот в своем историческом труде уделяет большое внимание предзнаменованиям, гаданиям и пророчествам, сопутствующим военным действиям. Когда персидский царь Ксеркс собирался отправиться на войну с эллинами, он проводил совет, на котором выслушивал мнения своих помощников и сподвижников. Его дядя Артабан дал ему разумный совет, в котором использовал элементы мысленного эксперимента. Артабан предложил Ксерксу сценарий, в котором, при условии, что эллины одержат победу в морской битве и разрушат мост через Геллеспонт, отступление огромной армии Ксеркса по чужой территории будет затруднительным и опасным [16, с. 317]. Ксеркс принял совет Артабана и объявил вельможам о том, что он отказывается идти войной на эллинов. Однако, ночью во сне ему явился некий дух, или божество, которое настаивало на том, что Ксерксу необходимо отправиться в военный поход против греков. Иначе Ксеркса ожидали бы потеря величия и могущества [16, с. 319]. Трагедия Ксеркса, таким образом, заключалась в том, что он понимал правоту Артабана, соглашался с ходом его рассуждений [16, с. 329], однако не мог послушаться воли божества и отправился в военный поход, в котором потерпел поражение.

Эллины, чье культурное и мировоззренческое превосходство над персами стремился подчеркнуть Геродот, сохранили пережитки мифологического мировоззрения. Тем не менее, их поведение и выбор во мно-

гом основывались на иных предпосылках. Дельфийский оракул предрек афинянам поражение и сказал, что им нужно покинуть Элладу. Однако афиняне не смогли смириться с пророчеством и не оставили свою родину. По словам Геродота, «Они спокойно стояли и мужественно ждали нападения врага на их землю» [16, с. 349]. Такое поведение эллинов в описании Геродота свидетельствует о переходе их мировоззрения на качественно иной уровень.

Фукидид, повествуя о Пелопонесской войне, также подчеркивал интеллектуальное превосходство афинян над пелопонессцами и, в частности, спартанцами. Так, послы Коринфа, убеждая спартанцев выступить на их стороне против Афин, провоцировали спартанцев и заявляли о том, что афиняне, в отличие от Спарты, «действуют по заранее намеченному плану», а также скоры на выдумки [4, с. 32]. Именно таким, «скорым на выдумки» и способным к стратегическому планированию на основе мысленного эксперимента видит Фукидид Перикла, который сумел предсказать ход грядущей войны и заранее выбрать наиболее успешный путь к победе.

Конечно же, вера в предзнаменования, вещие сны и божественную волю, которая вещает через оракула, сохранялась в античной военной мысли вплоть до самого конца эпохи. Можно встретить подобное мифологическое и фаталистическое отношение к войне и в более поздних эпохах. Ксенофонт в «Анабасисе» часто ссылается на вещие сновидения и почти каждое крупное решение принимал только после благоприятных жертвоприношений [13, с. 62, 91]. Однако и сны, и жертвоприношения, и предсказания оракула не определяют полководческую мысль Ксенофонта. Они всегда требуют глубокого толкования и выступают, скорее, в роли символов и подсказок. [13, с. 62].

Эллинский, а затем и эллинистический мир победили в культурном, военном и интеллектуальном смысле, поскольку сумел выработать такой тип военного мышления, которого не было у его ближайших соседей и противников: персов, египтян, а затем – галлов, германцев и других народов. Развитие военного искусства и военной мысли Античности происходило во многом посредством перехода от мифологического мировоззрения, опиравшегося на представления о воле случая и богов, к философско-научному мировоззрению, в основе которого лежит доверие к собственному мышлению и ответственность за принятые решения. В мифологическом мировоззрении жестокой случайности бытия, персонафицированной в образе языческих богов, противопоставлялся героизм человека, сражающегося, несмотря на предопределенность. В новом, философско-научном мировоззрении военной культуры Античности, случайности и изменчивости бытия противопоставляется разумное планирование, основанное на мысленном эксперименте. На смену герою-одиночке, воюющему, прежде всего, за личную честь и славу, приходит образ военачальника, который силой своего мышления умеет управлять войском с минимальными потерями, предвидеть действия противника и на основе этого выстраивать тактику и стратегию военных действий.

Заключение

Обращение к мысленному эксперименту в античном военном искусстве обусловлено, с одной стороны, необходимостью изучения истории развития метода мысленного эксперимента, его роли и функций в становлении научного знания как такового. С другой стороны, существует потребность в осмыслении развития научной составля-

ющей в военном искусстве Античности. Данная статья позволяет выявить, как развитие военного искусства и военные нужды Античности способствовали активному использованию метода мысленного эксперимента при тактическом и стратегическом планировании. Именно мысленный эксперимент был первым научным методом, позволявшим на рациональной, а не мифологической, основе, взаимодействовать с объектами, недоступными чувственному познанию, рассчитывать на основании имеющихся данных возможные действия противника, соизмерять имеющиеся материальные и человеческие ресурсы с военными потребностями, выстраивать основы стратегии и тактики. В свою очередь, военное искусство Античности способствовало развитию и совершенствованию метода мысленного эксперимента, позволяло в совершенстве «отточить» его структуру и уточнить границы его применения, поскольку ошибки применения мысленного эксперимента в военном деле фатальны.

Литература

1. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
2. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
3. Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента. От Античности до XVII вв. Наука, Москва. 1976. 292 с.
4. Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. 544 с.
5. Эней Тактик. О перенесении осады // Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 41–109.
6. Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст, перевод, комментарии. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 388 с.
7. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Том первый. Античный мир. СПб.: Ювента, 1999. 416 с.
8. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ: Астрель, 2011. 638 с.
9. Полибий. Всеобщая история // Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 410–493.
10. Арриан. Поход Александра. СПб.: Алетейя, 1993. 367 с.
11. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948 г. 560 с.
12. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 264–382.
13. Ксенофонт. Сократические сочинения. М.-Л.: АКАДЕМИА, 1935 г. – 419 с.
14. Оносандр. Наставление военачальникам. URL: <http://xlegio.ru/sources/onasander/strategikos.html> (дата обращения: 30.08.2023).
15. Секст Юлий Фронтин. Стратегемы // Военная мысль античности: сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 149–263.
16. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Издательство «Наука», 1972. 600 с.

FUNCTIONS OF A THOUGHT EXPERIMENT IN ANCIENT PHILOSOPHY: BASED ON THE EXAMPLE OF MILITARY HISTORICAL SOURCES FROM THE 8TH CENTURY. BC. UNTIL THE 4TH CENTURY AD

Dobronravova U.V.

Omsk tank-automotive engineering institute

The article, based on ancient fiction, philosophical and military-historical sources from the 8th century BC. until the 4th century AD, examines the functions of a thought experiment in the culture of military thinking and the military art of Ancient Greece and Ancient Rome. In the course of the study, the following functions of a thought experiment in ancient military art were identified: ontological function, communication, didactic, hermeneutic and worldview functions. The author shows that the transition from planning and forecasting military actions based on a mythological worldview to planning and forecasting based on a thought experiment is the foundation of the strategy and tactics of the Ancient World. It is argued that civilizations that managed to master the thought experiment method earlier and more fully were able to gain a military and ideological advantage over their opponents who did not use this method, or used it less effectively. It is emphasized that the military superiority of the military cultures of Antiquity, based on the method of thought experiments, largely determined the development of modern civilization and its appearance.

Keywords: thought experiment, methodology of science, philosophy of science, military science, Antiquity, strategy, tactics.

References

1. Geraklit Efesskij. All heritage: in original languages and in the Russian translation. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 416 p. (In Russ.).
2. Mach E. Knowledge and Error]. Moscow: BINOM. Laboratorija znanij Publ., 2003. 456 p.
3. Ahutin A.V. History of the principles of physical experiment. From Antiquity to the 17th centuries. Moscow: Nauka Publ., 1976, 292 p.
4. Thucydides. The History of the Peloponnesian War. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 544 p.
5. Aeneas Tacticus. How to Survive under Siege, in Military thought of Antiquity: works of ancient Greek and Byzantine authors. Moscow: AST Publ., 2002. P. 41–109.
6. Perevalov S.M. Tactical treatises of Flavius Arrian. Tactical art. Deployment against the Alani. Text, translation, comments. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli Publ., 2019. 338 p.
7. Delbrück H. History of military art within the framework of political history. Volume one. Ancient world. St-Petersburg: Juventa Publ., 1999. 416 p.
8. Xenophon. Anabasis. Grecheskaja istorija. Moscow: AST: Astrel Publ., 2011. 638 p.
9. Polybius. The Histories, in Military thought of Antiquity: works of ancient Greek and Byzantine authors. Moscow: AST Publ., 2002. P. 410–493.
10. Arrian. The Anabasis of Alexander. St-Petersburg: Nauka Publ., 1993, 367 p.
11. Notes of Julius Caesar and his successors about the Gallic War, the Civil War, the Alexandrian War, and the African War. Moscow, Leningrad: Akademija nauk SSSR Publ., 1948. 560 p.
12. Flavius Vegetius Renatusin. Epitome of Military Science, in Military thought of Antiquity: works of ancient Greek and Byzantine authors. Moscow: AST Publ., 2002. P. 264–382.
13. Xenophon. Socratic works and dialogues. Moscow, Leningrad: ACADEMIA Publ., 1935. 419 p.
14. Onasander Strategikos. URL: <http://xlegio.ru/sources/onasander/strategikos.html> (date of the application: 30.08.2023).
15. Sextus Julius Frontinus. Stratagems, in Military thought of Antiquity: works of ancient Greek and Byzantine authors. Moscow: AST Publ., 2002. P. 264–382.
16. Herodotus. History in nine books. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 600 p.

Репрезентация образов прошлого в практиках социального конструирования

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент департамента
«Психологии и развития человеческого капитала»,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: left@lsn.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы репрезентации образов прошлого в практиках социального конструирования. Актуальность темы исследования определяется необходимостью выявления и противодействия негативным факторам влияния на историческое сознание социума, сохранения исторической памяти и поддержания социальной стабильности в обществе. Основная цель исследования – выявление способов и методов репрезентации образов прошлого в процессе социального конструирования исторической реальности. По результату исследования сформулированы основные стратегии историко-информационного противоборства, выраженные в реконструкции и репрезентации образов прошлого в ходе концентрированной, психоисторической, ментальной, гибридной войн. Представлены выводы о роли образов прошлого в практиках социального конструирования. Показана манипулятивная сущность методов и способов историко-информационного противостояния, негативные последствия репрезентаций альтернативных версий исторических событий, приводящих к разрушению значимых образов в исторической памяти.

Ключевые слова: социальное конструирование, образ прошлого, историческое сознание, массовое сознание, общество, сознание.

Введение

Современное общество характеризуется созданием и внедрением в социальную действительность множества инноваций, основанных на информационно-коммуникационных технологиях, что даёт возможность на высоком техническом уровне управлять историческим сознанием с целью получения преимуществ в информационном противоборстве.

Системная и массированная фальсификация прошлого в отношении нашей страны ярко представлена в работах западных идеологов в ходе ведения Холодной войны против СССР. Главный акцент сделан на стремлении подвергнуть сомнению победу в Великой отечественной войне и разрушить образ советского солдата как освободителя Европы от фашизма. Ещё в 1946 году У. Черчилль произнёс свою речь в Фултоне, что расценивается как объявление начала Холодной войны, но в этой речи не было сомнений по поводу военных заслуг и роли СССР в победе над нацистами. Однако в дальнейшем, организаторы и вдохновители информационной войны стали использовать мемуары генералов вермахта, в которых заявлялось о мужестве немецких солдат и противостоявшей им холодной зиме, о просчётах руководства Германии в подготовке военных действий в зимний период, о помешанности на исключительности и сомодурстве Гитлера, благородстве и доблести немецких офицеров, которые всячески берегли своих солдат в этих тяжёлых условиях, с другой стороны, бездарные и кровавые советские генералы отпоявляли в массовом порядке на убой советских солдат, чтобы прикрыть свою некомпетентность и антигуманность. Карательные операции в отношении мирных жителей СССР были вынужденной мерой, поскольку комиссары и партизаны подстрекали население к террористическим методам ведения войны. В конце выводы представляли собой стройную идеологическую концепцию о Красной армии, творившей бесчинства на освобождённых территориях и осуществившей оккупацию Восточной и Центральной Европы, что являлось худшим вариантом нацистской оккупации.

К началу 2000-х годов отработанная методика фальсификаций вышла на новый уровень, благодаря использованию в информационном противоборстве современных технологий. Из отдельных фрагментов фальсификаций стали формироваться системные информационно-коммуникационные стратегии, основой которых являлось массовое и глобальное переформатирование исторической реальности посредством создания и внедрения новых социально-исторических конструкторов. У данных стратегий появились разные названия: концентрированная война, психоисторическая война, ментальная война, войны памяти, гибридная война и пр.

Образы прошлого в их реконструкции и репрезентации являются как никогда актуальными и для настоящей действительности. Они влияют на историческое сознание общества и формируют отношение людей к происходящим событиям настоящего. Практика социального конструирования находит своё выражение в создании определённых образов прошлого в информационной войне сегодняшнего дня.

Историко-информационные войны современности

Консциентальная война

Директор Института опережающих исследований имени Е.Л. Шифферса Ю.В. Громько, в описании новых стратегий информационного противостояния использовал термин «консциентальная война» («война сознаний»). Консциентальная война нацелена на слом образцов сознания и личностного поведения, на которых основана историческая идентичность человека и способ идентификации себя [1]. По мнению автора, в консциентальной войне реализуется острая конкуренция сознаний, что должно приводить к разрушению идентификационного кода, «цивилизационной перевёртке» населения противника, изменению (разрушению) типов сложившейся этнической, конфессиональной, культурной, социальной идентичности.

Психоисторическая война

Последователь З. Фрейда социальный историк Л. Де Моз полагал, что человеческое поведение и развитие обусловлено в первую очередь социальными факторами. Он считал, что общество и его структуры формируют личность человека и определяют его жизненные цели и стремления. Л. Де Моз представлял исторические процессы и социальные системы решающим фактором для понимания и объяснения человеческого поведения и развития. Причину войны Л. Де Моз видел в проекции страха наказания, опосредованного родительской доминантой, сохраняющейся в подсознании и упрекающей в стремлении к излишней свободе. «Подобная групповая фантазия слияния с Могущественной Родиной всегда имеет место перед ситуацией геноцида и войной, проявляя себя в известных примерах возвеличения себя, а затем – в обвинении врагов в том, в чем обвиняли в детстве» [2]. Обращение автора к «психоистории», есть попытка обосновать причины войн с древних времён и до наших дней процессами социализации и воспитания, их скрытым в подсознании разрушительным потенциалом, формируемым в прошлом. Сам термин «психоисторическая война» был предложен С.Б. Переслегиным и А.И. Фурсовым, которые дают определение психоисторической войне как систематическому долговременному воздействию на психосферу общества-мишени, в основном его властной и интеллектуальной элиты. Психоисторическая война реализуется на трех уровнях. На первом (информационном) уровне осуществляется фальсификация фактов. Следующий уровень (концептуальный) – это когда фальсификация происходит на стадии пакетирования фактов. И, наконец, на третьем (метафизическом) уровне, осуществляется принятие чужих смыслов в качестве руководящих и направляющих идеалов. Главная цель психоисторической войны полностью поменять модели мышления и поведения общества мишени, то есть поставить под контроль психосферу, например, внедрить населению вульгарно-идеалистические мотивы поведения [3].

Ментальная война

По мнению французских историков М. Блока и Л. Февра, менталитет представляет собой стереотипы мышления, присущие человеку разных эпох. Менталитет определяется и может быть относительно стабилен только в условиях определённого исторического периода с его конкретными образами. «Большинство людей думали о своем спасении непостоянно. Но когда думали, это было очень интенсивно, и при этом они пользовались конкретными образами. Эти образы пришли им в головы урывками,

ибо их шатким умам были присущи порывы отвращения» [4]. Термин «ментальная война» предложил советник министра обороны РФ А.М. Ильницкий, который определил его как действия, направленные на уничтожение самосознания, изменение духовной, цивилизационной основы общества противника [5]. По мнению автора, цель ментальной войны – это лишение противника суверенитета в широком смысле, то есть политического, экономического, духовного. Средствами достижения цели являются различные технологии постправды и забвения критического мышления, приводящие к изменению мировоззренческих ориентиров, нравственных приоритетов общества. Технологии достаточно манипулятивны, поскольку влияние на аудиторию совершается скрытно и в том их эффективность. Под манипуляцией сознанием понимается преднамеренная подмена в форме скрытого, анонимного господства, осуществляемого «ненасильственным» образом в массовом сознании содержания или смысла явления его квазиформой, когда при сохранении идентичных внешних признаков, явление приобретает деструктивный смысл или ассоциируется с ним. Примитивизация и иррационализация ситуации, смысла понятия или символа, редукция его к архетипическим и иррациональным структурам, разрыв между формой и содержанием, символом и его смыслом [6].

Войны памяти

Отечественный социолог и антрополог В.А. Шнирельман ввёл в оборот термин «войны памяти», когда в процессе изучения истории народов Закавказья обнаружил, что историки, подталкиваемые этническими элитами, используя различные интерпретации событий минувших дней, недостаток сведений о прошлом, манипулируя фактами, находят корни современных наций в древности, занимаются масштабным созданием новой исторической реальности в политических интересах [7].

В этой связи английский историк и политолог Э. Хобсбаум также замечал, что политики используют историю для удовлетворения своих современных потребностей, и установления своей легитимности, внушая широким массам новую память о прошлом, по существу, занимаясь идеологическим конструированием: «историки играют для национализма ту же роль, что пакистанские производители мака для курильщиков опиума... мы обеспечиваем рынок основным сырьём. Нация без прошлого – это логическая несообразность. Ибо нацию делает нацией именно прошлое, именно оно оправдывает ее существование, а историки – те, кто его создают» [8].

Таким образом, войны памяти стимулируют прежде всего этнические конфликты, на основе жестко конкурирующих исторических проектов. В таких конфликтах различные этнические группы соревнуются между собой за признание и оправдание своей истории, претендуя на особую значимость и право на исторические территории, достижения или страдания.

Гибридная война

В концепции философов-постмодернистов Ж. Делёза и Ф. Гваттари социальная реальность описывается через представление идей о ризоме, которая представляет собой нелинейный образ бытия, мир без стержня, в котором господствует множественность, это особое строение общества, мышления, культуры по принципу грибкицы, в отличие от традиционной древовидной структуры стебля и корня. Это означает, что грибкица развивается вширь и натываясь на особенности рельефа, другие растения, прорастает слоями, корнями, ростками в самых непредсказуемых, случайных и хаотичных местах («тысяча плато») [9]. Ризома проявляется в пространстве

через распределение желаний, соотносимого в персонификации с «желающими машинами» на «поверхности» плато. Авторы считают, что продажа опосредована желанием товара, поэтому общественное производство – это производство желаний, которое конструируется через планируемую искусно и целенаправленно «нехватку» посредством экономических методов.

Машины желаний не только являются производительной силой, но находятся в базе исторического процесса. Общество потребления основано на непрерывном производстве желаний. Такое общество может исторически развиваться пока машина желаний не прекращает свою работу.

Ж. Делёз в концепции номадизма представляет новизну машин желаний, выделяя «машину войны», которая объединяет «сборку» от всадника и лошади до «мегамашины» – орды. Современный информационный социум (часто, называемое сетевым), есть воплощение принципов ризомы и номадизма, а люди в нем трансформируются в своего рода кочевников, перемещающихся по бесконечной поверхности, своего рода пространств ленты Мебиуса, которое воплощает собой Интернет-паутина.

Следуя концепции номадизма М. Деланда связывает историю войн с историей развития технологий. На высоком этапе развития классические метафизические социальные сущности (род, вид, индивид) противопоставляются «самосборке» или в терминологии М. Деланда – ассамбляжу. Под ассамбляжем понимается взаимодействующая множественность, состоящая из разнородных деталей, между которыми отсутствуют внутренние (логически необходимые) связи и отношения, иными словами детали сборки – это детали своеобразной машины, которые могут быть отделены от одного ассамбляжа и перенесены в другой [10].

Взаимодействующая множественность в социальной реальности как необходимость эффективности воздействия и выживания в обществе всеобщей информационной войны обосновывает выбор стратегии достижения цели без открытого и масштабного военного противостояния (гибридная война).

Понятие «гибридная война» можно представить через стратегию применения различных насильственных и ненасильственных технологий, разной степени интенсивности в единой взаимосвязанной системе, а также использованием искусственно создаваемых исторических образов и культурно-цивилизационных смыслов, к которым обращаются стороны конфликта для обоснования своей правоты в поисках поддержки общественным мнением [11].

В 2007 году одним из первых, к проблематике гибридной войны обратился американский военный учёный Ф. Хоффман, который в своей работе «Конфликт в XXI столетии. Появление гибридной войны», сделал предположение что, «гибридные войны могут вестись государствами или политическими группами и включать в себя целый спектр различных моделей ведения войны, в том числе традиционных боевых средств, иррегулярной тактики и иррегулярных формирований, террористических актов, включая насилие и принуждение, и беспорядки» [12].

Как видим, в настоящем гибридные войны ведутся с использованием всего арсенала информационно-коммуникационных технологий. В этом процессе активно задействовано социально-психологическое влияние на историческое сознание общества, посредством создания необходимых образов прошлого и конструирования исторической реальности.

Историко-информационные войны современности имеют своё развитие благодаря постоянно совершенствующимся технологиям и большой заинтересованности акторов общественных изменений в управлении массовым сознанием через системное влияние на историческое измерение социума.

В практике социального конструирования истории используются в совокупности все виды и формы историко-информационных войн в их комплементарном взаимодействии.

Выводы

Образы прошлого в практиках социального конструирования определяют и поддерживают трансформационные процессы идентичности (война сознаний), отвержение или принятие чужих смыслов исторического развития (психоисторическая война), изменение нормативно-мировоззренческих ориентиров (ментальная война), организацию системного воздействия для изменения верований, установок, интересов, поведения (гибридная война). Стоит отметить, что классификация историко-информационных войн достаточно условна, поскольку они естественным образом дополняют друг друга, хотя могут иметь значимые классификационные различия. Общим стоит признать манипулирование образами прошлого в массовом сознании для влияния на историческую или национальную память, изменения отношения к прошлому.

Посредством манипулирования образами прошлое проектируется, реконструируется историческая память народа, репрезентируются альтернативные версии исторических фактов и событий, разрушаются значимые исторические образы и создаются симулятивные или дискредитирующие.

В практиках социального конструирования репрезентация образов прошлого позволяет внедрять в массовое сознание мифы и ложную историческую информацию для подмены реальных исторических фактов на частично или полностью выдуманные для удовлетворения политических или идеологических целей.

Литература

1. Громыко Ю.В. Консциентальное оружие и консциентальные войны. Лекция // Центр гуманитарных технологий, дата обращения 20.10.2023 г. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/782>;
2. Де Моз Л. Психоисторические мотивы войны и геноцида // Психоистория. Ростов-на/Д; Феникс, 2000.
3. Фурсов А. Психоисторическая война // Достояние планеты. 2016. 23 сент. URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/4145-Psihoistopicheskaya-voyna-Andpey-Fupsov> (дата обращения 20.10.2023)
4. Bloch M. La socieate feodale. Paris, 1968. P. 134.
5. Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51).
6. Кафтан В.В. Проблема истины в медиапространстве // Концепции, практики и технологии современных медиа. М.: КноРУС, 2022.
7. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. С. 13–14.
8. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона. М., 2002. С. 332.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

10. Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность Пермь: Hyle Press, 2018. С. 40.
11. Сулакшин С.С. Национальные угрозы России: когнитивное оружие: доклад на Общем собрании Академии военных наук, январь 2014 // Центр научной политической мысли и идеологии (Центр С.С. Сулакшина). URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie> (дата обращения: 10.10.2023 г.).
12. Hoffmann F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, 2007. P. 58.

REPRESENTATION OF IMAGES OF THE PAST IN THE PRACTICES OF SOCIAL CONSTRUCTION

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article deals with the theoretical issues of the representation of images of the past in the practices of social construction. The relevance of the research topic is determined by the need to identify and counteract negative factors affecting the historical consciousness of society, preserve historical memory and maintain social stability in society. The main purpose of the study is to identify ways and methods of representing images of the past in the process of social construction of historical reality. Based on the results of the study, the main strategies of historical and informational confrontation are formulated, expressed in the reconstruction and representation of images of the past during the war of consciousness, psychohistorical, mental, hybrid wars. Conclusions about the role of images of the past in the practices of social construction are presented. The manipulative essence of methods and methods of historical and informational confrontation, the negative consequences of representations of alternative versions of historical events leading to the destruction of significant images in historical memory are shown.

Keywords: social construction, image of the past, historical consciousness, mass consciousness, society, consciousness.

References

1. Gromyko Yu.V. Conscientious weapons and conscientious wars. Lecture // Center for Humanitarian Technologies, access date 10.20.2023. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/782>;
2. De Moz L. Psychohistorical motives of war and genocide // Psychohistory. Rostov-on/D: Phoenix, 2000.
3. Fursov A. Psychohistorical war // Property of the planet. 2016. 23 Sep. URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/4145-Psihoistopicheskaya-voyna-Andpey-Fupsov> (access date 10/20/2023)
4. Bloch M. La socieate feudale. Paris, 1968. P. 134.
5. Ilnitsky A.M. Country security as the foundation of development // Arsenal of the Fatherland. 2021. No. 1 (51).
6. Kaftan V.V. The problem of truth in the media space // Concepts, practices and technologies of modern media. M.: KnoRUs, 2022.
7. Shnirelman V.A. Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. M.: Akademkniga, 2003. pp. 13–14.
8. Hobsbawm E. The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe // Nations and nationalism / Ed.B. Anderson. M., 2002. P. 332.
9. Deleuze J., Guattari F. Rizoma of a Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Factoria; M.: Astrel, 2010. 895 p.
10. Delanda M. New philosophy of society. Assemblage theory and social complexity Perm: Hyle Press, 2018. P. 40.
11. Sulakshin S.S. National threats to Russia: cognitive weapons: report at the General Meeting of the Academy of Military Sciences, January 2014 // Center for Scientific Political Thought and Ideology (S.S. Sulakshin Center). URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie> (date of access: 10.10.2023).
12. Hoffmann F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, 2007. P. 58.

Проблемы демократии и общества знаний в концепции умного управления (smart governance) Хельмута Вильке

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Известная работа немецкого исследователя Хельмута Вильке «Умное управление», посвященная поиску новых форм политико-управленческой деятельности в XXI веке, послужила началом для дальнейшего обсуждения темы умного управления. В статье рассматриваются идеи Х. Вильке в отношении проблем демократии в современном мире – прежде всего в контексте таких мегатенденций, как глобализация и развитие общества знаний. Рассматриваются предложения Х. Вильке по улучшению качества управления и перехода на более интеллектуальный режим принятия решений и разработки политик. Согласно рассматриваемой концепции, демократическое правление обладает мощным и еще не раскрытым потенциалом. Обсуждаются достоинства и недостатки концепции Х. Вильке. Делается вывод о том, что теория умного управления Х. Вильке содержит много плодотворных идей и содержательного материала для дальнейших исследований в направлении совершенствования современных систем публичного управления и публичной политики.

Ключевые слова: демократия, общество знаний, глобализация, публичное управление, публичная политика, теории управления.

Сочетание множества факторов – развитие технологий (в первую очередь информационно-коммуникационных), продолжающиеся процессы глобализации, события и тенденции экономического развития современного мира (с его неравномерностью, кризисами), проблемы демократического развития как в индустриальных, так и в развивающихся странах, растущая конфликтность в международных отношениях, крупные демографические изменения, драматические глобальные проблемы (изменение климата, наступление новых эпидемий и т.п.) и др. – крайне усложняют современную ситуацию в мире.

Эти действующие факторы существенно повышают неопределенность и неустойчивость многих взаимосвязанных систем: экономических, экологических, политических, социальных и др. Все это заставляет искать новые подходы к государственному управлению, которые были бы адекватны реалиям XXI века.

Один из таких подходов – умное (или разумное) управление (smart governance). Данное направление активно обсуждается в последние десятилетия в различных контекстах. Сам термин предложил в 2007 г. известный немецкий исследователь Хельмут Вильке (H. Willke) в своей работе «Умное управление. Управляя глобальным обществом знаний» [1].

Х. Вильке рассматривает две основных тенденции, или мегатренда современного мира, которые порождают необходимость в поисках новых, более эффективных форм управления, – это продолжающаяся глобализация и интенсивное становление общества знаний.

Так, многогранные процессы глобализации генерируют новые неопределенности для политики и управления, создавая дополнительный уровень взаимосвязанных и сложных проблем – в то время как необходимые процессы и наборы правил для адекватной структуры для решения проблем не сформированы [2, р. 371].

Глобализация проявляется в продолжающемся переходе от традиционного правительства (government) к руководству, или управлению (governance) на транснациональной и глобальной политической арене, а также на уровне национального государства. Это предполагает стратегию вовлечения частных субъектов и организаций в процесс выработки политики. Такое включение направлено на расширение базы знаний, рычагов воздействия и влияния политических стратегий в областях, где традиционные политические формы правления уже недостаточны для решения проблем [2, р. 366].

Процесс становления общества знаний с его развитыми системами знания тоже парадоксальным образом усиливает неопределенность. (В работе [1] Х. Вильке детально прослеживает исторические этапы становления общества знаний). Не-знание оказывается естественным следствием распространения экспертных знаний, т.к. все элементы знаний описывают определенные модели интерпретируемого опыта – возможные, но не необходимые; всякое знание является контингентной конструкцией [2, р. 372].

В итоге мегапроцессы глобализации и становления общества знаний создают некую самоподдерживающуюся динамику, которая вызывает потрясения в традици-

онных утверждениях о мире. Эти процессы обнажают вездесущую неопределенность, которая затрагивает все аспекты общества. Так, мы даже не знаем с уверенностью, поддается ли управлению культурное разнообразие, является ли ядерная энергетика решением проблемы или катастрофой, зачем нужна миссия на Марс и т.п. [2, р. 373]

Поэтому настоятельной необходимостью становится развитие новых форм управления, способных действовать в реалиях современного мира. Х. Вильке анализирует и продвигает идею глобального руководства (не правительства, *government*, а именно согласованного, скоординированного руководства с участием многих акторов – *governance*). В работе «Умное управление» обсуждается несколько режимов глобального руководства (режим глобального рынка, глобальный режим знаний и др.)

По Х. Вильке, разумное управление есть аббревиатура, обозначающая совокупность принципов, факторов, возможностей, которые образуют определенный тип управления, способный соответствовать условиям и требованиям развивающегося общества знаний. Разумное управление стремится к созданию адекватных форм управления в отношении очень сложных, взаимосвязанных социальных систем (например, таких, как мегаполисы), которые отличаются высокой степенью беспорядка и неуправляемости [2, р. 365].

Одновременно Х. Вильке дает также разъяснение, что следует считать интеллектуальными системами. Такими можно называть такие системы, в которых компетентными являются не только их действующие люди, но также собственные структуры, процессы, системы правил социальной системы преобразуются в интеллектуальные системные компоненты. (там же)

Понятие умного управления интерпретируется сегодня более в технических аспектах – например, как управление умными городами (*smart cities*) или как новый подход для решения сложнейших задач современного общественного здравоохранения [3], [4].

Однако в оригинальной концепции Х. Вильке идея разумного управления разворачивается прежде всего в фундаментальном политическом контексте. Речь идет о самом понимании демократии в усложняющемся современном мире, о возможностях и проблемах демократического управления в эпоху неопределенностей и быстрых изменений.

Х. Вильке подчеркивает, что в современной сверхсложной среде наиболее важными ресурсами для принятия решений и коллективных действий становятся знания и опыт. Основополагающая концепция компетентности управления в некотором смысле осуществляет сдвиг от формальной компетентности (иерархической, следующей традиционным правилам) к компетентности, основанной на наилучших знаниях и опыте (экспертизе) [1, р. 8].

Отсюда возникает важнейший вопрос: как совместить потребность в демократическом управлении (основанном на широком участии и подотчетности) с необходимостью эффективного, компетентного руководства? Данную проблему поднимал еще В. Вильсон в конце XIX века в широко известной работе «Изучение администрации».

Для повышения уровня интеллектуальности систем управления немецкий исследователь предлагает ряд мер, которые можно суммарно охарактеризовать как улучшение структур, ключевых процессов и правил.

Так, структурные аспекты принятия решений могут быть улучшены за счет расширения политической вовлеченности – от отдельных лиц до промежуточных соци-

альных объединений, привлечения частных субъектов, организаций и государственно-частных партнерств – для перехода от традиционного правительства к совместно управлению (*governance*); и за счет других мер.

Среди ключевых («ядерных») процессов разумного управления особому вниманию подлежат два процесса, находящихся, условно говоря, в начале и в завершении полного цикла распределенного и децентрализованного принятия решений. Первый связан с качеством вводимых данных, второй – с качеством результатов. В их отношении тоже предлагается ряд мер (впрочем, некоторые из них или их аналоги уже используются и требуют более системного применения).

Улучшению подлежат также системы правил и предписаний. Сами эти правила вполне могут стать (более) интеллектуальными: например, за счет включения метаправил об эффективных и своевременных изменениях правил; Х. Вильке высказывает также интересные идеи о расширении или сдвиге правил от чисто нормативного режима к когнитивному (но обсуждение этих идей выходит за рамки статьи).

В итоге Х. Вильке возлагает основные надежды на демократическое управление как систему, которая обладает необходимыми и достаточными ресурсами для выхода к уровню разумного управления. Он полагает, что если даже демократическое управление сегодня выглядит неадекватным для многих проблемных полей, в нем все же присутствуют все элементы, необходимые для того, чтобы перепланировать, реконструировать формы управления в современном глобальном обществе знаний.

Так, Х. Вильке придает большое значение возможностям расширенного сообщества участников процессов выработки политики и управленческих решений и действий. К такому сообществу относятся фабрики мысли, политические фонды, аналитические центры, неправительственные организации, внепартийные группы по интересам, технические сообщества практиков и др. Автор приводит ряд обнадеживающих примеров использования их экспертизы в процессах управления. Наличие такого мощного ресурса могло бы в том числе преодолеть один часто критикуемый недостаток демократии – склонность к краткосрочным решениям и отсутствие стратегического видения.

Немалый вклад здесь может внести и потенциал совещательной (делиберативной) демократии, что могло бы увидеть преимущества децентрализованной, дифференцированной и распределенной совокупности сообществ практики и знания, которые приносят устойчивый и долгосрочный взгляд в разнообразные публичные сферы [2, р.374].

В своей концепции немецкий автор эксплицитно признает влияние идей американского политолога Чарльза Линдблома [5].

Как известно, Ч. Линдблом придавал исключительную ценность «разуму демократии» как повторяющему в определенном смысле саму «разумность» эволюции, которая продвигается постепенными шагами адаптации к изменяющимся факторам окружающей среды.

Разумное управление усиливает возможности демократии, в том числе ее потенциал множественного, расфокусированного системного интеллекта. Фундаментальным ориентиром для умного управления в современную эпоху турбулентности является достижение *жизнестойкости* (*resilience*) обществ, сообществ, институтов. Идея жизнестойкости занимает важное место в концепции Х. Вильке.

Смысл жизнестойкости состоит в том, чтобы сделать управление сверхустойчивой системой (в киберне-

тических терминах У. Эшби), т.е. способной производить адекватную внутреннюю настройку в соответствии с различными изменяющимися требованиями, с учетом высокого уровня сложности, неопределенности и рисков управляемых систем и окружающей среды.

В этой связи Х. Вильке предполагает возможным при развитии форм умного управления перейти от условного «первого» уровня системного интеллекта ко «второму». Первый уровень системного интеллекта охватывает некий «обычный», рутинный режим работы, основанный на применении установленных правил, а также обучение («нащупывание» правильных решений, *muddling through*, в терминах Ч. Линдблома) методом проб и ошибок.

Однако этот *modus operandi* становится недостаточным при переходе от индустриального общества к обществу знаний и от традиционных (национальных, территориальных) государств к глобальным системам с мощным влиянием негосударственных структур и сетей и т.п.

Второй уровень системного интеллекта предполагает обеспечение высокой надежности и доверия при коллективном принятии решений; для данного уровня характерна способность к обучению второго порядка (т.е. речь идет о способности «учиться учиться» в терминологии Г. Бэйтсона) и к выработке решений и политик, обладающих качествами высокой адаптивности, жизнестойкости, предвидения, стратегической перспективы, гибкости и т.п.

Таким образом, Х. Вильке убеждает аудиторию в том, что демократия обладает мощными ресурсами для того, чтобы справиться со сложностями и неопределенностями управления в современную эпоху. Преимущества демократии требуют лишь определенного «редизайна», реконструкции для достижения более высокого уровня системного интеллекта и разумного управления без отказа от таких фундаментальных достижений цивилизации, как формальные нормы и процедуры демократии, а также либеральная рыночная экономика.

Любопытно, что, на фоне апологии демократии, проводимой Х. Вильке вслед за Ч. Линдбломом, другой известный американский политолог – Адам Пшеворски характеризовал демократию как «институционализованную неопределенность», указывая, что неопределенность относится к самой внутренней природе демократии [6].

Концепция Х. Вильке, безусловно, имеет множество достоинств. Прежде всего, сам факт такой концептуальной разработки отражает необходимость поиска новых подходов в управлении, которые способны соответствовать вызовам современного мира.

В своей теории Х. Вильке указывает определенные направления, в которых следует продвигаться, и предлагает конкретные механизмы улучшения качества публичного управления (инвестиции в создание интеллектуальных систем, расширение систем принятия решений за счет включения сетей и гибридов, изменения в системах правил и др.). Однако какие необходимы действия, процедуры, механизмы для достижения этих целей?

Уже сложности управления такими крупными социально-экономическими объектами как мегаполисы и агломерации (которые все увеличиваются в количестве и разрастаются в ходе широкомасштабной урбанизации) показывают, как трудно выработать хорошо согласованные и скоординированные системы управления такими крупными системами (при сохранении при этом их разнообразия и автономии входящих в их состав подсистем).

Подход Х. Вильке указывает на действительно важные перспективы для развития демократии и публичного управления. Однако данные идеи остаются все же пока

на слишком общей стадии развития. Так, в одной из рецензий было справедливо отмечено, что в исследовании Х. Вильке относительно глобального режима управления финансами (гл. 6 работы «Умное управление») содержится слишком много абстрактных рассуждений и мало эмпирических данных о способах функционирования разумного управления в этой ключевой области, отличающейся глобальной взаимозависимостью. При этом автором не было предложено достаточно идей о том, как разрабатывать для данной области режим *smart governance* [7].

Следует заметить также, что управление *per se* (тем более, высокоуровневое, каким является управление государством) представляет собой полинормативную деятельность, что изначально создает специфические трудности для данного поля деятельности. Необходимость одновременного следования различным системам норм, в том числе плохо совместимым друг с другом – эта постоянная сложность для принятия решений, разработки политики, осуществления текущей политико-административной деятельности. Возможно, более развитые процедуры и инструменты разумного управления смогли бы внести здесь свой вклад, однако эта внутренняя трудность все равно будет присуща управлению.

Не стоит также забывать о том, что сегодня в самих же развитых странах все шире признается наличие общего (возможно, системного) кризиса демократии, который отражается в том числе в популярном термине «постдемократия» (К. Крауч). В ряде зарубежных работ документировается и анализируется феномен упадка идеи демократии в развитых странах. В этом ряду публикаций можно назвать такие работы, как «Разочарованные демократией» (2000), «Почему мы ненавидим политику» К. Хэя (2007), «Дефицит демократии» П. Норрис (2011) и другие [8],[9],[10]. На этом общем фоне идеи Х. Вильке о еще нераскрытом мощном потенциале демократии выглядят в лучшем случае слишком абстрактно.

В целом концепция умного управления Х. Вильке предоставляет материал для дальнейших размышлений, поиска идей и проведения конкретных разработок по поводу необходимости совершенствования современных систем публичного управления и публичной политики.

Литература

1. Willke H. *Smart governance: governing the global knowledge society*. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
2. Willke H. *Smart Governance. Complexity and the Megacity*. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds). *Das Wissen der Städte*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009 – pp. 365–378
3. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. *Smart governance in the context of smart cities: A literature review*. *Information Polity*, 2018, 23, 143–162.
4. Kickbusch I., Gleicher D. *Governance for Health in the 21st Century World Health Organization. Regional Office for Europe*, 2012
5. Lindblom C. *The Intelligence of Democracy. Decision making through mutual adjustment*. New York: Free Press, 1965
6. Przeworski A. *Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991
7. Martinelli A. *Smart Governance: Governing the Global Knowledge Society by Helmut Willke: Review*. *American Journal of Sociology*, 2010, Vol. 115, No. 6 (May), pp. 1919–1921
8. *Disaffected Democracies*. Pharr S., Putnam R. (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.

9. Hay C. *Why we hate politics*. Cambridge: Polity Press, 2007.
10. Norris P. *Democratic Deficit*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

PROBLEMS OF DEMOCRACY AND THE KNOWLEDGE SOCIETY IN THE CONCEPT OF SMART GOVERNANCE BY HELMUT WILKE

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

The well-known work of the German researcher Helmut Wilke «Smart Governance», dedicated to the search for new forms of political and managerial activity in the XXI century, served as the beginning for further discussion of the topic of smart governance. The article discusses the ideas of H. Wilke in relation to the problems of democracy in the modern world – primarily in the context of such megatrends as globalization and the development of a knowledge society. H. Wilke's proposals to improve the quality of management and transition to a more intelligent mode of decision-making and policy development are considered. It is emphasized that, according to the concept under consideration, democratic governance has a powerful and yet untapped potential. The advantages and disadvantages of H. Wilke's concept are discussed. It is concluded that H. Wilke's theory of smart governance contains many fruitful ideas and meaningful matter for further research in the direction of improving modern systems of public administration and public policy.

Keywords: democracy, knowledge society, globalization, public administration, public policy, governance theories

References

1. Willke H. *Smart governance: governing the global knowledge society*. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
2. Willke H. *Smart Governance. Complexity and the Megacity*. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds). *Das Wissen der Städte*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009 – pp. 365–378
3. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. *Smart governance in the context of smart cities: A literature review*. *Information Polity*, 2018, 23, 143–162.
4. Kickbusch I., Gleicher D. *Governance for Health in the 21st Century* World Health Organization. Regional Office for Europe, 2012
5. Lindblom C. *The Intelligence of Democracy. Decision making through mutual adjustment*. New York: Free Press, 1965
6. Przeworski A. *Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991
7. Martinelli A. *Smart Governance: Governing the Global Knowledge Society by Helmut Wilke: Review*. *American Journal of Sociology*, 2010, Vol. 115, No. 6 (May), pp. 1919–1921
8. *Disaffected Democracies*. Pharr S., Putnam R. (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
9. Hay C. *Why we hate politics*. Cambridge: Polity Press, 2007.
10. Norris P. *Democratic Deficit*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Проблема сущности цифрового искусства в его произведениях и теоретических образах

Хандогин Руслан Викторович,

ассистент кафедры философии, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: khandogin.ruslan@yandex.ru

Активное развитие и распространение цифровых технологий привели к возникновению новых видов и форм искусства, в частности, цифрового искусства. В статье рассматриваются некоторые подходы к теоретизации и конструированию образов цифрового искусства. Проблематизируются смысловые и формальные аспекты сущности искусства и содержания произведений искусства в контексте цифровизации социального пространства. Анализируются специфические черты и проблемные лакуны исследуемого феномена с позиций эссенциалистских и антиэссенциалистских подходов. Проявляется сложность и переходящая в противоречивость неопределённость критериальной оценки цифровых произведений искусства в том числе в соотнесении с более традиционными основаниями и принципами. Конструирование и репрезентация теоретических образов раскрывается через специфику художественного выражения, представление сущности и формы эстетического и рефлексивную интерпретацию концептуализаций социального феномена.

Ключевые слова: цифровое искусство, произведение цифрового искусства, сущность, эссенциализм, антиэссенциализм, цифровая эстетика, теоретический образ.

Двадцать первый век – эпоха тотальной цифровизации во всех сферах социальной жизни и практики. Одним из следствий указанного процесса является возникновение новых видов и форм искусства, к которым следует, в первую очередь, отнести цифровое искусство. При этом в новых парадигмальных рамках искусства наибольшую ценность представляют именно виртуальные формы произведений, что особенно проблематизирует вопросы их сущностной определённости и подлинности [2]. Следует отметить тот факт, что, хотя отказ от объективизации художественных произведений является неотъемлемой частью и следствием цифровизации искусства, в действительности он появился значительно раньше, прослеживаясь, например, в работах авангардистов «новой волны». Концепция пневматизма Ива Кляйна, являющаяся одной из теоретических и идейных основ творчества художников-авангардистов. «Энциклопедия постмодернизма» указано, что пневматизм характеризуется следующим: художник воспринимает творчество в качестве процесса, возникающего из пустоты; сам же художник воспринимается в качестве творца, который не нуждается в субстанции для творчества [6].

Затрагивая сферу цифрового искусства и отдельных цифровых объектов – произведений цифрового искусства, мы всегда неизбежно сталкиваемся с вопросом их сущности. Имеют место два основных подхода [10], в рамках которых исследователи делают попытки осмыслить указанные категории [5]. Представители первого подхода, эссенциализма, утверждают, что сущность искусства отражает глубинную реальность, некоторую недоступную напрямую подлинную природу, оно существует независимо от исторического процесса; оно существует вне времени. Представители второго подхода, условно названного «антиэссенциализмом» и появившегося как продолжение мысли постмодернистов, полагают, что художественность по своей природе изменчива. Исторические события, а также изменения культурного контекста – вот посредством чего ее следует определять. Представители антиэссенциализма, стремясь определить содержание «цифрового искусства», исходят из следующего: художественная практика и цифровое искусство имеют непосредственное отношение друг к другу, так как обе связаны с цифровым информационным пространством [1]; информационное пространство и цифровое искусство возникают одновременно, так как являются результатом синтеза техники и искусства; то, каким образом художник станет взаимодействовать с цифровым пространством, зависит от того, какая парадигма искусства является доминирующей в отдельно взятый временной промежуток.

Раскрывая содержание понятия «цифровое искусство», обратимся к антиэссенциализму, представители которого представляют цифровое искусство как практику, в рамках которой художник вступает во взаимодействие с цифровым информационным пространством и создает объект цифрового типа (программа, файл, изображение, звук), который в дальнейшем станет восприниматься обществом в качестве произведения искусства [3, 156]. Что касается произведений цифрового искусства, то они включают в себя две детерминан-

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С23–24.

ты: уровень цифровых данных и уровень репрезентации, в рамках которого указанные данные должны быть представлены зрителю в доступной для него форме. Представляется необходимым обозначить характерные черты таких произведений: они безобъектны; зависят от программного и аппаратного обеспечения; легко поддаются изменениям; могут быть скопированы. Наличие двух уровней (данные; репрезентация) обуславливает возникновение двух трактовок указанного понятия. Так, А.С. Завьялов, апеллируя к уровню данных, утверждает, что произведение цифрового искусства – это фрагмент цифрового информационного пространства, демонстрирующий характер структурированности и обладающий некоторой художественной ценностью [3, 163–164]. Последняя, в свою очередь, зависит от доминирующей парадигмы искусства и связанных с ней конвенциональных норм. Определение произведения цифрового искусства может быть обращено, соответственно, к двум его уровням. Если же рассматривать указанное понятие в контексте репрезентации, то оно представляется собой произведение искусства, основой существования которого является фрагмент информационного пространства.

Философский анализ цифрового искусства исходит также из раскрытия социальных предпосылок, характеристик и проявлений информатизации и цифровизации, в том числе критериев оценки, в соответствии с которыми цифровому объекту будет присваиваться статус «произведения искусства». Размышления о видах и значении выбора, имеющегося у художника, способствуют полноценному восприятию его творчества. Следовательно, особую значимость приобретает вопрос оснований и критериальных рамок, относительно которых цифровой объект признается «произведением искусства». Если обратиться к традиционному искусству, то выяснится, что в роли критериев зачастую выступают эстетически значимые эффекты, достигнутые художником с помощью определенных инструментов и материалов. В подобном ракурсе рассмотрения традиционно критерии оценки имеют непосредственное отношение к художественным средствам. Однако в случае с цифровым искусством эти критерии не вполне справедливы, так как выбор художника ограничен мощностями вычислительного средства и возможностями воспроизведения. При этом можно утверждать, что этот выбор осуществляется в терминах признания художником ограничений и возможностей выбранного им средства. Изображения, передаваемые в цифровом формате, всегда воспроизводимы, и поэтому, когда художник стремится передать художественное содержание с помощью цифровых изображений, ему приходится либо смириться с неизбежной множественностью своих изображений, либо противостоять тенденциям носителя и каким-то образом уточнить единичность произведения при его представлении. На более тонком уровне оценка тех или иных эффектов цвета и композиции, экспрессии, структуры повествования и т.д. зависит не только от самих эффектов, но и от фонового признания степени их сложности или новаторства в соответствующем средстве. Одна из проблем цифрового искусства заключается в том, что его производство зачастую основано на компьютерной автоматизации многих задач, как ручных, так и когнитивных, традиционно связанных с созданием произведений искусства. Эффекты, достигаемые с помощью компьютерной автоматизации, не могут быть оценены так же, как эффекты, достигаемые традиционными «аналоговыми» художественными методами. Поэтому в цифровую эпоху условия оценки нуждаются в корректировке. В силу того, что современные вычислительные средства кодируют любой вид информации одинаково (в виде последова-

тельности двоичного кода), ценность художественного произведения, созданного посредством компьютерной обработки, уже не может быть определена на основе характера его структурной реализации. Кроме того, изменяя, например, исходный код, мы тем самым преобразуем и объект искусства, и получаем потенциально бесконечное число объектов, реализующих некоторый градиент тождественности. Для цифрового искусства также становится гораздо менее важна или вообще незначима связь с некоторым (материальным или нематериальным) носителем.

Представление о том, что искусство – это нечто, зафиксированное во времени и пространстве, тяготеет к эссенциалистской традиции [12]. Критерии оценки произведения искусства, справедливые для девятнадцатого и двадцатого века, к которым следует отнести технику и стиль художника (в контексте живописи), зачастую не работают или радикально трансформируются в отношении цифровых произведений искусства. При этом нельзя утверждать, что на сегодняшний день абсолютно любой объект, присутствующий в цифровом информационном пространстве, является произведением искусства. В таком ракурсе рассмотрения и актуализируются различные аспекты проблемы демаркации как на уровне теоретического осмысления, так и непосредственного взаимодействия с объектами и феноменами [9]. Также одним из основных критериев оценки цифрового произведения искусства часто предлагается или предполагается условный общественный консенсус. Иными словами, общество, или социальная группа должны достигнуть фундаментального согласия о том, что отдельно взятый цифровой объект или некоторая общность представляет собой произведение искусства. Содержание понятие «цифровое искусство» также можно соотнести с концепцией И. Кляйна, согласно которой художник творит «из ничего» и, будучи творцом, не нуждается в субстанции для творчества [11]. При этом сущность цифрового искусства раскрывается в практике, в рамках которой художник вступает во взаимодействие с цифровым пространством и создает его цифровой фрагмент, который в дальнейшем станет субъектно [8] восприниматься в качестве произведения искусства. Критерии оценки, справедливые для традиционного искусства, могут использоваться и при оценке цифровых произведений искусства, так как выбор художника ограничен мощностями вычислительного средства и возможностями воспроизведения.

В сфере цифрового искусства понятие «теоретические образы» приобретает более углубленное значение. Чтобы понять суть этого термина, необходимо разобрать его составляющие. С одной стороны, под «теоретическими» в данном контексте можно понимать абстрактные и концептуальные основы, на которых строится наше понимание произведений цифрового искусства. Эти рамки охватывают различные теоретические перспективы, такие как эстетика, семиотика, социально-политическая критика и пр. С другой стороны, «образы» выходят за рамки визуальных репрезентаций и охватывают более широкие аспекты художественного выражения, включая интерактивность, повествование и опыт в цифровой сфере. Теоретические образы играют ключевую роль в раскрытии исторической эволюции и будущих траекторий развития цифрового искусства. Они служат методологической рамкой и концептуализирующим основанием, предлагая комплексный конструкт, через который можно постичь динамичную, многогранную и отчасти противоречивую природу цифрового искусства. Цифровая эпоха также привела к глубокому переосмыслению эстетики в сфере искусства. Цифровое ис-

куство выходит за рамки традиционных представлений о красоте и обращается к новым измерениям визуального представления, интерактивности и вовлеченности.

В контексте исследования социальных феноменов теоретический образ можно рассматривать как парадигмально детерминированную рефлексивную интерпретацию социального феномена, зафиксированную в виде различных теоретических концептов и предположений [7]. Проявление и фиксация конкретных структурных и функциональных черт и свойств реализуется в процессе постоянной пересборки системных и элементных базисов, и со стороны эпистемологического закрепления отражается в моделировании и схематизации объекта в ракурсе избранной исследовательской оптики. Наследование и преемственность феноменов искусства в аспекте теоретизации посредством диахронического среза дискурсивных практик [4] проявляет не только контекст присущих и определяющих типов рациональности, но и метаконтекстуальность иррационального. Теоретические образы, таким образом, представляют собой ментальные конструкции и рамки, которые мы используем для расшифровки и контекстуализации цифрового искусства. Они включают в себя теоретические «линзы», сквозь фокус которых рассматриваются произведения цифрового искусства, в том числе вычислительные процессы, эстетические критерии и образы, а также социокультурные проявления и следствия, которые их определяют. Теоретические образы служат когнитивными инструментами, помогая ориентироваться в многогранном поле цифрового искусства, предоставляя концептуальные рамки, раскрывающие и концептуализирующие исследуемый феномен.

Представление об образе и теоретической интерпретации цифрового искусства неразрывно связано с искусством вообще. При этом данный ракурс концептуализации искусства выходит за пределы научной парадигмальной метрики (нормативных, интерпретативных и прочих доминирующих подходов и принципов) и типов научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической). В отношении искусства во многих срезах проявляются иррациональные аспекты, метафизические построения, метафорические приближения и восприятия, ярко выраженная социокультурно обусловленная интерпретация, онтологизация пространства духовного в сочетании с иным ракурсом опосредования материальным, представляющие и сочетающие и научные и ненаучные концептуальные схемы. В построении и фиксации теоретических образов искусства даже в формально-нормативных критериальных границах на первый план выходит именно образ. Восприятие цифрового искусства как феномена социальной реальности сужает и предопределяет, но не элиминирует упомянутые и неупомянутые трансцендентные данной сфере аспекты. Как и многие объекты, к которым применяется или может быть применена методология построения теоретического образа социальных феноменов, искусство недоступно для непосредственного целостного обнаружения, выявления и осмысления, но при этом имеет и значительные специфические черты и особые характеристики, ещё в большей мере усложняющие подобный подход и метод концептуализации. Феномены, объекты, концепты искусства замещают искусство, одновременно и доступное, определяемое посредством и не сводимое, не формируемое. Отдельные феномены, структуры и элементы образования, например, гораздо определённое и явственнее связаны и соотносимы с образованием как таковым, чем если мы коснёмся в подобном отношении сферы искусства. Сама исследовательская оптика также гораздо более условна и относительна. Исследо-

вание искусства с помощью образа уже есть искусство, например, практики визуальных, графических способов и приёмов интерпретации уже есть, собственно, в определённых приложениях и восприятиях визуальное, графическое искусство. Искусство в одном из своих аспектов и есть образное отражение и выражение, осмысление действительного, и тут мы видим непосредственную очевидную на первый взгляд коннотацию тождественности к рассматриваемому способу концептуализации. Конечно, можно заметить, что это осмысление особым образом теоретическое, но и философия тоже в значительных своих проявлениях – и особая теоретизация и особое искусство.

Литература

1. Бондарева Я.В., Завьялов А.С. Цифровое инфопространство и его характеристики // Сибирский учитель. – 2016. – № 3 (106). – С. 35–38.
2. Ерохин С.В. Проблема подлинности произведений цифрового изобразительного искусства // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов. – 2008. – № 10 (66). – С. 159–165.
3. Завьялов А.С. Цифровое искусство как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. Москва. – 2017. – 227 с.
4. Ильин С.Е. Атрибуты теоретических образов социализации: к рефлексии над социокультурной стороной знаний // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32). – С. 60–68.
5. Крутоус В.П. Постмодернизм как философия и культурфилософия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 13 (724). – С. 36–50.
6. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпресервис: Кн. дом., – 2001. – 1038 с.
7. Ромм М.В., Ромм Т.А. Конструирование теоретических образов социальных феноменов / М.В. Ромм, Т.А. Ромм // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2010. – Т. 8. Вып. 2. – С. 32–36.
8. Moore C. et al. How the personal became (and remains) political in the visual arts // Everyday Revolutions: Remaking Gender, Sexuality and Culture in 1970s Australia. – 2019. – С. 85–102.
9. Piotrowski K. et al. Some Contexts of the Question About Art—From Essentialism to Machine Epistemology // Art Inquiry. – 2019. – № . 21. – С. 37–58.
10. Tillinghast L. Essence and Anti-essentialism about Art // The British Journal of Aesthetics. – 2004. – Т. 44. – № . 2. – С. 167–183.
11. Hande Ç., Aydingüler M., Boyraz B. Yves Klein: An Actual Review of His Anthropometries and Monochromes // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. – 2023. – Т. 12. – № . 3. – С. 2258–2278.
12. Wójtowicz E. Material Cloud. Techno-Essentialism in Media Art // 4 Material Cloud. Techno. – 2019. – С. 4.

THE PROBLEM OF THE ESSENCE OF DIGITAL ART IN ITS WORKS AND THEORETICAL IMAGES

Khandogin R.V.

Novosibirsk State Technical University

The active development and diffusion of digital technologies has led to the emergence of new types and forms of art, in particular digital art. The article discusses some approaches to theorising and constructing images of digital art. It problematises semantic and formal aspects of the nature of art and the content of artworks in the context of the digitalisation of social space. The specificities and problematic gaps of the phenomenon under study are analysed from

the positions of essentialist and anti-essentialist approaches. The complexity and contradictory uncertainty of the criteria for evaluating digital works of art, also in relation to more traditional grounds and principles, are revealed. The construction and representation of theoretical images is revealed through the specifics of artistic expression, the representation of the essence and form of aesthetics, and the reflexive interpretation of the conceptualisations of social phenomenon.

Keywords: digital art, digital artwork, essence, essentialism, anti-essentialism, digital aesthetic, theoretical image.

References

1. Bondareva Y., Zavalov A. Digital InfoSpace and its Characteristics Siberian teacher. – 2016. – № 3 (106). – Pp. 35–38.
2. Erokhin S.V. The problem of authenticity of works of digital fine art // Vestn. Tamb. un-ta. Ser. Humanities. Tambov. – 2008. – № 10 (66). – Pp. 159–165.
3. Zavyalov A. Digital art as an object of socio-philosophical analysis: dis. ... candidate of Philos. sciences'. Moscow. – 2017. – 227 p.
4. Ilyin S. Attributes of theoretical images of socialization: towards a reflection on the socio-cultural manifestation of knowledge // Ideas and ideals. – 2017. – № 2 (32). – Pp. 60–68.
5. Krutous V. Postmodernism as philosophy and cultural philosophy // Bulletin of Moscow State Linguistic University. – 2015. – № 13 (724). – Pp. 36–50.
6. Postmodernism: an encyclopaedia / co-edited by A. Gritsanov, M. Mozheiko. – Minsk: Interpresservice: Kn. dom. – 2001. – 1038 p.
7. Romm M., Romm T. Constructing theoretical images of social phenomena / M.V. Romm, T.A. Romm // Vestnik NSU. Series: Philosophy. – 2010. – Vol. 8. Issue. 2. – Pp. 32–36.
8. Moore C. et al. How the personal became (and remains) political in the visual arts // Everyday Revolutions: Remaking Gender, Sexuality and Culture in 1970s Australia. – 2019. – C. 85–102.
9. Piotrowski K. et al. Some Contexts of the Question About Art—From Essentialism to Machine Epistemology // Art Inquiry. – 2019. – № . 21. – C. 37–58.
10. Tillinghast L. Essence and Anti-essentialism about Art // The British Journal of Aesthetics. – 2004. – T. 44. – № . 2. – C. 167–183.
11. Hande Ç., Aydingüler M., Boyraz B. Yves Klein: An Actual Review of His Anthropometries and Monochromes // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. – 2023. – T. 12. – № . 3. – C. 2258–2278.
12. Wójtowicz E. Material Cloud. Techno-Essentialism in Media Art //4 Material Cloud. Techno. – 2019. – C. 4.

Теоретико-методологический анализ понятия «коммуникативные практики» в аспекте философской антропологии

Швачкина Людмила Александровна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: Shvachkina@mail.ru

Родионова Валентина Ивановна,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Мамедов Джавидан Бакир оглы,

аспирант, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: Dzavidan.mamedov,97@bk.ru

Современная цивилизация претерпевает фундаментальные изменения во всех аспектах своей организации и функционирования. Содержание понятия «человек» и его современная трактовка существенно различаются в различных философских и научных дискурсах в зависимости от принятых теоретико-методологических принципов. Философская рефлексия личности и человека онтологический, гносеологический, этический, аксиологический, эстетический и другие модусы в современном мире стимулируют междисциплинарный синтез и развитие антропологических стратегий в цифровой цивилизации, на основе которых можно организовать эффективные коммуникативные практики, формирование и развитие субъектности и самоопределения как человека, так и человечества в целом. В данной статье предпринята попытка поставить проблему формирования нового субъекта в формирующейся цифровой цивилизации, требующую переосмысления существующих и актуализации новых антропологических стратегий, учитывающих специфику цифровой цивилизации и цифровой культуры в глобальном технологическом, коммуникативном и аксиологическом контексте.

Ключевые слова: антропологическая стратегия, коммуникации, цифровые технологии, глобализация, человек.

Социальный прогресс, сопровождавшийся развитием информационных, коммуникационных и цифровых технологий, технологизацией всех сфер социальной организации и человеческого мышления, позволил развить такое явление, впервые отмеченное Жаком Эллюлем, как поглощение человека технологиями [1]. Речь идет о таких радикальных изменениях в человеческом самоопределении и идентичности в результате всеобщей рационализации мира, в которой неизбежно возникает запрос на контроль над технологиями и техническим развитием.

Углубляясь в процесс управления технологией, человек быстро стремится за техническим развитием и новыми технологиями, тем самым становясь частью более сложной технологии, теряя ее субъектность [2]. Технологии, в свою очередь, становятся неотъемлемой частью человека. Как писал М. Хайдеггер, технология – это не просто инструмент, это наша внутренняя опора, и человек уже не может быть отделен от нее, технология – это тоже часть человека, как человеческое тело и разум. И человек не может отказаться от него по своему желанию [3].

Методика, лежащая в основе технологии, даже не может быть продумана, потому что она все равно будет присутствовать в нашем мышлении как некий алгоритм, система кодов, сетка значений, основа для интерпретации. Между тем, благодаря развитию технологий, техника обретает способность провозглашать новую реальность и преобразовывать человека по своему образу и подобию, превращая человека в новый объект, а также обращая некогда востребованное человеком требование контроля над техникой против человека. «Постепенно происходит построение иной формы контроля, которая осуществляется не сверху, а как самоконтроль и самодисциплина» [1].

Отсюда следует, что универсальный процесс рационализации и технизации приводит к изменению фундаментальных представлений человека о мире, о себе и о том, как люди относятся к миру и обществу [4]. А это, в свою очередь, стимулирует изменения в самом типе организации общества и модели управления таким обществом и через изменение модели управления происходит процесс культурного изменения, который актуализируется в рамках формирующейся цифровой цивилизации [4].

Формирующаяся цифровая цивилизация предоставляет широкие возможности для нового содержательного раскрытия дискурса о человеке: появляется новый тип человека и возможность говорить о новых антропологических стратегиях, построенных на принципиально иных представлениях человека о себе, его внутреннем и внешнем мире, а также способах взаимодействия внешнего мира с внутренним [1].

В условиях современной цивилизации создаются предпосылки для изменения культуры, моделей управления, а, следовательно, и человека. Эти условия являются технологическими и сводятся к вытеснению природы и природного начала из человеческого и социокультурного бытия путем смещения фокуса внимания с уникальности человеческого и индивидуального духовного

пути в цивилизации на технические разработки, цифровые технологии и новые коммуникационные среды, в том числе Интернет. «Интернет стал «социальным ландшафтом», меняющим отношения человека с природой и техникой, приобретая особую амбивалентность» [5].

Цифровые технологии широко используются как для удовлетворения потребностей людей и человечества, так и для поиска и реализации нового типа организации власти с помощью таких технологий. Из множества возможных моделей социального управления мы выделяем управление через создание глобального коммуникационного пространства как наиболее эффективную и актуальную модель, при этом главным является не форма управления, а специфика реализации технологии управления посредством цифровых технологий.

Рассматривая спектр вариантов таких моделей, выделим наиболее распространенную, обладающую потенциалом трансформации реальности, а также пригодную для управления в условиях цифровой цивилизации. Суть его заключается в том, что субъект не осознает степени манипуляции сознанием, а при внешнем фоне свободы и демократичности индивид ложно убежден в наличии волеизъявления, чувства и восприятия, а также в изложении собственных мыслей и понимании основ мотивации действия. Этот тип управления предполагает, что манипулирование сознанием становится глобальным явлением и «трансформирует самосознание человека как субъекта культуры, государства, этничности» [6].

В ходе практической реализации такой модели управления стимулируется социально-технический прогресс, что приводит к изменению характера взаимоотношений человека с природой, культурой и технологиями. Изменение характера взаимоотношений человека и техники с отделением человека от природы отражается на природе мышления, самоопределения и самоидентификации человека. Эти изменения влекут за собой появление новой идентичности личности, а точнее идентичностей, с постоянной их сменой, что в конечном итоге приводит к размыванию образа Самости и проблеме самоопределения. В результате возникает потребность в новом подходе к человеку и сущностным личностным характеристикам, в переосмыслении антропологических стратегий в условиях новой цифровой цивилизации.

Поскольку под стратегией понимается результат определенного вида систематической рефлексивной деятельности по выработке системной процессуальной картины действительности и способа сохранения и развития человеческой цивилизации и человека в ней, то антропологическая стратегия понимается и как результат рефлексивной деятельности, и как форма сознания, отражающая определенный тип самоопределения и рефлексивной самоорганизации человека [6].

Рассматривая антропологическую стратегию с позиции системно-процессуального подхода, можно выделить ее процессуальную и структурную составляющие. Оба компонента присутствуют даже тогда, когда они плохо поняты и понятны человеку. Процессный подход позволяет последовательно фиксировать изменения антропологической стратегии в зависимости от последовательного изменения характеристик самоопределения, рефлексивной самоорганизации человека в условиях цифровой цивилизации, а структурно-системное видение позволяет не терять полезности антропологической стратегии для сохранения психофизиологической целостности человека и возможностей ее гармоничного (последовательного) развития [5].

Основные принципы системно-процессуального подхода к антропологической стратегии в цифровой цивилизации можно сформулировать следующим образом:

1) принцип логической выводимости функции антропологической стратегии в рефлексивной самоорганизации и в процессе самоопределения человека в цифровой цивилизации; \

2) принцип включения антропологической стратегии в рамки картины мира, соответствующей специфике современных условий цифровой цивилизации;

3) принцип различения двух принципов антропологической стратегии (формального и содержательного), а также их синтез в целостности личности;

4) принцип проявления антропологической стратегии в реализации ее функции;

5) принцип выделения пяти этапов обновления антропологической стратегии (формирование, функционирование, совершенствование, развитие и деградация);

6) принцип проявления процессуальной логики внутренних характеристик антропологической стратегии в рефлексивной самоорганизации и самоопределении личности, а также в индивидуальных коммуникативных практиках, в том числе в их результате.

Принципы аксиологического подхода позволяют квалифицировать самоопределение через принятие (аккультурацию) или неприятие (декультурацию) человеком ведущих ценностей различных сетевых пространств цифровой цивилизации и за счет учета множественности формирующихся систем ценностей, а также детального рассмотрения некоторых из них, и позволяют реализовать типологию человеческого самоопределения в новую цифровую эпоху.

Далее уместно обратить внимание на то, что для платонизма душа является сущностной характеристикой человека, а сущностной характеристикой мира является душа мира. Под душой в данном контексте следует понимать способность созерцать, отражать и сохранять образ отраженного. Таким образом, человеческая душа позволяет отражать мир и сохранять образ мира и его свойства. Душа мира, в свою очередь, отражает характеристики и свойства душ всего человечества и сохраняет этот образ в целом, являясь трехмерной копией человеческой души. Между душой человека и душой мира устанавливаются взаимозависимые отношения, аналогичные отношениям макро- и микромира. Актуализацией этой связи является метаантропологическая стратегия, путь к совершенствованию и духовному развитию человека, который реализуется типичным и уникальным образом в той или иной цивилизации.

В связи с этим каждая цивилизация формирует свои антропологические стратегии, свою модель человека и образ человечества, и другой задачи для нее нет. И здесь «каждое поколение начинает сначала, у него нет другой задачи, отличной от задачи предыдущего поколения, и оно тоже не идет дальше, так как предыдущее поколение не уклонялось от этой задачи и не обманывало себя» [6].

Антропологическая модель и антропологические стратегии в условиях цифровой цивилизации исходили из того, что мир и индивид отражаются в сознании субъекта мышления, а индивид выступает в качестве субъекта только в процессе, когда мир и индивид не просто отражаются в сознании, а конструируются. На начальном этапе развития человек не отделяет себя от процесса мышления, человек отождествляет себя со своим образом, и многие грани и измерения образов человека и мира воспринимаются человеком как очевидные. Однако чем выше уровень развития человека, тем сложнее становится формировать в нем образ мира и себя. Более того, такое развитие имеет индивидуальный и видовой предел.

Спектр возможных антропологических стратегий в цифровой цивилизации можно обобщить на две полярные группы: онтологические стратегии разъединения (это стратегии, направленные на совершенствование человека за счет развития личностного сознания, субъективности и формирования самоопределения к синергии с миром глобальной коммуникации), и онтологические стратегии замкнутости, направленные на совершенствование человека путем расширения личных психофизиологических возможностей за счет использования цифровых технологий и замыкание сознания на теле, ощущениях, восприятиях, эмоциях.

Основой антропологических стратегий в цифровой цивилизации, направленных на онтологическую разъединенность, за пределами видового предела, являются антропологические практики, которые призваны помочь людям превзойти самих себя, выйти за пределы естественной обусловленности, совершенствоваться, совершить поворот в сознании, мышлении, физиологической регуляции. В человеческом сознании происходит неправильное отождествление с индивидуальными матрицами мышления. В основе этого ментального переворота лежит переживание отражения изменения внимания от содержания нашего мышления к самому процессу мышления, что в данном случае обусловлено техникой и цифровыми технологиями. Человек начинает различать разные уровни сознания, улавливать различные оттенки содержания сознания, формировать новые, что говорит о существенном изменении в человеке, потому что меняется измерение человеческой души.

С реализацией такой антропологической стратегии в условиях цифровой цивилизации в сознании человека появляется новый актер – технологии (ИИ, человек-машина, нейроинтерфейс и другие). Технологии дают человеку, идущему по пути осознанности, индивидуализации и формирования духовного самоопределения, возможность воспользоваться преимуществами коллективного мышления без крайностей «социального», что сегодня проявляется в передаче некоторых функций субъекта мышления при работе с Big Data, использовании ИИ для сбора, хранения и анализа данных. Человек получает возможность передать часть функций субъекта мышления технике. Она открывает перспективу сотрудничества, сосуществования с техникой в глобальной коммуникации, где техника признается как возможность трансгрессии, как точка бифуркации на пути эволюционного развития человечества, но только при условии активной творческой позиции человека и сформированной субъектности.

В основе антропологических стратегий, направленных на онтологическую замкнутость, лежит нереплексивное отношение к себе и миру, исключение техники и технологии из процесса саморазвития и самопоиска, что в результате приводит к порабощению человеческого сознания техникой. Важнейшими характеристиками захвата сознания человека технологиями являются изменение понимания пространства и времени и отношения к ним. Время в условиях развивающихся цифровых сред, цифровых технологий и непрерывного потока Big Data сжимается, субъективно воспринимается как событийно-конденсированное; Одновременно возникает эффект молниеносной смены ситуаций, ускоряющихся одна за другой, это создает трудности в адаптации человека к новым условиям, в том числе граничащим с видовыми возможностями человека. Если такая стратегия будет реализована, можно будет говорить об угрозе исчезновения человека как биологического вида [2].

Таким образом, знание современных исследований по проблеме онтологических, гносеологических, этиче-

ских, эстетических, аксиологических и других модусов человека в современных условиях позволяет обоснованно заявить о формировании новых антропологических стратегий в конкурентной борьбе современной цифровой цивилизации.

Такие стратегии имеют ряд специфических особенностей и опираются на основные характеристики той цивилизации, в рамках которой они формируются. Цифровая цивилизация формирует новый тип человека, общества, культуры и управления. Их объединяющими характеристиками являются мультиверсальность, полидискурсивность, синергия и глобальная коммуникация. Условия цифровой цивилизации позволяют актуализировать как позитивные, так и негативные варианты реализации антропологических стратегий, которые, в свою очередь, могут быть обобщены в две полярные группы: онтологические стратегии разъединения и онтологические стратегии замкнутости.

Важнейшей характеристикой антропологических стратегий онтологического разъединения является особый тип самоопределения человека, при котором человеку присуща склонность к духовному поиску себя, осознанности, субъектности, высокий уровень рефлексивной самоорганизации и готовность воспринимать доступ к глобальной коммуникационной сети как условие самопознания, саморазвития и самореализации.

К характеристикам антропологических стратегий онтологической замкнутости относятся отсутствие самоопределения индивида, размытая идентичность, неформальная субъектность, объектная позиция по отношению к себе и своей жизни, а также отсутствие способности оставаться в глобальной коммуникации из-за существующих матриц мышления.

Литература

1. Ключев В.В. Коммуникативные практики в современном обществе: философский анализ // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2010. – № 4 (17). – С. 40–54.
2. Леонтьева А.А. Коммуникативные практики: философский анализ // Вестник Ивановского государственного университета. Философия. – 2015. Т. 9. – № 2. – С. 67–76.
3. Мясищев В.Н. Коммуникативные практики и международное общение: философско-антропологический подход // Вестник РГАКФД. – 2012. – № 1 (52). – С. 83–88.
4. Половецкий М.У. Коммуникативные практики в контексте философской антропологии // Философия и общество. – 2014. – № 1. – С. 41–48.
5. Самарина Е.В. Коммуникативные практики в свете философской антропологии // Философия образования. – 2017. – № 2. – С. 75–85.
6. Шейн Ю.Ф. Философско-антропологический аспект коммуникативных практик // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 4 (77). – С. 41–50.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “COMMUNICATIVE PRACTICES” IN THE ASPECT OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Mamedov Ja.B.
Don State Technical University

Modern civilization is undergoing fundamental changes in all aspects of its organization and functioning. The content of the concept of “man” and its modern interpretation differ significantly in various philosophical and scientific discourses, depending on the accepted theoretical and methodological principles. Philosophical reflec-

tion of personality and man ontological, epistemological, ethical, axiological, aesthetic and other modes in the modern world stimulates interdisciplinary synthesis and development of anthropological strategies in digital civilization, on the basis of which it is possible to organize effective communication practices, the formation and development of subjectivity and self-determination of both humans and and humanity as a whole. This article makes an attempt to pose the problem of the formation of a new subject in the emerging digital civilization, which requires a rethinking of existing and updating of new anthropological strategies that take into account the specifics of digital civilization and digital culture in the global technological, communicative and axiological context.

Keywords: anthropological strategy, communications, digital technologies, globalization, human.

References

1. Klyuev V.V. Communicative practices in modern society: philosophical analysis // Bulletin of Moscow University. Episode 7: Philosophy. – 2010. – No. 4 (17). – pp. 40–54.
2. Leontyeva A.A. Communicative practices: philosophical analysis // Bulletin of Ivanovo State University. Philosophy. – 2015. T. 9. – No. 2. – P. 67–76.
3. Myasishchev V.N. Communicative practices and international communication: a philosophical and anthropological approach // Bulletin of the Russian State Academy of Cultural Affairs. – 2012. – No. 1 (52). – pp. 83–88.
4. Polovetsky M.U. Communicative practices in the context of philosophical anthropology // Philosophy and Society. – 2014. – No. 1. – pp. 41–48.
5. Samarina E.V. Communicative practices in the light of philosophical anthropology // Philosophy of Education. – 2017. – No. 2. – pp. 75–85.
6. Shane Yu.F. Philosophical and anthropological aspect of communicative practices // Bulletin of Kemerovo State University. – 2019. – No. 4 (77). – pp. 41–50.

Элементы социального гуманизма в социокультурном, коммуникационном, образовательном пространствах современной политики: особенности восприятия и практико-ориентированные задачи

Казаков Михаил Анатольевич,

д.п.н., профессор, профессор кафедры политологии
Института международных отношений и мировой
истории Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: kazakov_mihail@list.ru

В статье через методологию предметно-локализованного подхода рассматриваются грани социального гуманизма, присущие сфере современной политики, дается и объясняется их роль, периодизация развития в XXI веке. Выделяются элементы социального гуманизма, действующие в социокультурном, коммуникационном и образовательном пространствах политики, фиксируются особенности их восприятия и понимания, первоочередные практико-ориентированные задачи в сфере гуманитарного образования и социальной коммуникации.

Ключевые слова: гуманизм, социокультурное измерение политического процесса, социальный гуманизм, социальный суверенитет человека, социальное государство, социальное творчество, человеческий потенциал.

Введение

Исследования отечественных ученых позволяют считать доказанным. Справедливость и *человеколюбие*, национальный суверенитет и патриотизм, стабильность и безопасность во всех ее измерениях, мирный международный порядок являются для России не менее значимыми ценностями, чем демократия, права человека и личные свободы [1, с. 25]. В этом соотношении особой ролью в политической жизни современного российского общества отмечен гуманизм. Будучи ценностной ориентацией и идеалом определенной его части, что придает ему социальный статус, он привлекателен отношением к людям, мировоззрением на позитивном представлении о природе человека и предполагаемом им обществе. Они актуализируют конструктивный потенциал личности гражданина РФ в принципах и связях с национально-государственной идентичностью. Являя собой, элемент культурного капитала в ее формировании, находит выражение в социальных нормах, общественной морали, политическом сознании и общении, пространствах культуры, образования, коммуникации. В формах механизма консенсуса, учитываемого в современном государственном управлении и публичной политике, востребованный предмет науки.

В истоках такого признания в *постсоветский период* как примера крайне неоднозначного отношения к гуманизму и его применению, важную роль сыграло *социокультурное измерение* политического процесса (А.С. Панарин, А.И. Соловьев, В.С. Степин). Оно сразу сказалось на интересе исследователей (включая автора) к рассмотрению через эту призму, как политические явления, так и различные пространственные среды внутри политики. В каждой из них есть свои, особые возможности для участия и самореализации людей, формирующие гуманитарные практики. В частности, заслугой столичных и региональных изысканий в РФ, является «улавливание» тенденций в состоянии социальных, гражданских ценностей, схожих по описанию зарубежными авторами. Где высшей ценностью является жизнь человека в особых условиях, когда все материальные и нематериальные ресурсы социума направлены на максимизацию безопасности и комфорта жизни людей [2, с. 56–57]. Эти смыслы и изменения нашли отражение в трансформации таких политик как социальная, культурная, образовательная, молодежная и других.

Решение проблем трансформации политик(и) в ответ на изменчивость мира относится к приоритетам современного российского общества. Так как напрямую влияет на качество воспроизводства человеческого капитала, выступающего фактором его инновационного развития с гуманистическим значением. В его раскрытии *гуманизм*, прежде всего, принцип жизнеустройства, признающий самоценность человека. Сделать его одним из руководящих – задача гуманитарной науки. В ее ре-

шении *социальный гуманизм (СГ)* – междисциплинарное направление социально-гуманитарных исследований, ориентированное на духовное и научное постижение национально-исторического своеобразия РФ. Его воплощение посредством политики социального государства, устремленной к «благу всех граждан». Исходя из чего, основная функция СГ – *интегративно-регулятивная*, диалектически сочетающая необходимость баланса интересов на консенсусе традиций и инноваций.

В исходном его достижении, объединяющего носителей гуманизма в прошлом и настоящем, лежат закономерности культуры, истории, человеческого духа и разума. Восприятие их проявлений возвращает нас к К. Леви-Строссу, его концепции «нового гуманизма», но по существу понимания – к М. Веберу. Теории социального действия как поведенческой парадигме, социологии религии, что по мысли П. Сорокина, есть социология культуры в целом [3, с. 32] Это подтверждает целесообразность анализа социального гуманизма через данный классический фокус. В нем выделим и других наших мыслителей – Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, П.Л. Лаврова, Л.И. Мечникова и др. Он не единственный в плане обращения к проблематике вопроса и за рубежом: Х. Аренд, А. Мюллер-Армак, В. Ойкен, А. Печчи, К. Роджерс, Ш. Тейяр де, Л. Эрхард и др., в РФ – В.В. Ильин, М.В. Ильин, И.Б. Орлов, А.С. Панарин, В.М. Шепель, Е.Б. Шестопал и другие.

С 1997 г. разработку идей социогуманизма ведет «Ассоциация независимых ученых России XX–XXI», интегрирующая ученых естественных наук. Следствием их нового синтеза с гуманитарными явилось развитие наук о гармонии (экоциогуманизм и т.п.). Да и в самом социуме сегодня существует широкий спектр политических, религиозных, этических, идеологических и культурных установок, что отличает Россию от советского общества. Этот новый «открытый» плюрализм признает этническое, религиозное, региональное, социальное, культурное разнообразие и при необходимости защищает эти принципы [4, с. 24].

Специальная военная операция (СВО) на Украине и обострение международных отношений стали главными факторами, радикально изменившими восприятие гуманитарной ситуации в стране. Зревшие и обозначившиеся проблемы углубили объективную потребность серьезной перестройки государственного управления. Воссоздания в нем того ценностно-идеологического контекста, когда антропоцентричность цели и материально-го бытия имеет ярко выраженную, устойчивую константу, по И.А. Ильину, это *государственность*, «солидаризирующая народ». Реакцией на ее новое качество является и выработка национальной политической системой *стратегии гуманитарного развития РФ*.

О чем автор писал еще в 2013 году [5]. В ней по цепочке восприятия-передачи ценностей в социокультурном пространстве, перехода/закрепления партнерских взаимоотношений в коммуникационном пространстве, постоянной мотивации и умений самостоятельного поиска и усвоения новой информации (знаний) в образовательном пространстве, Человек обретает ценностный, интерактивный, *социальный суверенитет*.

В нашем видении это и гуманистическая цель образования, и признак гражданской активности, тесно связанный с суверенитетом национального государства. В этом плане, и необходим анализ содержательных элементов социального гуманизма в каждом из выделенных пространств политики, ставшими сегодня наряду с экономической ключевыми инструментами ее реализации. С учетом личного опыта обращения к гуманитарной тематике [6], [7] тут же возникает уточняющий вопрос к теоретико-

методологическим аспектам явления. Исследовательскому и политическому дискурсу вокруг него, задающих общим делом гуманистов создание адекватных представлений об эволюции гуманизма (специфике, связях, последствиях, трендах). А) Через призму цивилизационного своеобразия прошлого в противоречиях настоящего; Б) Их разрешение, в том числе посредством механизмов и практик гуманизма в человеческом измерении политики. В этом и цель статьи.

Методология

При анализе гуманизма, релевантным представляется *предметно-локализованный* подход с акцентом на последовательности событий. В попытке ее учета воспользуемся *динамической моделью*. Так, с признанием на границе веков методологического плюрализма в качестве реальности неклассическая гуманитаристика не исключала возможности сохранения группы методологических программ, интегрирующих познавательные смыслы эпистемологических оппонентов. Но уже в конце первого десятилетия констатировала. В современной социогуманитаристике формируется новое понимание человека и общества, ограничивающее эвристичность классических методов объясняющей и понимающей парадигм. В этой связи не случайным становится повышенный интерес к условиям практического синтеза противоположных теоретико-методологических установок [8, с. 23].

Поставленный таким образом вопрос с уточнением условий в виде неустранимого науками разрыва между явлением, концептом и понятием «социального гуманизма», это формат объяснения *теоретических моделей*. Их применение в зонах особого спроса – политике и управлении, сформировало, как следствие, новое восприятие государственного управления как *коммуникационной системы*. В политическом процессе закрепились критерии, механизмы и приоритеты, характеризующие человеческое измерение: доверие, диалог, социальные ценности, суверенитет, включая принципы антропоцентризма и цивилизационного анализа. Обзор концептов и подходов с точки зрения их теоретико-методологических установок, наиболее подходящих для комплексного исследования социального гуманизма, приводит к выводу о продуктивности его рассмотрении в рамках нормативно-ценностной концепции М. Вебера и теории установки Д.Н. Узнадзе [9, с. 260].

Параллельно на Западе все большую концептуальную обособанность получает смесь течений транс- и пост-гуманизма, гендерно-ориентированные онтологии и техно-эволюционные системы, нацеленные на симметричное сравнение человеческих и нечеловеческих форм жизни. Они стремятся устранить в умах несопоставимость в значениях человеческих и искусственных акторов не только в процессе освоения природного мира, но и в культурно-цивилизационном устройстве социума. Таким образом, как верно заметил И.Т. Касавин: «соотношение науки, гуманизма и современности... не очевидно и представляет собой сложную исследовательскую проблему» [10, с. 14]. На теоретическом уровне (для ее решения) выделим группу рефлексивных методов. Они представлены философским способом познания, органически сочетающим специфику возможностей изучения мира Человека социальной и политической философией, «многоликой» антропологией.

Они обнажают глубинные связи социально/политически организованного сообщества с различными сферами и уровнями жизни человека. Современные социально-философские и политико-философские теории, к которым можно отнести определения гуманизма

через восприятие и синергетику, рассматривают общество как сложную *самоорганизующуюся* среду жизнедеятельности людей, возникающую из их жизни и включенную в нее. Это находит отражение в институтах. Как и то, что в реальной жизни идет информационно-коммуникационное, осознанно-доверительное, функционально-мотивированное, а не силовое и манипуляционное упорядочение общественных отношений. Усложнение такого процесса требует кооперации бихевиористских и сравнительных методов, умелого сочетания антропологического и системного принципа, сопряжения пространственных и политических категорий, методов социокультурного, коммуникационного подходов и структурно-функционального анализа. Это улучшило оптику уровней сферно-локализованного видения.

Очевидно и то, что методология гуманитарных исследований будет прирастать результатами дискурса, приближая политический к научной процедуре. Она уже расширена за счет надлежащей конвергенции противоположных теоретико-методологических установок, переосмысления своего рода «универсалий», политических парадигм, классических концептов и создания новых теорий среднего уровня, адаптации альтернативных, нетрадиционных познавательных процедур и технологий. В рамках этой перспективы изучение отечественного гуманизма уместно рассматривать и как вклад в понимание глобальных феноменов, таких, как миропорядок, мироустройство, где ключевое слово «мир», означает сбережение людей для индивидуального и социального творчества.

Если бы, следуя известной оговорке, не современность под именем «постмодерн». Создаваемый им мир видимостей, симулякров или «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр) фрагментируется, располагая на каждой стадии своей методологией, языком, культурой, противодействующих научному социальному и политическому анализу. Релятивация пространства и времени, доведенная до абсурда идеологией постмодерна, превращает исследуемые пространства в «копии без оригинала», используемые для реализации манипуляционных целей. Изучать их в единстве природных и социальных начал в таких условиях без образа *Человека, творящего новые формы культуры мира*, невозможно.

Сравнительно полно на отражение такого ориентира и цели социального гуманизма (как элемента специфики) претендуют цивилизационные измерения существования человека и общества: а) как процесса культурного освоения окружающей среды; б) создания социокультурного пространства. Одна из особенностей последнего определяется особым механизмом взаимодействия акторов, – современная политология, как отметил А.С. Панарин, сочетает две методологические традиции. Одна сопряжена с процедурами отнесения к интересам, другая, – к ценностям, что обрекает политику как противостояние конфликтного и диалогового подходов. В нем, кроме всего, требуется решить задачу: как достичь компромисса и согласования различных ценностных позиций [11, с. 10].

Данная задача имеет принципиальное значение для нашей страны и сегодня. Поэтому главным способом ее решения в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [12] является *реализация человеческого потенциала*. Динамика его культуры представлена системой ценностей, способной вариативно реагировать на изменения. К примеру, почему россияне (больше молодые) занимаются волонтерской деятельностью: хотят чувствовать себя полезными (45%), используют возможность решать общие проблемы (31%), реализуют себя и свои инициативы (17%) [13]. Или. Россиянин тот, кто в любой ситуации

может раскрыть свой гуманистический потенциал. Являя собой, еще и продукт гуманитарной практики в молодежной политике, подверженный действию социальных ценностей.

Пример указывает и на мотивацию, и на сознательную ориентацию людей. Без них нет смысла говорить о конструктивных действиях социального гуманизма. Речь, прежде всего, идет о влиянии культурных норм и национальных традиций на внутреннюю и внешнюю политику. По мнению Т.А. Алексеевой, это требует отказа от одномерной иерархии власти в международной системе и внутри государств, учета сетевых взаимосвязей разного уровня и их направленности, «гибридизации» традиционных видов взаимодействия (начиная с дипломатии и кончая войнами), конструирования реальности и попыток ей управлять [14, с. 167]. Эти аспекты существенны в достижении «лучшего мира». Где образ его многополярности, и образ человека, по сути своей, взаимосвязанные конструкты в процессе утверждения.

Иным в этом ракурсе становится и имидж России как общества с «широким кругом гуманистически ориентированных ценностей» (А.И. Соловьев). В виде ключевых механизмов его обеспечения и преодоления современных вызовов интегрированно выступают диалог и консенсус. В качестве элементов гуманизма, воздействующих на динамику исследуемых пространств, – понятия «ценностей» и «гуманитарных практик». Они необходимы для ориентации граждан, их действий и общественного поведения в меняющейся реальности, и одновременно для понимания политики как формы социального бытия и сферы согласия.

Результаты и их обсуждение

Анализ подтверждает. Культура, история и политика выступают переменными величинами, являющимися наиболее важными для исследования социального гуманизма. При *первичности культуры* как способа и среды существования человека по отношению ко всем объективным детерминациям социального мира. Соответствующей ей роли философии среди них в виде *умной* силы (как элемента субъективного фактора), олицетворяющей критически-осмысленное отношение ко всем сферам социальной реальности, представленными еще и своими науками. В современную эпоху, когда знания создаются на стыке именно этих наук, отражая объективный процесс их эволюции. А ее тренд – оформление новых наук и синтез различных предметных областей, обуславливает, что любой объект невозможно изучать одномерно, идет и трансформация категории гуманизма.

В постсоветский период, крайности развенчания его универсального содержания и ограничения изучения гуманизма в соотнесении с политической идеологией, в конце концов, возымели обратный эффект. Методологические и концептуальные эксцессы развернулись в новые возможности. А. Социологического понимания феномена на более широкой платформе определения гуманизма в формах конкретного вида социального действия и взаимодействия, что имеют «подоплеку из ценностных установок» (А.А. Гусейнов) и определенные свойства. Б. Определение гуманизма через законы восприятия. Где действия, которые представлялись, расценивались, обозначались в качестве таковых (С. Жижек) в зависимости от обусловленных культурно-историческим контекстом взглядов общества. Это содействует выявлению особенностей феномена в практиках прошлого и настоящего.

В первом десятилетии XXI века посредством дискурса складывается новое понимание сущности социаль-

ного гуманизма на взаимной связи идей/практик *социального государства* и гуманизма. Главным элементом единения явилась специфика человека, изменяющего свое положение участием в *социальном творчестве*. Своеобразным тому доказательством и итогом, инициированных властью дискуссий по вопросам политической культуры (2006–2009), стало обобщающее мнение Е.М. Примакова, что за пределами собственной культуры будущего у России нет [15, с. 93]. И понимание того, что любое обустройство жизни людей, осуществляемое как способ, условие и результат социального взаимодействия, реализуется в контексте культуры. Он и создает социокультурное пространство.

Наличие и сам характер связей в нем *дуально* по природе, способно обеспечивать преемственность, идентичность общества на основе базовых (ядерных) ценностей и норм поведения. И одновременно содержать потенциал нового, что в ритмике изменений связей в систему предметных отношений образуют *ситуацию развития* как исковое единство исходных предпосылок [16, с. 122] социального движения. Тогда на старте века в нем требования «порядка» и «справедливости» доминировали во всех без исключения значимых группах общества. Временно достигнутый консенсус о неизбежности нового витка реформ в стране с опорой на традиции создавал почву для модернизации, способствовал закреплению нововведений социального гуманизма в практике национальных проектов [17, с. 101].

Куда в пике постмодернистскому влиянию и сохраняющейся в некоторых нишах общественного сознания архаике вошли, сведенные в целое данные об опыте и попытках гуманизации в разных сферах российского общества. Они были подготовлены И.Б. Орловым еще в 2008 году [18]. Ответом государства на запросы общества стало совершенствование нормативной и институциональной базы в сфере социальной политики и защиты. В базовых федеральных нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность в сфере работы с молодежью, получил зеленый свет партнерский или субъект-субъектный подход, и т.д.

Начало второго десятилетия века, окатываемое волнами протеста, подтвердило. Создать «новый человеческий ресурс» с помощью оперативных мер нельзя. На передний край *общей практики* вышло решение проблем идентификации. Отсюда и приоритеты правительства: инвестирование в образование, науку, культуру, поддержка основных конфессий, которые могут вернуть людям высокие ценности. Опорой государства остается одна из ключевых ценностей национального сознания – *патриотизм* [19, с. 327]. Социальный гуманизм в лице активной части представителей отреагировал на это двояко. В первой группе оценок: апелляции к государству с требованием гуманизации политической системы. Во второй, – видение в государственной политике возможностей для своего участия в решении как собственных, так и актуальных общественных проблем в партнерстве с властными структурами. Эта ситуация вынуждает отступить в теоретическую плоскость.

Социальный гуманизм, как и патриотизм, является средством самоидентификации людей в качестве граждан. Но в отличие от него, связанным с выполнением обязательств гражданина перед государством (А.В. Абрамов, А.И. Габеркорн, В.А. Тишков), гуманизм выступает способом жизнедеятельности, который, будучи противопоставляем формам агрессии, давления, конфликта на основе их оценки, может быть реализован и без участия власти, так и в партнерстве с ней. В отличие от постмодернизма, фиксирующего утрату челове-

ком его общепринятых человеческих свойств, социальный гуманизм, вслед за Э. Мунье, Э. Фроммом, П. Бурдые требует ответа на вопрос: какие свойства и качества придают Человеку высокий статус в нашу «постчеловеческую эпоху» (Т. Вентцер и Ч. Маттингли).

Главное гуманитарное свойство человека – способность к общению и обретение себя во взаимодействии с другими, указывает на условия, при которых коммуникация протекает результативно. Это – перманентная социально-культурная самоидентификация, отладка диалога с самим собой и внешним миром, искушающего человека негативными смыслами и факторами в его модели будущего. В противовес приемам технотехнологии, усугубляющим черты «патологии нормальности» (Э. Фромм) и растерянности жизненной ситуации человека, наполненной конфликтом и отчуждением. Э. Мунье, в избавлении от их повода, считает необходимым, *единение* людей сделать постоянным, а идеалы людей – всеобщими [20, с. 81]. Или технологиям антигуманитарного управления противопоставить инструмент формирования целостности (человеческой реальности) с помощью общего значения – системы когнитивных институтов/процедур. (Не путать с разного рода программированием).

В ней понятия *действий* и *ценностей* неразрывно связаны с категориями *знаний* и их *передачей*. Здесь мы имеем дело с развитой сетью коммуникаций между людьми в позитивном для них контексте культуры и институтами ее производящими. Прежде всего, власти и СМИ как ключевых *посредников*, обеспечивающих и в турбулентном мире *согласованность* коллективных действий людей. Тут социальный гуманизм легитимирован в ценностях, входящих в нормативную сферу, локализован в мировоззренческих формах культуры и практиках коммуникации, призван порождать прогрессивно-оптимистические, соответствующие обновлению условий жизни смыслы человеческой деятельности и уметь отстаивать их. Правда, из-за отсутствия должного набора прикладных инструментов для замера подлинного в понимании/общении людей, как отмечают социологи, нет пока и полноценного информационно-коммуникационного взаимодействия (ИКВ) власти с ними.

В такой ситуации при оценке статуса человека уместно сравнивать влияние времени и открытости власти на качество коммуникации, наличие доверия и взаимной лояльности, вовлеченность и удовлетворенность людей от коммуникации. Из их связей в соотношении с интересами и по-разному выстроенными коммуникациями в конкурентной борьбе за ресурсы состоит коммуникационное пространство. Интегрированные социальные коммуникации уже четверть века являются в нем связующими процессами управления. Но только сегодня, исходя из нового понимания государственного управления, набирает реальную силу идея *горизонтально-кооперационной* модели коммуникации.

Помимо организации свободно-сетевых потоков полной, точной и проверяемой информации!?, она сопрягаема с национальными интересами (суверенных стран СНГ, ЕАЭС), базовыми цивилизационно-культурными ценностями общества и социального государства. Гуманизм здесь представлен связями с его новой ролью «диспетчера ресурсов», гражданским обществом как основным носителем, историей и проблемами развития. Однако, так как эта модель в стадии становления, она не сможет способствовать защите ценностей его основных акторов до тех пор, пока не будет с успехом реализована.

Характер коммуникационных отношений в других случаях включает, что взаимодействие государствен-

ных структур и совокупности индивидов, групп, общественных объединений может быть описано с помощью иных моделей: обмена, партнерства, сделки, солидарности. Эти модели призваны подчеркнуть, что управление отношениями нацелено: а) на соблюдение этических норм, соответствующих статусу человека, а показатели эффективности, его здоровья или образования, критериям качества жизни; б) ориентировано на долгосрочную поддержку и взаимопонимание людей с целью достижения общих интересов на основе разделяемых ценностей. Результаты исследований свидетельствуют, что созвучие ценностного сознания населения с ценностями властных структур лежит в основе эффективного взаимодействия в любой из сфер политики и национальной безопасности.

Оценка явлений реальной жизни с позиций признания человека абсолютной ценностью является востребованной и в культурной политике государства. Сегодня это понятие вбирает в себя воспитание, обучение и формирование новых поколений. Деятельность средств массовой коммуникации, факторов духовного мира – искусства, кино, литературы, науки, религии и др. Согласованность функционирования и развития всех сфер культурной политики определяется как задачей государственных учреждений, так и общим целеполаганием, включая эффективность целедостижения *путем выявления и консолидации смыслов и ценностей человеческого бытия*. Уникальное место в этом пространстве социума занимает сфера образования и ее политика как особого элемента гуманитарной практики. Ее акторы – семья, школа, средние учебные заведения, вузы, но главный движитель – люди.

Образовательное пространство – это *единство многообразия* образовательных институтов, процессов и акторов. При центральности образовательной среды: она концентрирует в себе цели, интересы, ценности, содержание и организацию образования в любой социокультурной ситуации. Определяет вектор, состав, ресурсы становящихся в нем способностей и качеств человека. Выдвинем предположение. Именно из образовательной среды, организованной по принципам *человеколюбия, равенства и вариативности*, придающим связям и отношениям характер кооперации, наделяющей новыми ресурсами развития конкретных субъектов, вышел инновационный импульс, использованный в коммуникационном пространстве для модернизации.

Хотя с точки зрения организации целостности и перехода к сетевому (сейчас – цифровому) типу партнерства, сопровождающегося ломкой привычных форм, в образовательном пространстве есть проблемы. Они нередко воспринимаются в виде деградации институтов семьи, образования, структур духовного производства. Поэтому здесь уместнее говорить не только о своевременности (в интересах людей) смены моделей, но и о резко изменившемся контексте существования всех (трех) пространств, из-за нарастания внешних и внутренних угроз, в котором эта смена происходит. Она отражает срез проблем в каждой из систем, ставших для их политик серьезными вызовами. Решение проблем трансформации вкупе с *самоорганизацией сред* остается важнейшей *управленческой задачей* не только в образовании, но и в других сегментах общественной практики.

Вопросы к содержанию данного управления и адекватных ему способов организации обозначим в рамках близкой нам сферы гуманитарного образования (ГО). Она пребывает в рутине противоречий. Не приемля к себе средств административно-бюрократического типа воздействия, следует формализованной отчетности. Отличительной чертой содержательной части простран-

ства ГО выступает *постижение цивилизационного своеобразия прошлого в противоречиях настоящего*. Оно совпадает по целям образования и жизненно важным целям общества. Идти к ним, как прочертил Е.М. Примаков, можно лишь через диалектический процесс, при котором общероссийская культура создается путем сохранения и развития национальных культур, включая русскую культуру и «прилив религиозности» [21, с. 208–209].

Ясность вектора, с учетом динамики в информационной среде и идеологии, указывает на принципиальную важность знания ценностного-смыслового контекста субъектов этого многомерного процесса. Как и культурно-исторических явлений, каковым является и гуманизм, имеющий общественную значимость в ценностных установках, как современных руководителей, так и образованных россиян, преломляющихся в собственных им траекториях деятельности и поведения. Если целями их жизни становятся смыслы, что воспроизводятся в истории, которая как непреходящее прошлое передается от поколения к поколению в виде неотъемлемого достояния, героики, традиции. То такие цели-ценности выступают культурно-позитивными установками действий акторов.

Применительно к гуманитарному образованию (как вида, соответствующего определенному кластеру ценностей национальной культуры) вышеназванные установки элемент *обоснованно-содержательного* тип управления. Ему свойственны следующие характеристики. Во-первых, это предельно возможная объективация того пространства, что подлежит управляющему воздействию, его анализ во всей полноте структуры и средового состояния. Во-вторых, разбор, прежде всего, базовых процессов, определяющих динамику объекта в данный момент развития как предмета последующего управления. При этом, выделяются такие способы его организации как научная рефлексия и экспертиза, заключения которых полезны для общественных решений, работа на опережение, проявляющаяся в обнаружении, создании и передаче ресурсов [22, с. 73] в основание конкретной политики.

Ее проведение в средних и высших учебных заведениях гуманитарного профиля невозможно без интегрированных социальных коммуникаций, оказывающихся часто в «тисках» конформистской модели. Данная ситуация служит поводом утверждать, что на современном этапе развития ГО одной из главных потребностей содержательного типа управления является ускоренное внедрение *горизонтально-кооперационной* модели коммуникации. В числе его первых задач – рефлексия самих субъектов коммуникации (отчасти утратившим потребность в посредническом обеспечении своих отношений с социумом, что порождает «эго-медиум») [23, с. 99] или самоанализ качества собственного участия в регуляции информационно-коммуникационной деятельности в целом. Перефразируя В.И. Слободчикова, он направлен на оценку ими же созданного, внутреннее обустройство, на обеспечение жизнедеятельности информационно-коммуникационной системы РФ – ее функционирования и развития в соответствии, во-первых, со временем, информационной идеологией государства, требованиями науки и запросами рынка, во-вторых, внутренней логикой и закономерностями развития информационно-коммуникационного процесса.

Выводы

Для отечественного гуманизма, имеющего проект построения в России государства социального гуманизма,

не простое решения отмеченных задач, промежуточный шаг (между потребностью и результатом). Но он принципиален в деле укрепления внутренней стабильности как гарантии продуктивного завершения перестройки информационного общества и рыночной экономики. Для чего «здесь и сейчас» главным фактором, влияющим на все эти процессы, является мир путем победы и достойный для РФ миропорядок. Только в нем у гуманизма есть будущее. В борьбе за него страна стала более сплоченной в понимании своего своеобразия как культурного естества, роли и места на правильной стороне истории.

Культура, история и сопричастная им (в идентификации человека с верой, нацией, отечеством) религия – важнейшие составляющие современной цивилизационной парадигмы. Формируя сегодня гуманистическое отношение к культурно-историческому наследию предыдущих поколений, она отвечает за ценностно-мировоззренческие установки государства и гражданского общества, вместе участвующих в утверждении нового мироустройства. В нем наглядно (особенно в зоне СВО) действие и влияние механизмов гуманизма, справедливости, патриотизма, других культурных норм и традиций на динамику этого процесса и его обратное воздействие на воспроизводство политической системы, перемены в ее состоянии, обеспечивающие ожидаемое развитие общества и человека.

Литература

1. Рыхтик, М.И. Ценности в современном политическом процессе / М.И. Рыхтик // Национальная идея: от истоков становления к перспективам развития: сборник материалов Международного славянского форума (Н. Новгород, 1–5 ноября 2019 г.). Отв. за выпуск Н.В. Филиппова, С.Н. Кедрякин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. 90 с.
2. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: Изд-во «Инфра-М», 2014. – 414 с.
3. Вебер, М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послес. Ю.Н. Давыдов; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Дуткевич, П. Эволюция без революции. Российское общество после 1991 г.: персоны, мнения, практики / П. Дуткевич // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Сост.: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – 464 с.
5. Казаков, М.А. Гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии в стратегии развития современной России / М.А. Казаков // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. – С. 567–572.
6. Казаков, М.А. Гуманитарная перспектива национальных интересов / М.А. Казаков, Е.С. Лемкина, И.В. Савельева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4(24). С. 24–29.
7. Казаков, М.А. Гуманитарная безопасность в дискурсе теории безопасности, политологии и политической регионалистики России / М.А. Казаков, Е.С. Левина // Регионоведение. 2015. № 1(90). С. 5–17.
8. Волков, Ю.К. Оппозиции современной социогуманитаристики / Ю.К. Волков // Коммуникативистика: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всероссийской научно-

- практической конференции, 19 марта 2010 г. – Н. Новгород: НФ ВШЭ, 2010. – 218 с.
9. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М.: «Наука», 1997. – 448 с.
10. Касавин, И.Т. Наука – гуманистический проект / И.Т. Касавин. – М.: Изд-во «Весь мир», 2020. – 496 с.
11. Панарин, А.С. Введение (О предмете и методе политической науки) / А.С. Панарин. – Политология. – М.: «ПБОЮЛ С.М. Грачева», 2000. – 448 с.
12. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 17.07.2023).
13. Солидарность на фоне пандемии. Аналитический обзор ВЦИОМ от 29 декабря 2020 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii?ysclid=lluyqzvo06541422691> (дата обращения: 30.07.2023).
14. О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова) / Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Изд-во Московского университета, 2021. – 862 с.
15. Выступление Е.М. Примакова на обсуждении лекции В. Суркова «Русская политическая культура – взгляд из утопии // Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция В. Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – М.: Изд-во «Независимая газета», 2007. – 96 с.
16. Слободчиков, В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования / В.И. Слободчиков. – Екатеринбург: издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2009. 263 с.
17. Казаков, М.А. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. / М.А. Казаков, М.С. Лысцев. – Н. Новгород: Изд-во Дятловы горы, 2012. – 145 с.
18. Орлов, И.Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика / И.Б. Орлов // Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2008 г.). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 61–73.
19. Шестопал, Е.Б. Образы власти в эпоху перемен (психологическая трансформация общества в постсоветской России) / Е.Б. Шестопал // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Сост.: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – 464 с.
20. Мунье, Э. Персонализм / Пер. с фр. и прим.д.ф.н. И.С. Вдовина. – М.: Изд-во «Искусство», 1992. – 144 с.
21. Примаков, Е.М. Гуманитарная основа интеграционных процессов на постсоветском пространстве / Е.М. Примаков // Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России / Отв. ред. П.А. Цыганков и И.И. Кузнецов; Авт. вступит. ст. А.Ю. Шутов; Сост. А.В. Топычкова. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 320 с.
22. Казаков, М.А. Региональные управленческие команды и публичная экспертиза в решении актуальных внутривнутриполитических задач / М.А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2019. № 3(55). С. 68–73.
23. Фортунатов, А.Н. Беспомощность медиа: визуальная коммуникация в XXI веке и проблемы социального консенсуса / А.Н. Фортунатов // Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических

процессов: Монография / Под общ. ред. М.И. Рыхтика, А.Н. Фортунатова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. – 329 с.

ELEMENTS OF SOCIAL HUMANISM IN THE SOCIOCULTURAL, COMMUNICATION, EDUCATIONAL SPACES OF MODERN POLITICS: FEATURES OF PERCEPTION AND PRACTICE-ORIENTED TASKS

Kazakov M.A.

Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky

The article, through the methodology of a subject-localized approach, examines the facets of social humanism inherent in the sphere of modern politics, gives and explains their role, and the periodization of development in the 21st century. The elements of social humanism operating in the sociocultural, communication and educational spaces of politics are highlighted, the features of their perception and understanding, and the priority practice-oriented tasks in the field of humanitarian education and social communication are recorded.

Keywords: humanism, sociocultural dimension of the political process, social humanism, human social sovereignty, social state, social creativity, human potential.

References

1. Rykhtik, M.I. Values in the modern political process / M.I. Rykhtik // National idea: from the origins of formation to the prospects of development: a collection of materials from the International Slavic Forum (N. Novgorod, November 1–5, 2019) Rep. for the release of N.V. Filippova, S.N. Kedyarkin. – Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2020. – 90 p.
2. Levi-Strauss, K. Primitive thinking / K. Levi-Strauss. – M.: Publishing house "Infra-M", 2014. – 414 p.
3. Weber, M. Selected works / Comp., total. ed. and after. Yu.N. Davydov; Preface P.P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. – 808 p.
4. Dutkiewicz, P. Evolution without revolution. Russian society after 1991: persons, opinions, practices / P. Dutkevich // A quarter of a century after the USSR: people, society, reforms / Compiled by: P. Dutkevich, R. Sakva, V.I. Kulikov. Ed. E.B. Shestopal, A. Yu. Shutova, V.I. Yakunina. – M.: Moscow University Publishing House, 2015. – 464 p.
5. Kazakov, M.A. Humanitarian security and humanitarian technologies in the development strategy of modern Russia / M.A. Kazakov // Humanities in the XXI century / Under the general editorship of prof. Z.H. Saraliev: In 2 volumes. T.1. – N. Novgorod: Publishing house NISOTS, 2013. pp. 567–572.
6. Kazakov, M.A. Humanitarian perspective of national interests / M.A. Kazakov, E.S. Lemkina, I.V. Savelyeva // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 2009. No. 4(24). pp. 24–29.
7. Kazakov, M.A. Humanitarian security in the discourse of security theory, political science and political regional studies of Russia / M.A. Kazakov, E.S. Levina // Regionalology, 2015. No. 1(90). pp. 5–17.
8. Volkov, Yu.K. Oppositions of modern socio-humanitarianism / Yu.K. Volkov // Communications: prospects for the development of social and humanitarian knowledge: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, March 19, 2010 – N. Novgorod: NF HSE, 2010. – 218 p.
9. Uznadze D.N. Attitude theory. – M.: "Science", 1997. – 448 p.
10. Kasavin, I.T. Science is a humanistic project / I.T. Kasavin. – M.: Publishing house "The Whole World", 2020. – 496 p.
11. Panarin, A.S. Introduction (On the subject and method of political science) / A.S. Panarin. – Political science. – M.: "PBOYUL S.M. Gracheva", 2000. – 448 p.
12. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (Accessed: 07/17/2023)
13. Solidarity amid a pandemic. Analytical review of VTsIOM dated December 29, 2020. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii?ysclid=lyyqzvoo6541422691> (Accessed: 07/30/2023).
14. On the nationally oriented theory of international relations (to the 80th anniversary of Professor P.A. Tsygankov) / ed. L.E. Slutsky, A. Yu. Shutova. – M.: Moscow University Publishing House, 2021. – 862 p.
15. Speech by E.M. Primakov at the discussion of V. Surkov's lecture "Russian political culture – a view from utopia // Russian political culture. A view from utopia. Lecture by V. Surkov. Discussion materials in Nezavisimaya Gazeta. – M.: Publishing house "Nezavisimaya Gazeta", 2007. – 96 p.
16. Slobodchikov, V.I. Anthropological perspective of domestic education / V.I. Slobodchikov. – Ekaterinburg: publishing department of the Ekaterinburg diocese, 2009. 263 p.
17. Kazakov, M.A. Regional elites and national interests of modern Russia: Monograph. / M.A. Kazakov, M.S. Lystsev. – N. Novgorod: Dyatlov Gory Publishing House, 2012. 145 p.
18. Orlov, I.B. Social humanism: theory and social and state practice / I.B. Orlov // Russia: the path to a social state: materials of the All-Russian Federation. scientific conf. (Moscow, June 6, 2008). – M.: Scientific expert, 2008. – pp. 61–73.
19. Shestopal, E.B. Images of power in the era of change (psychological transformation of society in post-Soviet Russia) / E.B. Shestopal // A quarter of a century after the USSR: people, society, reforms / Comp.: P. Dutkevich, R. Sakva, V.I. Kulikov. Ed. E.B. Shestopal, A. Yu. Shutova, V.I. Yakunina. – M.: Moscow University Publishing House, 2015. – 464 p.
20. Mounier, E. Personalism / Trans. from fr. and approx. Doctor of Philology I.S. Vdovina. – M.: Publishing house "Art", 1992. – 144 p.
21. Primakov, E.M. Humanitarian basis of integration processes in the post-Soviet space / E.M. Primakov // Challenges and alternatives of a multipolar world: the role of Russia / Responsible. ed. P.A. Tsygankov and I.I. Kuznetsov; Auto. will enter. Art. A. Yu. Jesters; Comp. A.V. Topychkova. – M.: Moscow University Publishing House, 2014. – 320 p.
22. Kazakov, M.A. Regional management teams and public expertise in solving current domestic political problems / M.A. Kazakov // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 2019. No. 3(55). pp. 68–73.
23. Fortunatov, A.N. Helplessness of the media: visual communication in the 21st century and problems of social consensus / A.N. Fortunatov // Power in the 21st century. Sociocultural aspects of political processes: Monograph / Ed. ed. M.I. Rykhtika, A.N. Fortunatova. – N. Novgorod: UNN Publishing House, 2020. – 329 p.

Сетевизация политических отношений: источник, способ, среда (часть II: способ и среда политического)¹

DOI 10.34823/SGZ.2023.10.52029

Михайленок Олег Михайлович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель
отдела исследования социально-политических отношений
Центра политологии и политической социологии Института
социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Назаренко Алексей Владимирович,

к.п.н., ведущий научный сотрудник отдела исследования
социально-политических отношений Центра политологии
и политической социологии Института социологии ФНИСЦ
РАН
E-mail: alek_nazarenko@mail.ru

В настоящей статье речь идёт о второй и третьей составляющих в сети политических отношений – о способе их реализации и политической мирности мира. Целесообразно довести ситуацию до логического завершения – рассмотреть то, что у человека как политического субъекта снаружи. Высокая степень темпоральности, интенсивности, а также латентности отношений в политике требует интуитивного, аналитического установления их сходства и различий для последующей детерминации изучаемых явлений как феноменов. Поскольку с методологических позиций сетевой взгляд на политику тяготеет к феноменологическому подходу, речь идёт о феномене человеческого и его связи с феноменом природы. Это предполагает одновременно двухмерное измерение субъектов отношений и их политических природных «образов» – пространственно-топологическое и темпоральное. Процесс динамического рефлексивного производства политических «образов» видится следствием круговорота дискурсов, возникающего благодаря постоянному изменению картины плотности и направленности отношений между субъектами. Поскольку среди взаимодействующих политических субъектов – людей – можно выделить активные узлы и активные отношения, их можно считать сетеобразующими. В соответствии с фрактальным принципом вкрупне с масштабированием сети отношений они могут стать привлекательными для своего окружения. Таким образом, логика сетевого взаимодействия подвигает человека как субъекта отношений учиться правильно пользоваться своим эмоциональным и рациональным «капиталом». Благодаря этому сеть политических отношений будет способна увеличивать свой адаптационный «самообучающийся» интеллектуальный потенциал, столь желанный для последующей эволюции сетевых узлов, не позволяя одновременно покидать пределы человеческого и природного естества. Сетевые политические отношения будут ориентированы не на выстраивание молярных институтов, молекулярных потоков, а на производство множественных дискурсивных практик, позволяющих достигать согласия между узлами сети относительно их совместной с природой эволюции. В результате этого сетевизация политики может стать драйвером «политизации жизни».

Ключевые слова: феномен, человек, природа, человеческое, субъект, отношения, дискурсы, политическое, согласие, эволюция.

В первой части настоящей статьи речь шла о человеке как источнике политических отношений. Его субъективная многоликость, интеллект, эмоциональность, стремление нравиться другим, быть значимым для других вызывает соответствующую гуманистическую реакцию со стороны окружения, не давая человеку превратиться в отчуждённого зомби – шизофреника, действующего на пределе человеческих возможностей. Стремясь выделить генетическое человека, его объектное из его дискурсов, гуманистическая реакция стремится конституировать человеческое в отношениях, пользуясь достаточно ёмкой шмиттовской дефиницией – «человек человеку человек» [7, с. 29]. Закономерно возникают два вопроса – о мире человеческого и мере человеческого. Репрезентирует ли политический образ субъекта возможный, идеальный или формальный человеческий объект или же им обозначается определённое тождество как таковое, как некий обуславливающий все отношения принцип? Поскольку акцент в понимании «мирности» человека и рамок его действий смещается с теоретической деятельности на активное эволюционное его преобразование, любое затворничество, равно как и шизофреническая эксцентричность, выглядит весьма рискованной позицией, сохраняющей политический смысл путь даже в негативном ключе. Критический вопрос о тождестве человека как объекта или соответствующего этому принципу взаимодействия с другими объектами остаётся пока без ответа, поскольку обе формулировки всегда соотносятся с чисто логическим субъектом в преддверии отражающей положение дел, событие или ситуацию предикации. Ведь восприятие человеком как политическим субъектом действительности нельзя свести к простому зеркальному отражению или последовательной смене своеобразных комплексных ситуаций, включающих и то, что вокруг человека, и то, что у него внутри. Поскольку в первой части статьи был сделан акцент на его политическом внутреннем, то целесообразно довести ситуацию до логического завершения – рассмотреть то, что снаружи.

Если политика, а значит, и политическое определяются через отношения к человеку, который в свою очередь является частью более общего мира – природы, появляется стремление как-то ограничить её от «полемически заострённого намерения, реформировать, обосновать, попытаться обойти или же разъяснить характер» любой общественной жизни рамками человеческого, которые, как мы знаем из истории, могут быть весьма опасными. Бесконечно разрастающаяся субъективность не сможет вернуться в политику, не создавая себе и другим бесконечного дискомфорта. Не решает этого и техническая революция, вызванная оптимизировать жизнь человека путём нейтрализации политического. Заметим, что это чревато превращением человеческого в нечеловеческое, некое вместилище техносознания, к безлюдным пейзажам, на просторах которых окончательно растворяется всё человеческое. На самом деле речь должна идти о его расширении до рамок природы. Вероятно, что таким образом можно будет избежать столкновения политического и природного, сделав открытым и доступным всем обсуждение любого политического вопроса,

¹ Продолжение. Начало в № 9, 2023 г.

стоящего перед человеческим сообществом, как части некоего общего мира [5, с. 5]. Именно о расширении рамок «человеческого» в контексте политических отношений и политической «мирности» природы пойдёт речь в настоящей статье. Это, в свою очередь, запустит процесс «перколяции» политического, который детерминруется внешним источником отношений, способом их реализации и «мирностью» мира, обозначив таким образом тесную связь этих трёх дефиниций между собой.

Сетевой взгляд на политику с методологических позиций тяготеет к феноменологическому подходу. Это объясняется тем, что слабая структурированность и подвижность сетевых отношений (особенно на уровне горизонтальных взаимосвязей) вызывает стремление к описанию конкретных явлений по возможности с минимальными искажениями или толкованиями. Другими словами, высокая степень темпоральности, интенсивности, а также латентности отношений в политике нередко требует интуитивного, аналитического установления их сходства и различий для последующей детерминации изучаемых явлений как феноменов.

Теоретическим базисом для политического осмысления модели сети отношений между людьми следует считать феноменологию, рассматривающую феномен человеческой субъектности в контексте хайдеггеровского «бытия», связанного с «соприсутствием других» в гуссерлевском «предданном мире» в контексте «кто присутствия». В результате отказа от свойственной позитивизму дедуктивной логики отношений в силу их уникальности, случайности и темпоральности возникает вопрос об условиях и «интенциональности» процесса «производства» субъектами отношений своих «образов» в контексте «я есмь то, что я есть, и я есть сущий» здесь и сейчас. Главным условием для создания «образов» субъектов отношений является активность самих субъектов, которая, как считает основатель феноменологии Гуссерль, «создаёт мир» [1, с. 193, 194]. Что касается «интенциональности» процесса создания образов, то оперирующая понятием «интерсубъектности» в духе кантовской «вещи в себе» феноменология не позволяет детерминировать этот концепт. Выходом из создавшегося тупика стало обращение к сфере психологии, в частности к фуко-лакановскому прочтению «дискурса» как способу социального взаимодействия между связанными отношениями активными политическими субъектами. Дискурс опирается на отношения между субъектами, оказывая влияние на их действия и давая тем самым возможность рассуждать, анализировать, трактовать, классифицировать и объяснять их глубинную сущность и поведение.

Исследование сетей политических отношений предполагает одновременно как минимум двухмерное измерение субъектов и их «образов» – пространственно-топологическое и темпоральное.

Учитывая то, что у людей как субъектов политических отношений существует множество визави в разных сферах бытия, и то, что сами создаваемые ими «образы» могут кардинально меняться с течением времени, их можно условно разделить на делёзовские «образы движения» и «образы времени». В то время как сами отношения формируют «субъективность» узлов сети отношений посредством их политических образов, темпоральный пул создаваемых субъектом образов позволяет обнаружить и их эволюционную «направленность». Можно говорить о том, что сеть политических отношений между субъектами и их «образами» приобретает одновременно пространственно-топологическое и темпоральное измерение, позволяя тем самым детерминировать и «со-

стояние» субъекта, и его эволюционный «импульс». При этом чисто оптическая и звуковая ситуация, то есть её восприятие, являет наблюдателю лишь актуальный образ субъекта, который вместо того, чтобы «продлеваться в движение», будет вынужден встраиваться в цепь вместе с домысливаемым виртуальным образом, «формируя с ним замкнутый круг» образов.

Благодаря этому субъективность обретает новый смысл – «не моторный и материальный, а временной и духовный» [2, с. 324]. Заметим, что это полностью совпадает с базовым постулатом квантовой механики – принципом Гейзенберга, в соответствии с которым всегда существует неопределённость при измерении пространственной координаты частицы (в нашем случае – состояния узла сети отношений) и скорости частицы (в нашем случае – эволюционного импульса узла сети отношений). В литературе, посвящённой сетям отношений между субъектами, чаще всего отображается именно первое пространственно-топологическое расширение. Делается это, как правило, посредством модели сложного графа, рёбра которого приобретают в этом случае несколько иную трактовку – это уже не сами отношения, а вневременные «взаимодействия» в чётко определённых сферах деятельности, что, как мы считаем, не совсем корректно, поскольку в этом случае сеть отношений превращается в банальную статическую систему, детерминированную определённой целью или конструктивом.

Среди взаимодействующих политических субъектов следует выделять как активные узлы, так и активные отношения. Активные узлы, обладающие большим количеством разнообразных отношений – связей, являются сетеобразующими. Благодаря фрактальному принципу – копированию успешной политической позиции вкупе с масштабированием сети отношений, они становятся привлекательными для своего окружения. Это позволяет говорить о том, что достаточно спорный политический феномен «мягкой силы» узла сети отношений, включающий в себя как собственную политическую активность, так и количество активных политических отношений, становится важным условием в процессе политической сетевизации.

В соответствии с положениями теории сложных сетей об активных узлах и активных связях потенциальное многообразие отношений и образов субъектов вкупе с их активностью и круговоротом дискурсов формирует благоприятную среду для распространения флорригвской «перколяции» их идей и моделей поведения. Благодаря этому гетерогенный политический «золь» превращается в гомогенный «гель». Речь идёт об эффекте «предпочтительного» присоединения узлов сети отношений, в соответствии с которым лишь некоторые, обладающие большим количеством разнообразных отношений-связей узлы становятся «сетеобразующими». Это легко увязывается с политическим понятием многополярности, но уже несколько в ином – не «силовом» контексте. Возникающий при реальной многополярности эффект «безмасштабной подобной сети» не позволяет выделить в ней более «типичный узел», ибо масштаб различий между узлами сети в плане их связанности будет одинаковым. Внимание к подобным «сетеобразующим» узлам сети отношений будет всегда повышенным в силу фрактальности мира – графы отношений в семье, социуме, государстве, цивилизации часто оказываются подобными. Благодаря этому «привлекательность» образов субъекта и транслируемых посредством него субъективных идей становится реальной основой для возникновения политического концепта «мягкой силы». Возникают

предпосылки к сложному мышлению, способствующему распространению трансверсальной логики поведения (равенство без подавления), а с нею и к появлению новых форм участия субъектов. Согласимся с тем, что «то, чем ты являешься, возникает только через отношения» [3, с. 634]. Таким образом сложная комбинация продолжительности, эмоциональной и рациональной интенсивности межсубъектных отношений становится реальной основой для формирования подлинной сетевой многополярности.

Процесс динамического рефлексивного производства политических «образов» видится следствием круговорота дискурсов, причиной которого является постоянное изменение картины направленности отношений между субъектами. Учитывая этот «круговорот», можно говорить о главенствующей роли «своего» «образа» узла сети отношений – это может быть или уповающий на сохранении своего достоинства «господин», или уповающий на «дове-رية» аналитик.

Образ господина является результатом «регрессии» истерического дискурса субъекта, тогда как образ аналитика – результатом «прогресса» его «университетского» дискурса. Можно говорить о том, что «любая реальность», то есть реально существующий субъект, «зиж-дётся на том или ином дискурсе и определяется им» [4, с. 41]. Приходится говорить о том, что эмоциональное и рациональное в отношениях становятся базовыми конструктами для политического дискурса. Это означает, что топология или пространственная направленность отношений между субъектами вкупе с содержанием их дискурсивной практики становится определяющим фактором для идентификации самих субъектов в качестве узлов сети отношений.

Логика сетевого взаимодействия подвигает субъекта (узел сети) отношений учиться правильно пользоваться своим эмоциональным и рациональным «капиталом». Только благодаря этому сеть политических отношений способна увеличивать свой адаптационный «самообучающийся» интеллектуальный потенциал, столь желанный для последующей эволюции сетевых узлов. Утрата узлом сети этой ключевой способности в силу акцента на какой-либо исключительной политической самости приводит саму сеть отношений к состоянию системы. Априори лишённые «адаптационного» потенциала узлы сети отношений в ней закономерно изолируются до состояния утраты своей изначально декларируемой политической «самости» – «кто присутствует».

Кардинальная смена акцента в пользу сети отношений актуализирует задачу узлов в контексте их активного «потенциала», который наряду с возможностью постоянного доступа к другим узлам начинает играть одну из ведущих ролей в процессе «перколяции» образов, идей и ценностей. Как узел сети отношений субъект вынужден учиться пользоваться своим «капиталом» для оценки многообразия сетевой дискурсивной интенциональности для собственного развития. Несмотря на то, что принадлежность субъектов как узлов отношений к тому или иному политическому кластеру в контексте булевых сетей с их формальной логикой сохраняется, важно избегать любой формализации их субъектности. В противном случае всё рискует возвратиться к ситуации выбора – либо в духе теологического шмиттовского «ИЛИ» Друг «ИЛИ» Враг, либо в духе теологического кьеркегоровского «ИЛИ» социально-политическая активность «ИЛИ» «политический романтизм».

Поскольку биформальные единицы (по Флорри) не поляризуются, возникновение гигантского кластера

отношений делается невозможным. В результате можно говорить о том, что лишь только благодаря отходу от формальной избирательной логики самопроизвольная и автохтонная процессуальная самоорганизация узла сети отношений может стать отправной точкой процесса новой сетевой глобализации, а значит, и всех дальнейших теоретических социальных построений, вплоть до уровня макросоциальных объединений в масштабе всего человечества. Обладая столь же важной, как адаптационная активность узла сети отношений, несущей способностью, сама среда – сеть отношений может рассматриваться в качестве одного из трёх факторов, способствующих формированию ризомы как возможной траектории взаимодействия субъектов. Среда заполняет все пустоты между узлами сети, обеспечивая возможность для политического участия сетевых узлов вне организованных политических объединений.

Несмотря на то, что идеологические ориентации среды размыты, её часто намеренно окрашивают, исторически ориентируя на «право» или «лево». Поскольку у сетевой среды нет чётких критериев участия, а есть лишь возможность для самостоятельного серфинга в ней активных узлов, её границы очертить невозможно. В результате этого выбор отдельного индивида более не осуществляется в узком пространстве между полным отказом от политического участия за пределами выборного процесса и открытым участием в работе одного из институтов (например, членством в партии). В свободной – нейтральной среде отдельный индивид обретёт возможность образовывать автономный политический узел, который или может быть аффилирован с группой единомышленников, или сможет присоединиться к интересующему его виду деятельности. Благодаря этому среда будет насыщена отношениями индивидов и групп, сотрудничающих или конфликтующих, но остающихся в её рамках. Идейное разнообразие внутри неё обусловлено тем, что каждая активная личность или активная малая группа может придерживаться собственной уникальной идеологии.

Можно говорить о том, что активность субъектов отношений, дискурсы как возможные модели их адаптационной коммуникации и способствующая предотвращению критических ситуаций или стимулирующая их развитие в отношениях между субъектами среда являются тремя взаимосвязанными основами для реализации модели политической «перколяции» – «просачивания» идей и образов в «пористой» среде во имя возникновения связанных особым сетевым способом структур – социально-политических «кластеров» в случайной среде, состоящей из отдельных элементов. Активность субъектов способствует формированию дискурсов и среды для взаимодействия, дискурсы способствуют формированию активных субъектов и среды для их взаимодействия, а среда взаимодействия способствует активности узлов отношений и формированию аналитического дискурса.

Технологические переходы от WEB 1.0 к WEB 2.0, а далее к платформе WEB 3.0 ускоряют процесс изменения политической субъектности в процессе отношений, делая её ещё более подвижной. Поскольку речь идёт о виртуальном пространстве, в котором взаимодействуют не сами субъекты, а назначаемые ими политические аватары, лишённые человеческой сущности, рамки их взаимоотношений, с одной стороны, существенно расширяются, а с другой – сужаются вследствие назначенных ограничений и в конечном счёте обесцениваются.

Косвенным подтверждением перехода к новой восходящей траектории дисциплинарно-конструированного

познания мира служит сопровождающий этот процесс последовательный технологический переход от централизованной коммуникационной платформы WEB 1.0 с априори заданной политической и социальной субъективностью к коммуникационной платформе WEB 2.0, предполагающей бесконфликтное совмещение между собой многочисленных и часто противоречивых анонимных «реплик» политических и социальных субъектов в единый образ и далее к платформе WEB 3.0, предполагающей полное избавление субъективных образов от анонимности и обретения ими невзаимозаменяемости и уникальности (подобно NFT – non-fungible token). Благодаря этому в виртуальном пространстве каждый раз по-новому формируется уникальная, неповторяемая, неразделимая субъектность лишённых человеческой сущности политических «аватаров», основанная на доверии к сети отношений, которая затем легко переносится в реальность, «взрывая» её тем самым изнутри. Можно говорить о том, что важным становится доверие не к субъектам отношений, а к сети их отношений, то есть лучше договариваться, чем действовать независимо друг от друга. Это поднимает проблему сохранения суверенитета и становления многополярности в связанных отношениях и дискурсами мире.

Сетевые политические отношения ориентируются не на выстраивание институтов, а на производство множественных дискурсивных практик. Главной целью этих отношений является не образование устойчивой социальной структуры, а обмен смыслами, позволяющими достигать временного согласия между узлами сети отношений.

Невозможность рассматривать сеть отношений как «стержневую», централизованную и формализованную по «целевому» или «конструктивному» основанию системы не позволяет далее рассматривать её ни в виде «коммуникативных структур» Кастельса, ни в качестве «совокупных связей между элементами единицы – системы» Яна ван Дейка. Модель отношений между людьми следует рассматривать лишь в качестве дискурсивной практики их совместной деятельности. Как следствие сети отношений объединяются не идеологией, а тем, как их участники разделяют представления о важности тех или иных тем, пользуясь для их обсуждения сходной терминологией. Это можно назвать дискурсивным единством. Подобный способ взаимодействия между активными узлами сети, предполагающий комбинацию традиционного и сетевого способа участия в политике, можно назвать посторганizationalным.

Сетевизация политики является драйвером «политизации жизни». При этом шмиттовский контекст политики – разделение на «друзей и врагов» – не исчезает до конца. Он лишь «размывается» во времени и пространстве и благодаря мультипликативному эффекту распространяется по сети отношений. В результате политическое в сети отношений часто ассоциируется с различными вызовами, причём изначально даже не политической природы, далее воспринимаемыми уже либо как «угроза», либо как «возможность» для сохранения или изменения «интерсубъектности» – «самости» субъекта сети отношений (эпидемия, экология, глобальное потепление и пр.).

Создаются предпосылки для нового прочтения, часто используемого в политологии и ставшего штампом политического – шмиттовского разделения субъектом своих визави на друзей и врагов вне зависимости от сферы взаимодействия. Речь идёт о его способности сохранять нечто общее в условиях инспирирования полиформальности «преданных миров» сетевых узлов. Следует го-

ворить о политической «позиции» отдельного человека «вообще», лишённого какого-либо конкретного содержания и всегда выражающего его типизированное представление обо всём, принадлежащего всем и не принадлежащего никому в отдельности. Отказ от субъективной принадлежности или от субъективного содержания может стать новым условием существования человеческого «общественного мнения», достаточно близкого к арендтовскому прочтению политического: «не человек, а люди населяют Землю» [8, с. 234]. Поскольку речь идёт о высказанной тем или иным образом «позиции» сетевого узла, в этом действии всегда следует усматривать политическое. В результате каждый субъект отношений окружает себя политическими образами с определённой целью – либо экспонировать свою «интерсубъектность», либо скрывать её от окружающих – в зависимости от ситуации и собственной эволюционной направленности.

Это позволяет говорить о том, что концепт политического и концепт природы сливаются между собой, поскольку доминирование одного предполагает то, что вторая будет «стремиться к земле», – латуровское «несуществование» политики, которая не была бы одновременно политикой природы», и природы, которая «не была бы политической» [5, с. 5]. Благодаря этому процесс «сетевизации» политики можно считать эквивалентом процесса «политизации жизни». Обозначенная посредством создаваемого образа политическая позиция субъекта в контексте шмиттовского разделения его визави на «друзей и врагов», наряду с рациональной окраской отношений, часто содержит в себе сильную негативную эмоциональную окраску, как нечто гипертрофированное, «недосказанное», «недостойное», вплоть до «непристойного» [4, с. 95]. В результате политическое в сети отношений следует считать эквивалентом часто используемого в политологической литературе термина «вызов», под которым следует понимать либо «угрозу», либо «возможность» для «интерсубъектности» – «самости» субъекта сети отношений сохранять или изменять «кто присутствие».

Сети политических отношений, в отличие от субъектно-объектного взаимодействия «субъект – объект – свойства – отношения», выстраиваются в иной траектории дисциплинарно-конструированного познания мира – «отношения – дискурс – свойства – субъект».

Если до сих пор мы имели дело в основном с назначенной субъектностью (примеры – национальность, вероисповедание, гражданство, партийная принадлежность и пр.), то закономерным видится доминирование простой нисходящей траектории дисциплинарно-конструированного познания мира – «субъект – объект – свойства – отношения». В случае же возникновения политической субъектностью узлов в процессе отношений посредством «круговорота» дискурсов в делёзовско-сосюровском контексте «означающее – значение – означаемое» приходится говорить о более сложной восходящей траектории дисциплинарно-конструированного познания мира – «отношения – дискурс – свойства – субъект». Заметим, что объект в этой схеме отсутствует в силу того, что дискурс выстраивается только между субъектами отношений – людьми, которые лишь для самих себя являются «объектами». Подобный «разворот» траектории дисциплинарно-конструированного познания мира позволяет объяснить и ризомность отношений, и революцию, и анархию, и диссипативные системы, и самоорганизацию, и невозможные сообщества, которые, пребывая в состоянии «сингулярности», всегда будут лишены привычных дихотомий – «живое/неживое», «внутреннее/внешнее», «наблюдатель/наблюдаемое», «объективное/субъективное».

Постоянную потребность человека декларировать собственную «самость», идентичность относительно других людей и одновременно в своём поведении ориентироваться на их точку зрения можно считать важнейшим свойством коммуникации во имя познания мира. Мы становимся свидетелями того, как смена векторов отношений между субъектами, их политическими образами и образами их политических визави меняет восприятие их субъектности, в частности, в контексте суверенности и многополярности. Благодаря этому происходит изменение партийной субъектности, национальной субъектности, государственной субъектности, цивилизационной субъектности – мы оцениваем, а значит, и нас оценивают.

Выводы

Обнародование ключевых положений сетевого взгляда на мир, полученных в ходе поиска нового синтетического неклассического оператора, способствующего запуску процесса синтеза субъектности и формирования новой связанности субъективностей, позволяет очертить и рамки дискуссии о новой сути политического и всего того, что с ним связано. Можно говорить о трёх весьма широких тематических направлениях, тесно связанных между собой. Первое из них, рассмотренное в первой части настоящей статьи, – человеческая интересубъектность, способствующая или, наоборот, препятствующая построению сети отношений. Всё дело в том, что шизофренически замкнутый на самого себя депрессивный «истерически» самоизолированный «господин» рискует погрузить мир или в состояние гиренковского «археовангарда», в котором прошлое субъекта будет детерминировать его будущее, или фаевского «археофутуризма», в котором ницшеанское «вечное возвращение» неминуемо вернёт его в лоно архаических ценностей – к странному симбиозу подлинного федерализма и твёрдой центральной власти, высоких технологий и традиционных аграрных сообществ, христианства и языческой философии. В противовес шизофренической самоизоляции, его шизофренический самоуверенный агрессивный антипод, в свою очередь, способен создать явные предпосылки для кибернетизации мира до состояния «киберготике», при котором краткосрочное рискует быть «взломанным» долгосрочным, среднесрочное разобьётся о «шизофрению», а долгосрочное будет вообще отменено. И в одном, и в другом случае при истерической шизофреничности дискурса господина говорить о многополярном субъектно-сетевом взаимодействии вообще не имеет смысла из-за утраты субъектом человеческого естества [6, с. 157]. Таким образом, важно обозначить его границы, которые, вполне вероятно, окажутся подвижными. Второе не менее значимое направление – способ взаимодействия субъектов отношений и действий в сети. Оно, как ни парадоксально, связано с формальной булевой логикой взаимодействия субъективностей. Фактически речь идёт о переходе от логического их сложения, а фактически разделения субъективностей в шмиттовском или кьеркегоровском духе «или – или», к логическому их умножению в арендтовском духе «и», постоянно дополняющем субъективности по мере их эволюции. Таким образом, по нашему мнению, и запускается круговорот дискурсов, и проявляется синергетика творческой эволюции в сети отношений. И наконец, третье направление – сама среда – сеть отношений, которая должна быть нейтральной и настолько тесной, что позволит выявить многоликость человека, приближая тем самым создаваемые им образы к его внутреннему субъективному «Я». В результате синтеза трёх взаимопроникающих и взаимообращаемых

дефиниций – человек, способ, среда – появляется возможность внести ясность в, пожалуй, самый сложный процесс – переход от множественных, разнонаправленных политических отношений к направленным политическим действиям посредством круговорота дискурсов, который берёт на себя роль уникального политического коммутатора. Именно его суть, его влияние и его роль для сети отношений и сети действий может стать своеобразным ключом, позволяющим открыть дверь в новую реальность, позволяя по-новому взглянуть на классические политологические концепты – власть, активность, суверенитет, многополярность, институт, общество и государство.

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
2. Делез, Ж. Кино / Жиль Делёз / пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 624 с.
3. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / Сёрен Кьеркегор / Пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии: Амфора. ТИД Амфора, 2011. – 823 с.
4. Лакан Ж. Семинар, Книга XX (1972/73) / Пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Логос. – 176 с.
5. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию? / пер. с фр. Е.Н. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 336 с.
6. Назаренко А.В. Многополярность как глубинная суть сети отношений: от «археофутуризма» к «киберготике» // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 156–163.
7. Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к власти-телю // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007. – С. 27–39.
8. Arendt, H. The human condition / by Hannah Arendt. Second edition; introduction by Margaret Canovan. Originally published. Chicago: Chicago University of Chicag Press, 1958. – 350 p.

NETWORKING OF POLITICAL RELATIONS: SOURCE, METHOD, ENVIRONMENT (PART II: METHOD AND ENVIRONMENT OF POLITICS)¹

Mikhaylenok O.M., Nazarenko A.V.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article deals with the second and third components in the network of political relations – the method of their implementation and the political peace of the world. It is advisable to bring the situation to its logical conclusion – to consider what is on the outside of a person as a political subject. The high degree of temporality, intensity, and latency of relations in politics requires an intuitive, analytical establishment of their similarities and differences for the subsequent determination of the phenomena being studied as phenomena. Since from a methodological point of view the network view of politics tends towards a phenomenological approach, we are talking about the phenomenon of the human and its connection with the phenomenon of nature. This presupposes simultaneously a two-dimensional dimension of the subjects of relations and their political natural “images” – spatial-topological and temporal. The process of dynamic reflective production of political “images” is seen as a consequence of the circulation of discourses that arises due to the constant change in the pattern of density and direction of relations between subjects. Since active nodes and active relationships can be distinguished among interacting political subjects – people, they can be considered network-forming. In accordance with the fractal prin-

¹ Continuation. Starts at No. 9, 2023.

ciple, coupled with the scaling of the network of relationships, they can become attractive to their environment. Thus, the logic of network interaction encourages a person, as a subject of relationships, to learn to correctly use his emotional and rational “capital”. Thanks to this, the network of political relations will be able to increase its adaptive “self-learning” intellectual potential, so desired for the subsequent evolution of network nodes, without simultaneously leaving the limits of human and natural nature. Network political relations will be focused not on building molar institutions and molecular flows, but on the production of multiple discursive practices that will allow reaching agreement between network nodes regarding their joint evolution with nature. As a result, the networkization of politics can become a driver of the “politicization of life.”

Keywords: phenomenon, man, nature, human, subject, relationships, discourses, political, consent, evolution.

References

1. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004. – 399 p.
2. Deleuze, J. Cinema / Gilles Deleuze trans. from fr. B. Skurato-va. – M.: Ad Marginem, 2004. – 624 p.
3. Kierkegaard S. Either – or. Fragment from life: in 2 hours / Søren Kierkegaard trans. from date, intro. art., comment., note. N. Isaeva and S. Isaeva. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy: Amphora. TI D Amphora, 2011. – 823 p.
4. Lacan J. Seminar, Book XX (1972/73). Per. from fr. A. Chernoglazova. – M.: Logos. – 176 p.
5. Latour B. Politics of Nature. How to instill democracy in science? / Per. from fr. E.N. Blinova. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 336 p.
6. Nazarenko A.V. Multipolarity as the deep essence of the network of relations: from “archeofuturism” to “cybergothic” // Social and humanitarian knowledge. – 2022. – No. 6. – P. 156–163.
7. Schmitt K. Conversation about power and access to the ruler // Sociological Review Vol. 6. No. 2. State University – Higher School of Economics, 2007. – P. 27–39.
8. Arendt, H. The human condition / by Hannah Arendt. Second edition; introduction by Margaret Canovan. Originally published. Chicago: Chicago University of Chicago Press, 1958. – 350 p.

Периодизация эволюции политического сознания россиян в постсоветский период: структурообразующие концепты

Мустакимов Алексей Владимирович,

аспирант, Центр социальной безопасности и рискологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: Citadelab@ya.ru

Предметом исследования в настоящей статье выступает динамика развития и трансформации массового политического сознания россиян в постсоветский период. Целью исследования является анализ основных этапов эволюции массового политического сознания российских граждан и ключевых структурообразующих концептов данного феномена. Используя методологию сравнительно-политологического и сравнительно-исторического исследования, дискурс-анализа, опираясь на результаты эмпирических социологических исследований и репрезентативную базу источников, автор приходит к заключению, что эволюция массового политического сознания россиян в постсоветский период происходила в три этапа: на смену запросам на либерально-демократические преобразования к началу 2000-х годов формируется четко выраженный запрос на консервативно-авторитарную модель политической системы, в центре которой находятся ценности «политического порядка», «справедливости» и «патриотизма». Результаты проведенного исследования могут быть использованы органами государственной власти и экспертным сообществом при разработке и обсуждении стратегии ценностно-идеологического сопровождения государственной политики, при формировании концептуальных основ внутренней политики России.

Ключевые слова: массовое сознание, политическое сознание, политические ценности, патриотизм, стабильность, общественное мнение, постсоветский период

Введение

В три последних десятилетия постсоветской истории российское общество претерпело существенные политические, экономические и социокультурные трансформации. Распад Советского Союза и появление новой российской государственности привели к глубочайшим изменениям в структуре российского общества, экономики страны, слому прежних социально-политических институтов и оформлению принципиально новых отношений между гражданами и государством. Подобные факторы не могли не повлиять на трансформацию массового политического сознания россиян.

Несмотря на масштабность произошедших в стране изменений, даже спустя 20 лет после распада СССР посткоммунистическая Россия характеризовалась многими российскими и зарубежными исследователями как общество «переходного типа» [1, с. 8]. Ряд ученых, включая известного историка Р. Пайпса, полагают, что попытки «привить» демократические ценности постсоветскому российскому обществу не увенчались успехом, поскольку к концу 2000-х гг. в России восстановилась «пользующаяся поддержкой» граждан «традиционная модель управления: автократическое государство, где граждане освобождены от ответственности за политические решения» [2, р. 9].

В то же время подобные тезисы – о «культурном» и «ментальном» неприятии российским обществом демократических ценностей – не имеют общего с действительностью и значительно упрощают взгляд на такой сложный феномен, как массовое политическое сознание постсоветского общества. Ссылаясь на исследования Института социологии РАН, В.В. Петухов подчеркивает, что ни в 1990-е гг., ни позднее российскими гражданами не отрицалась необходимость перехода от тоталитарной политической системы к демократическим принципам социально-политического устройства [1, с. 10].

1990–2000-е гг.: от либеральной «мечты» до запроса на стабильность

При анализе специфики и эволюции массового политического сознания российских граждан в постсоветский период (в частности, в первые два десятилетия существования новой российской государственности) следует акцентировать внимание на динамику становления и изменения ключевых компонентов политического сознания россиян: их политических представлений и ценностей. Данный анализ может быть осуществлен с помощью изучения результатов социологических исследований, общей социально-политической динамики постсоветского общества и влияющих на нее факторов, а также путем исследования результатов электорального выбора российских избирателей.

В динамике развития политического сознания россиян в постсоветский период (1990–2000-е гг.) наблюдается определенная периодизация. Можно выделить три ключевых этапа становления и формирования постсоветского политического сознания:

1 этап включает в себя период первой половины 1990-х гг.;

2 этап приходится на вторую половину 1990-х гг. – первую половину 2000-х гг.;

3 этап хронологически связан со второй половиной 2000-х – началом 2010-х гг.

Каждый из этапов характеризуется специфичной набором политических представлений и ценностей россиян, обусловленных как внешними социально-экономическими и политическими факторами, так и внутренними политическими потребностями, ожиданиями и запросами граждан, возникавшими в качестве реакции на актуальную повестку.

Первый этап развития массового политического сознания россиян, которые условно называют «романтическим», совпадает с ключевым этапом общественно-политической трансформации российской политической и социально-экономической системы и приходится на 1990–1995-е гг. Данный период характеризуется высоким уровнем доверия к реформам и ожидания позитивных перемен. В то же время, как пишет Н.П. Поливаева, «эти экспектации для большинства населения не оправдались, но стали социально-структурной и социально-психологической основой лояльного и бессознательно-доверчивого отношения к инновациям» [3, с. 70].

В 1990–1995 гг. наблюдается всплеск интереса политологов и социологов к исследованию ценностных установок россиян в условиях перехода к рынку и демократической политической системе. Главным образом, данные исследования фиксировали отношение постсоветских граждан к «новым» либерально-демократическим ценностям, с которыми были связаны надежды на положительные изменения в социально-экономическом положении россиян. Как отмечает В.В. Петухов, «на волне революционной эйфории подавляющее большинство из них в переходе к демократии видели надежду на лучшую жизнь... Дискредитированные в общественном мнении коммунистические ценности стали быстро замещаться демократическими» [1, с. 10].

На первом этапе эволюции массового политического сознания россиян в постсоветский период наблюдается определенная специфика. Социологи, проводившие исследования в начале 1990-х годов зафиксировали в коллективном сознании граждан определенную актуализацию ключевых либерально-демократических ценностей, к которым можно отнести «права человека», «демократию», «свободу» [4, с. 79]. При этом наблюдается принятие россиянами той категории либеральных ценностей, которая связана, прежде всего, с социокультурным, а не с экономическим измерением (к примеру, обладание частной собственностью).

Как отмечают Б.Г. Капустин и И.М. Клямкин, в массовом сознании россиян первой половины 1990-х гг. ценности либерального порядка оказываются переплетены с советскими представлениями о законности, роли и функции государства, которые имеют мало общего с традиционным либеральным мировоззрением и ассоциируются с привычными функциями прежнего государства как гаранта общественного порядка в условиях, когда производительные частные интересы не развиты и не дифференцированы [5].

В зависимости от отношения к базовым либеральным ценностям – в частности, к ценности индивидуальной свободы – в первой половине 1990-х гг. выделяется несколько типов массового политического сознания россиян [6, с. 79]:

1) «традиционно советский нелиберальный», полностью отвергающий ценность индивидуальной свободы и ее приоритет над государством;

2) «нелиберальный индивидуализм», близкий к анархистскому типу и признающий индивидуальную свободу вплоть до уровня полного произвола;

3) «экономически либеральный» – тип политического сознания, в основе ценностной системы которого находятся экономические свободы и приоритет частной собственности;

4) «социал-либеральный» тип политического сознания, отдающий приоритет гражданским и политическим свободам.

Подобная ценностная дифференциация являлась закономерным процессом переходного этапа социально-политического развития постсоветской страны. Исследования общественного мнения половины 1990-х гг. фиксировали [7; 8; 9; 10] тенденции к возникновению плюралистической системы политических ценностей в массовом сознании россиян: «прежняя идеологизированно-монолитная структура начала трансформироваться в плюральную, дифференцированную на десяток с лишним элементарных ценностных позиций» [8, с. 9].

Закономерным следствием указанных тенденций стало то, что уже к середине 1990-х в структуре политического сознания россиян «уживались» достаточно противоречивые наборы политических ценностей. Как показывают исследования отечественных политологов, среди приоритетных ценностей в этот период россияне называют, с одной стороны, «индивидуальную свободу», а, с другой, «социальное равенство» и «активное участие в управлении государством» [11, с. 96].

Очевидно, что подобная специфика массового сознания россиян была обусловлена рядом объективных факторов 1990-х гг.: кризис системы управления, неработающие институты, высокий уровень преступности, низкий уровень жизни большинства населения, резкий слом прежней системы социальных лифтов и социально-ценностных ориентиров.

Второй этап эволюции массового политического сознания россиян, который пришелся на вторую половину 1990-х гг. и начало 2000-х гг. характеризуется фиксацией исследователями чувства разочарования в демократии, ее институтах и ценностях. Н.П. Поливаева подчеркивает, что во второй половине 1990-х гг. «оптимизм, позитивные экспектации, в той мере, в какой они еще сохранялись, оказались как бы перенесенными в будущее – из констатации нынешнего состояния они преобразовались в немотивированную надежду на улучшение в перспективе» [3, с. 71]. В данной ситуации произошла существенная трансформация политических представлений и ожиданий россиян.

Углубление экономического кризиса и крайняя слабость государственных институтов способствовали усилению консервативно-авторитарных представлений, которые, с другой стороны, будут в том числе способствовать в дальнейшем формированию ценностного консенсуса.

Третий этап эволюции массового политического сознания российских граждан приходится, главным образом, на 2000-е годы. Исследователи по-разному маркируют границы данного этапа: некоторые ограничиваются только «нулевыми» годами, а в других случаях предлагается периодизация с середины 2000-х гг. до начала 2010-х гг. Так или иначе данный этап характеризуется существенными позитивными тенденциями в формировании консенсуса политических представлений и политических ценностей россиян.

Во многом это было связано с приходом на пост президента В.В. Путина и актуализацией таких вопросов политической и экономической повестки, как укрепление государственных институтов, борьба с бедностью,

обеспечение безопасности и правопорядка, консолидация дезориентированного российского социума. Именно в этот период четко формируется общественный запрос на стабильность.

Как пишет В.В. Петухов, в 2000-е гг. в российском обществе сохраняется определенное противоречие: несмотря на то, что показатели восприятия и оценки демократии и демократических ценностей в массовом политическом сознании граждан соответствовали аналогичным показателям граждан развитых западных стран, данные демократические установки не нашли полноценной реализации в политическом поведении и политическом участии россиян. Исследователь отмечает, что за прошедшие двадцать лет с распада Советского

Союза демократия в России «реализовалась лишь в качестве нормативной модели, но не поросла в ткань общественной жизни, не переросла в демократию участия и соучастия» [1, с. 21].

Несмотря на одобрение демократических ценностей, россияне в 2000-е годы все же отводят им не главную роль в иерархии своих политических установок: демократические идеалы перестают быть тем, за что граждане готовы бороться. В свою очередь на первый план выходят ценности «социальной справедливости», «порядка» и «стабильности» [12, с. 44].

Особенности эволюции массового политического сознания россиян в первые десятилетия постсоветского периода можно представить в виде таблицы 1.

Таблица 1. Этапы эволюции массового политического сознания россиян в 1990–2000-е гг.

Этап	Хронологические рамки	Основные черты массового политического сознания россиян	Факторы, влияющие на формирование политического сознания
1	начало – середина 1990-х годов	<ul style="list-style-type: none"> - принятие в массовом сознании политических либеральных ценностей и идеалов прав и свобод граждан; - слабая актуализация в массовом сознании экономических либеральных ценностей (особенно идеала частной собственности); - ценностное размежевание; - запрос на социальную справедливость; - запрос на работающие по советскому «образцу» государственные институты. 	<ul style="list-style-type: none"> - либерально-демократические реформы начала 1990-х гг.; - распад СССР; - кризис системы управления; - неработающие институты; - высокий уровень преступности; - низкий уровень жизни большинства населения; - резкий слом прежней системы социальных лифтов и социально-ценностных ориентиров.
2	вторая половина 1990-х – начало 2000-х годов	<ul style="list-style-type: none"> - «разочарование» в демократии; - разочарование результатами реформ; - запрос на сильное государство и «жесткую руку»; - запрос на консолидирующие ценности; - запрос на социальную справедливость; - общее состояние аномии, свидетельствующее об отсутствии или нестабильности иерархии ценностей в массовом политическом сознании 	<ul style="list-style-type: none"> - экономический кризис 1998 года; - социально-политическая нестабильность; - высокий уровень преступности; - низкий уровень жизни и социальной защищенности граждан.
3	2000-е гг.	<ul style="list-style-type: none"> - доминирование в массовом сознании ценностей «порядка», «стабильности» и «справедливости»; - приоритет ценности безопасности; - сосуществование в массовом политическом сознании социально-демократических, либеральных, консервативных, державно-патриотических ценностей; - актуализация авторитарно-коммунитаристской модели демократии; - ослабление либеральной повестки. 	<ul style="list-style-type: none"> - укрепление государственных институтов после избрания В.В. Путина на пост президента; - борьба с бедностью; - борьба с терроризмом; - укрепление системы обеспечения безопасности и правопорядка; - курс на социальную консолидацию и политическую стабильность.

Основные черты массового политического сознания россиян на современном этапе

Массовое политическое сознание представляет собой особый тип общественного сознания, отличающийся от таких форм, как религиозное, этническое, классовое и т.п. Современные россияне с точки зрения исследователей массового политического сознания являются устойчивой группой населения, образующей сообщество, которое можно идентифицировать как «российское».

Под «современностью» в контексте исследования современного массового политического сознания россиян мы предлагаем понимать хронологический период с 2012 по 2023 гг. Это связано с фиксацией в данный период определенных устойчивых элементов в структуре массового политического сознания россиян, имеющих отличительные черты по сравнению с ранними периодами и сохраняющихся до сих пор.

Во многом формированию и закреплению указанных элементов структуры массового политического сознания россиян способствовали политика российских властей, внутри- и внешнеполитические события, социально-экономическая ситуация в стране и мире, а также политическая пропаганда официальных российских средств массовой информации.

Политологи и социологи, исследующие массовое политическое сознание и общественное мнение, предлагают оперировать понятием политической идентичности как устойчивой системы представлений и идентификаций группы индивидов о себе, о Других и границах своего политического сообщества. В этой связи видится продуктивным проанализировать специфику и содержания той модели политической идентичности, которая на сегодняшний день доминирует в российском символическом пространстве и отражает ключевые элементы структуры массового политического сознания российских граждан.

Одним из ключевых элементов современного массового политического сознания россиян, которое мы также можем охарактеризовать как реакционно-мобилизационное, является патриотизм, в основе которого лежит память о Великой Отечественной войне и культ военных побед.

Героический нарратив Великой Отечественной войны становится доминирующим в дискурсе о войне и Победе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Он тесно сопряжен с процессом конструирования великодержавной идентичности постсоветской России; более того он является, если использовать термин П. Бурдьё [13, с. 87–97], важным символическим капиталом данной концепции идентичности и занимает одно из центральных мест в структуре массового политического сознания россиян. Об этом свидетельствуют масштабные ежегодные празднования Дня Победы, использование военной техники во время парадов, возвращение советской военной символики и советской риторики в публичный дискурс. Одновременно с этим процессом уже в 2000-е годы происходит реабилитация роли И. Сталина в войне и как следствие – вытеснение за пределы «легитимного» публичного дискурса иных вопросов и сюжетов, связанных с темой памяти о войне.

Героический (патриотический) нарратив окончательно закрепляется в российском политическом дискурсе и массовом политическом сознании после присоединения Крыма в 2014 году. Характеризуя современное массовое сознание россиян, известный историк и культуролог А. Ассман отмечает, что «огромное историческое значение исполненной в 1945 году освободительной миссии составляет основу позитивного, проникнутого величавой героикой самовосприятия нации, которое препятствует тому, чтобы к этому образу примешивались иные, противоречащие ему черты – например, память о жертвах сталинских репрессий» [14, с. 288].

К структурообразующим особенностям политического сознания современных россиян стоит отнести запрос на стабильность. Данный запрос проявляется через акцентирование внимания российского общества на проблеме «порядка», которой отводится одно из ключевых мест в общей шкале политических ценностей россиян. О приоритетности данной ценности свидетельствует тот факт, что большое число россиян соглашались с мнением, что для достижения порядка допустимо ограничение отдельных прав и свобод граждан [15].

Даже в 2010-е годы, спустя десятилетие относительной социально-политической стабильности, с которой в массовом сознании связываются первый два срока президентства В.В. Путина, запрос на «порядок» и «стабильность», согласно социологическим исследованиям, в российском обществе продолжил возрастать [16].

Большинство российских граждан сегодня называют себя патриотами [17]. В понимании патриотизма есть нюансы: для большинства это значит «любить Россию», для многих – ставить свою страну выше других. Свидетельством усиления реакционного консерватизма является растущая популярность идеи «русского мира» в её имперском понимании.

Поддержка действующей власти как феномен современного российского общества

Важным феноменом в контексте изучения массового политического сознания россиян в последнее десятилетие является высокий уровень поддержки действующей власти в условиях снижения уровня жизни и темпов экономического роста, а также в ситуации несоответствия власти идеальным представлениям о ней.

События на Украине, развернувшиеся с ноября 2013 г., и последовавшее затем присоединение Крыма к России в марте 2014 г. обозначили новую ситуацию, которая не могла не сказаться как на массовом политическом сознании россиян, так и на внутренней российской политике. Большинство россиян восприняло бесчинства украинских ультранационалистических сил с возмущением, а принятое по результатам народного волеизъявления крымчан решение о воссоединении Крыма с Российской Федерацией – как восстановление исторической справедливости. В сознании россиян Крым и после распада Советского Союза оставался российским, несмотря на административное переподчинение его Киеву в советское время.

Подавляющее большинство российских граждан выразило свою поддержку действиям российских властей в ситуации с кризисом на Украине. Патриотический подъем и социальная консолидация «вокруг флага» стала доминирующей реакцией российского общества на возвращение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации и определила специфику развития массового политического сознания на последующие годы.

При этом поддержка политических действий российского руководства в контексте событий в Крыму и «Русской весны» детерминировала отношение россиян к положению дел в стране в целом. Так, например, если осенью 2013 г. лишь порядка 40% граждан РФ полагали, что Россия движется в правильном направлении, то уже в марте 2014 г. этот показатель вырос на 20% [18].

Именно так называемый «Крымский консенсус» стал определяющим феноменом массового политического сознания и социальной динамики российского общества, начиная с 2014 г. В узком смысле понятие «Крымский консенсус» означает согласие и/или поддержку россиянами политики руководства страны по вопросу включения Крыма и Севастополя в состав России. В широком же смысле «Крымский консенсус» – это демонстрация широкомасштабной политической поддержки гражданами России своего Президента и реализуемого им внутри- и внешнеполитического курса [19].

Так, согласно опросу ВЦИОМ, состоявшемуся в апреле 2014 г., 96% российских граждан поддержали принятие Крыма и Севастополя в состав России. Стоит отметить, что впервые в современной российской истории социологи зафиксировали полное единодушие общества по политическому вопросу: возвращение Крыма и Севастополя поддержали и жители крупнейших городов (98%), и жители сельских территорий (95%); и молодые граждане (96%), и граждане старшей возрастной группы (97%); и сторонники правящей политической партии (97%), и поддерживающие коммунистов избиратели (99%) [18].

По мнению отечественных исследователей, «Крымский консенсус» может рассматриваться не только как явление массового политического сознания. К примеру, профессор Финансового университета А.Б. Шатилов считает, что возвращение Крыма и Севастополя стало фактором внутриэлитной консолидации в России. Это политическое решение российского руководства поддержали представители самых разных элитных группировок: от так называемых «силовиков» до представителей бизнеса и интеллигенции «центристского» и «либерального» направления. А.Б. Шатилов отмечает: «Неуступчивость Запада фактически отрезала российской правящей элите пути “к отступлению” и сплотила ее вокруг Президента В. Путина, который, опираясь на такой “крымский консенсус”, получил существенную свободу для политических маневров и проведения в жизнь принципиальных политических инициатив (стратегический

альянс с КНР, реализация проекта Евразийского экономического союза, создание Банка развития БРИКС и др.)».

Социологические опросы спустя годы после возвращения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации показывают, что единство граждан относительно вхождения Крыма в состав России сохранилось и спустя несколько лет после «Крымской весны». Согласно опросам ВЦИОМ 2019 г., 91% россиян уверено в правильности принятого ранее решения о включении полуострова в состав страны. Однако при этом 13% респондентов (прежде всего молодёжь и жители мегаполисов: 21% 25–34-летних и 25% москвичей и петербуржцев отмечают, что вхождение Крыма принесло стране больше вреда, чем пользы. Иной позиции придерживается 69% опрошенных [20].

Таким образом, можно сказать, что «Крымский консенсус» оказался явлением с пролонгированным действием. Несмотря на некоторое падение показателей уровня поддержки действующей власти в России в 2018 году на фоне проведения пенсионной реформы, высокий уровень единения российского общества по «крымскому вопросу» сохраняется и по сей день.

Заключение

Массовое политическое сознание россиян в постсоветский период имеет все признаки коллективного политического сознания общества, находящегося на этапе политической трансформации. В первые 10–15 лет фиксации исследователями политических предпочтений и ценностей россиян наблюдалось наличие неустойчивой структуры политических ценностей и определенное ценностное размежевание в массовом сознании граждан.

Анализ динамики массового политического сознания россиян в постсоветский период показывает, что эволюция изучаемого феномена происходила в три этапа. При этом на смену запросам на либерально-демократические преобразования к началу 2000-х годов формируется четко выраженный запрос на консервативно-авторитарную модель политической системы, в центре которой находятся ценности «политического порядка», «справедливости» и «патриотизма».

Литература

1. Петухов В.В. Российские реформы и переосмысление россиянами роли демократических институтов и ценностей // Вестник института Кеннана в России – Выпуск 20 – М.: Институт Кеннана, 2011 С. 25–32.
2. Pipes R. flight from freedom. What Russians think and want // Foreign Affairs. N.Y., 2004. – 56 p.
3. Поливаева Н.П. Направления эволюции политического сознания россиян: факторный аспект // Власть. 2012. № 6. С. 69–73.
4. Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 13–24.
5. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании Россиян // Полис: Политические исследования. 1994. № 1. С. 18–31.
6. Селезнева А.В. Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1 (37). С. 28–40.
7. Лапин Н.И. Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная полити-

ка / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Издательской дело, 1998. С. 134–156.

8. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс: Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–19.
9. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социс: Социологические исследования. 1994. № 5. С. 3–8.
10. Нестерова С.В. Некоторые особенности политической культуры в современной России (психологический аспект) // Гражданская культура в современной России (Отв. ред. и авт. введ. Е.Б. Шестопал). М.: МОНФ, 1999. С. 128–140.
11. Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008–412 с.
12. Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2011. М.: ВЦИОМ, 2012. С. 30–45.
13. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Алетейя, 2014–403 с.
14. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика – М.: Новое литературное обозрение, 2014–328 с.
15. Вебер А.Б. Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 60–78.
16. Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 129–140.
17. Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать // ВЦИОМ. 2022. 28 Апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 25.09.2023)
18. Крым в России – навсегда! // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=770> (дата обращения: 27.09.2023)
19. Абрамов А.В. Крымский консенсус как феномен российского политического сознания // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы. Сб. научных статей по материалам шестов Международной научно-практической конференции / Под ред. А.А. Вилкова, – Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 3–9.
20. Крым: четыре года с Россией // ВЦИОМ [Сайт] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8993> (дата обращения: 03.10.2023)

PERIODIZATION OF THE EVOLUTION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN THE POST-SOVIET PERIOD: STRUCTURE-FORMING CONCEPTS

Mustakimov A.V.

Center for Social Security and Riskology of the FCTAS RAS

The subject of the research in this article is the dynamics of the development and transformation of the mass political consciousness of Russians in the post-Soviet period. The purpose of the study is to analyze the main stages of the evolution of the mass political consciousness of Russian citizens and the key structure-forming concepts of this phenomenon. Using the methodology of comparative political science and comparative historical research, discourse analysis, based on the results of empirical sociological research and a representative database of sources, the author comes to the conclusion that the evolution of the mass political consciousness of Russians in the post-Soviet period took place in three stages: to replace the requests for liberal democratic transformations

by the early 2000s, a clearly expressed request for a conservative-authoritarian model of the political system, in the center of which are the values of “political order”, “justice” and “patriotism”. The results of the conducted research can be used by public authorities and the expert community in the development and discussion of the strategy of value-ideological support of public policy, in the formation of the conceptual foundations of Russia’s domestic policy.

Keywords: mass consciousness, political consciousness, political values, patriotism, stability, public opinion, post-Soviet period

References

1. Petukhov V.V. Russian reforms and Russians’ rethinking of the role of democratic institutions and values // Bulletin of the Kennan Institute in Russia – Issue 20 – M.: Kennan Institute, 2011 P. 25–32.
2. Pipes R. flight from freedom. What Russians think and want // Foreign Affairs. N.Y., 2004. – 56 p.
3. Polivaeva N.P. Directions in the evolution of the political consciousness of Russians: the factorial aspect // Power. 2012. No. 6. P. 69–73.
4. Kapustin B.G. Liberal consciousness in Russia // Social sciences and modernity. 1994. No. 1. P. 13–24.
5. Kapustin B.G., Klyamkin I.M. Liberal values in the minds of Russians // Polis: Political Studies. 1994. No. 1. P. 18–31.
6. Selezneva A.V. Dynamics of changes in political values in post-Soviet Russia // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. No. 1 (37). pp. 28–40.
7. Lapin N.I. Changing values and new sociocultural structures // Where is Russia going?.. Transformation of the social sphere and social policy / Under the general. ed. T.I. Zaslavskaya. M.: Publishing house, 1998. pp. 134–156.
8. Lapin N.I. Modernization of the basic values of Russians // Socis: Sociological Research. 1996. No. 5. P. 3–19.
9. Lapin N.I. Values as components of the sociocultural evolution of modern Russia // Socis: Sociological Research. 1994. No. 5. P. 3–8.
10. Nesterova S.V. Some features of political culture in modern Russia (psychological aspect) // Civil culture in modern Russia (Responsible editor and author’s introduction: E.B. Shestopal). M.: MONF, 1999. pp. 128–140.
11. Images of Russian power: from Yeltsin to Putin / ed. E.B. Shestopal. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008–412 p.
12. Petukhov V.V. The value palette of modern Russian society: “ideological mess” or the search for new meanings / Monitoring of public opinion: economic and social changes. Almanac 2011. M.: VTsIOM, 2012. P. 30–45.
13. Bourdieu P. Sociology of social space. M.: Aletheya, 2014–403 p.
14. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics – M.: New Literary Review, 2014–328 p.
15. Weber A.B. Masses and power: mass consciousness and the political system in Russia // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. No. 1 (12). pp. 60–78.
16. Rogachev S.V., Ilyicheva M.V., Ivanov A.V. Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2022. Issue. 1. pp. 129–140.
17. Patriotism today: love, care and protect // VTsIOM. 2022. April 28. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubiti-zabotitsja-i-zashchishchat> (date of access: 25.09.2023)
18. Crimea in Russia – forever! // VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=770> (date of access: 27.09.2023)
19. Abramov A.V. Crimean consensus as a phenomenon of Russian political consciousness // Five years of reunification of Crimea with Russia: results and prospects. Sat. scientific articles based on materials from the poles of the International Scientific and Practical Conference / Ed. A.A. Vilkova, – Saratov: Saratov Source, 2019. P. 3–9.
20. Crimea: four years with Russia // VTsIOM [Site] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8993> (date of access: 03.10.2023)

Специфика формирования властной элиты в России

Хлынин Андрей Павлович,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: and.khlynin@mail.ru

В данной статье анализируется специфика формирования и функционирования властной элиты в России. На основании исторического анализа становления российского государства автор выделяет ключевые особенности, которые обусловили его генезис. К данным факторам относится: географическое положение, сопряженное с неблагоприятными природно-климатическими условиями и как следствие с общинной формой социальной организации, а также экстенсивная подсечно-переложная система земледелия, связанная с постоянным расширением государственных границ и необходимостью наличия добрососедских отношений, которые выстраивались на основании проправославного консенсуса. По итогу автор делает вывод о том, что все перечисленные выше факторы послужили основанием для становления мобилизационной модели развития российского государства, обуславливающей приоритет государственно-политических интересов над частными экономическими. По мнению автора, именно мобилизационная модель развития государства определила специфику формирования властной элиты России.

Ключевые слова: властная элита, формирование, специфика, Россия, мобилизационная система.

При изучении развития государства особое внимание исследователей сосредоточено на анализе властных отношений, ключевым субъектом которых является властная элита, которая, в силу возложенных на нее прав и обязанностей, отвечает за разработку и проведение стратегического курса его развития. В свою очередь, эволюция властной элиты является частью общего процесса исторического развития общества, специфика которого оказывает прямое влияние на ее структуру и функционал. В этой связи необходимым условием понимания современной общественно-политической ситуации и перспектив развития российского государства является глубокий исторический анализ эволюции властной элиты, начиная с периода формирования древнерусского государства.

Изучение специфики формирования властной элиты в России целесообразно начинать с изучения специфики формирования государства, становление которого, в свою очередь, сопряжено с «рождением его «духа», его культурного архетипа, т.е. системного набора жизненных смыслов, консолидирующих общество» [1, с. 37] и в большей степени определено конкретными культурно-историческими предпосылками.

Первым ключевым фактором формирования российской государственности является *географический фактор*, сопряженный с конкретными *природно-климатическими условиями*. Территория, климат, соседство с другими государствами в значительной степени определяют тип хозяйствования, социальную организацию, политическое устройство и менталитет народа. Так, русское государство образовалось примерно в конце I века до н.э. на территории Восточноевропейской равнины в Среднем Приднепровье и по мере своего развития постепенно расширялось на северо-восток, в область волжско-окского междуречья. Основная территория расселения восточных славян, по мнению В.Н. Дежнева, «отличалась суровым неустойчивым климатом, позволяющим заниматься полевыми сельскохозяйственными работами только 4–5 месяцев в году, что в совокупности с малоплодородными почвами давало низкую урожайность и малый прибавочный продукт, который можно было изъять без ущерба для крестьянина для решения государственных задач» [2, с. 145].

Жесткие природные условия и связанная с ними низкая производительность труда способствовали формированию особой формы социальной организации людей – *общины*. Только совместный труд большого количества людей позволял получить урожай, достаточный для выживания. Жизнь в общине всегда была связана с наличием строгого патриархального уклада, определявшим главенство мужчины как основного субъекта экономической деятельности: «...мужчина как пахарь и воин всегда был важнее женщины, коллектив важнее их обоих, а власть и государство важнее коллектива и частных интересов» [3, с. 7]. Существование общины полностью устраивало государство, которое собирало налоги с нее, а не с конкретного человека или семьи. Впоследствии данное обстоятельство послужило рождению такого понятия как «круговая порука» – ответственности всех за каждого и каждого за всех. Подобный коллективизм практически полностью исключал возможность отдельного существования сильной личности.

Жесткие природно–климатические условия предопределили распространение экстенсивной подсечно–переложной системы земледелия, суть которой заключалась в том, чтобы использовать определенный участок земли в течение короткого времени (обычно 1–3 года, пока земля сохраняла плодородие) с последующим переходом крестьянина на новое место, расчищаемое посредством сжигания травы и леса. Постоянная необходимость в расширении территории обусловили становление протяженной линии границ с сопредельными государствами, что зачастую приводило к многочисленным войнам, а, следовательно, к особой роли института армии.

Постоянное продвижение в поисках новых плодородных земель и особая ментальность обусловили своеобразие колониальной политики, главной особенностью которой являлось гарантированное сохранение культурной и национальной идентичности народов, входивших в ее состав. Россия, присоединяя территории Сибири, Крыма, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, старалась включить эти земли не только в орбиту экономики, но также и в орбиту культурно–цивилизационного влияния, причем зачастую в ущерб коренному русскому населению. Британский исследователь Р.И. Мурчинсон писал: «даже если Россия расширяет свои владения за счет сопредельных колоний, в отличие от остальных колониальных держав она отдает своим новоприобретенным больше, чем берет от них... Победенные же ею или взятые под защиту в конечном итоге обычно выигрывают, сохраняя в неприкосновенности свой образ жизни и духовные институты... преумножая свое материальное достояние и существенно продвигаясь по пути цивилизации» [4, с. 73].

И. Солоневич, исследуя факторы становления русской государственности, придавал исключительное значение умению русских уживаться рядом с другими народами: «русскую государственность создали два принципа: а) уживчивость и б) «не замай». Если бы не было первого – мы не могли бы создать империи. Если бы не было второго, то на месте этой империи возник бы чей–нибудь протекторат: претендентов в протекторы у нас было вполне достаточное количество – даже и без Юрика и его сундуков» [5, с. 257].

Однако решающее влияние на культуру российской цивилизации оказало Православие: «когда мы говорим о единстве современной многонациональной России, мы должны помнить, что огромную, если не решающую роль в формировании этого единства сыграла Православная церковь» [6]. Разделение основных положений Православия народностями, входившими в состав России, поспособствовало формированию в обществе единого *проправославного консенсуса* как идеи построения справедливого государства на основе православных ценностей [7, с. 37–38]. Именно проправославный консенсус во многом стал тем фактором, который на протяжении многих веков обеспечивал единство народов России в контексте единой культурно–цивилизационной системы – по выражению британского историка М. Басина, «Россия, находясь на стыке Европы и Азии, представляла собой уникальный автономный мир, обращенный к самому себе, и обладающий своим собственным культурным этосом» [8, р. 51].

Все вышеперечисленные особенности России определили совершенно уникальный тип власти, который некоторые историки определяют как «историческое название российской диктатуры» [9, с. 10] – *царское самодержавие*. Данный тип власти утверждает особый статус государя как «помазанника божьего» и предполагает практически неограниченные полномочия в рамках по-

литической системы – «одновременно править, судить, законодательствовать, именоваться Главой Церкви и Императорской Фамилии, а также быть наследственным обладателем государственной территории с указанием об этом в его титуле» [10, с. 332].

Безусловно стоит отметить и иные политические институты «гражданского общества», которые не находились в прямой связи с государем – Земские Соборы, Боярская дума, органы местного самоуправления и др., – однако серьезного влияния на политический курс государства они не оказывали. Так, американский политолог Т. Грэм справедливо замечает: «в России государственная власть никогда не позиционировалась как эманация общества, созданная для защиты прав граждан, смягчения последствий конфликтов между ними и продвижение общественного благосостояния. Скорее она возникла как инородная сила, призванная установить порядок и управлять некоторыми людьми» [11, с. 60].

Описанные выше особенности становления российского государства является примером *мобилизационной модели* развития, которая характеризуется, по выражению В.А. Погребинской, «достижением чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм» [12, с. 82]. Данная модель обуславливает главенствующую роль государства во взаимоотношениях с обществом, а определяющее значение для развития имеют политические факторы. Мобилизационной модели развития противостоит *эволюционная модель*, характерная для стран западной Европы и США. Эволюционная модель делает упор на удовлетворение частных экономических интересов, которые соответствуют интересам государства и являются основой его развития.

Мобилизационная и эволюционная модели развития общества определяют различные политические системы, что является ключевым фактором, определяющим процессы формирования властной элиты. Так, в условиях эволюционной модели политический процесс представляет собой сложное взаимодействие различных субъектов политической системы. Импульсы политической жизни исходят по большей части от внешней среды – гражданского общества, – а государство как основной политический институт, реагируя на них, приводит самые сильные из них в исполнение. Властная элита в данном случае имеет плюралистический характер и предстает в виде системы независимых элит, важность которых зависит от степени влияния на стратегические решения. В данном случае глава государства не является исключительной политической фигурой и выступает первым среди равных. Такого рода элита является классическим примером консенсусно–объединенной элиты Дж. Хигли, представители которой зачастую имеют диаметрально противоположные взгляды, однако изначально имеют равные права и возможности влияния на принятие стратегических решений. [13, с. 58]

Учитывая приоритетность экономических факторов в рамках эволюционной модели, одним из самых значимых субъектов политической системы являются различные группы интересов, образованные в среде крупного бизнеса. Доминирование экономических элит предопределяет ключевую роль экономических интересов в реализации стратегических политических решений. Так, К. Крауч, исследуя влияние финансовых кругов США на государственную политику, отметил: «политическая власть корпорации заметнее всего проявляется в поразительном по масштабам лоббировании, которое осуществляется, прежде всего, в Конгрессе США, но также и во многих других законодательных органах

и правительствах... все более заметно стремление правительств отдавать в подряд частным фирмам свои собственные функции» [14, с. 13–14].

Для понимания процессов формирования элиты в России принципиальное значение имеет тот факт, что мобилизационная модель развития общества предполагает совершенно иную модель взаимодействия политических субъектов, связанную с отсутствием значимого воздействия внешней среды – гражданского общества, – на государство. По замечанию А.И. Сперкача, главной особенностью российской модели развития является «способность политического Центра к концентрации материальных ресурсов зачастую вопреки частным интересам и пожеланиям элит другого уровня, в частности региональных <...> Ее причины носят исторический характер, закрепленный успешными ответами на целый ряд стратегических вызовов» [15, с. 49]. Географические, климатические и иные особенности становления государственности предопределили ситуацию, в которой развитие требовало такого объема затрат и усилий, который непосилен для любого частного хозяйствующего субъекта, а посилен только государству. В таких условиях политическая власть полностью или частично растворяется в рамках государственного бюрократического аппарата.

Существование мобилизационной модели подразумевает использование ресурсов системы на грани возможности, что приводит к резкому недовольству внешней среды и отторжению государственной политики. В этой связи государство вынуждено иметь развитую систему репрессивных органов, которая в состоянии обеспечить выполнение государственных распоряжений и подавить возникающее недовольство. По мнению О.В. Крыштановской, именно этот факт объясняет огромное влияние представителей силовых ведомств на осуществление государственной власти в России: «эта привязка обеспечивает согласованность и порядок, тем самым гарантируя выживание моноцентрической российской государственности в том виде, в каком она развивалась исторически» [16, р. 119]. Исходя из этого элита в рамках мобилизационной модели развития является классическим примером идеологически–объединенной элиты, т.к. практически все ее представители разделяют единую идеологическую платформу, а та часть элиты, которая не принимает государственную идеологию, рассматривается как дисфункциональная и при первой возможности устраняется. [13, с. 57]

Таким образом, ключевые факторы формирования российской государственности, связанные с жесткими природно–климатическими условиями, низкой производительностью труда, огромной территорией и протяженной государственной границей, а также культурное, этническое и конфессиональное многообразие предопределили становление мобилизационной модели развития. Данная модель характеризуется централизацией власти и определяющей ролью государства во взаимоотношениях с обществом. В таких условиях политическая власть практически полностью растворяется в рамках государственного бюрократического аппарата, а развитая система органов государственной безопасности, обеспечивая согласованность и порядок, является гарантом сохранения государственности.

Обозначенная выше специфика государственно–властных отношений обусловила становление особого типа идеологически объединенной элиты, все члены которой безоговорочно разделяют единые принципы государственного устройства и идеологии. Данное обстоятельство впоследствии стало залогом успешного функционирования мобилизационной модели, поскольку

ку ключевым вызовом для ее реализации является внутренняя целостность, связанная с единством элиты и недопущением элитных расколов. Та часть элиты, которая не принимала условий тотального государственного контроля, рассматривалась как дисфункциональная и при первой возможности подавлялась. Та же ее часть, которая принимала действенное положение вещей, являлась практически единственным субъектом властных отношений, определявшим вектор общественно–политического развития.

Литература

1. Чешев В.В. Могла ли в России сформироваться цивилизационная элита? // Идеи и идеалы, 2020. № 2–1. С. 29–47.
2. Дежнев В.Н. Традиции государственности и народо-властия в российской истории // Вестник Шадринского государственного педагогического университета, 2021. № 1(49). С. 144–146.
3. Докучаев И.И. Тоталитаризм и авторитаризм: тенденции и перспективы // Вопросы культурологии, 2015. № 9. С. 6–13.
4. Михайлюк В.М. Пермская шкатулка. Пермь и пермский край в судьбе России. – Пермь: ИД «Пермские новости», 2007. – 318 с.
5. Солоневич И.Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.
6. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата, 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4134246.html> (дата обращения: 05.09.2023).
7. Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. – М.: Изд–во Института Гайдара, 2020. – 416 с.
8. Bassin M. Geographies of imperial identity // Cambridge history of Russia. Imperial Russia, 1689–1917. Vol. II. – Cambridge University Press, 2006. – 765 p.
9. Борисов Н.С. Иван III / Отв. ред. А.Ю. Карпов. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 640 с.
10. Шайрян Г.П. Цивилизационно–культурная само-бытность Российской государственности на основе воззрений зарубежных авторов // Право – явление цивилизации и культуры, Москва, 30–31 марта 2018 года / Российский университет дружбы народов. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 371–379.
11. Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть III. Роль мессианства, исключительности, амбиций и выживания в разжигании соперничества // Полис. Политические исследования, 2022. № 3. С. 50–66.
12. Погребинская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Мир новой экономики, 2020. № 2. С. 82–90.
13. Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 50–72.
14. Крауч К. Странная не–смерть неолиберализма. – М.: «Дело», 2012. – 272 с.
15. Сперкач А.И. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2021. № 3. – С. 47–54.

16. Viktorov I., Kryshantovskaya O. Presidential Succession in Russia: Political Cycles and Intra-Elite Conflicts // *Russian Politics*, 2023 8(1) – P. 97–121.

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE POWER ELITE IN RUSSIA

Khlynin A.P.

Lomonosov Moscow State University

This article analyzes the specifics of the formation and functioning of the power elite in Russia. Based on the historical analysis of the formation of the Russian state, the author highlights the key features that determined its genesis. These factors include: geographical location associated with unfavorable natural and climatic conditions and, as a result, with a communal form of social organization, as well as an extensive slash-and-shift farming system associated with the constant expansion of state borders and the need for good neighborly relations that were built on the basis of pro-Orthodox consensus. As a result, the author concludes that all of the above factors served as the basis for the formation of a mobilization model for the development of the Russian state, which determines the priority of state-political interests over private economic ones. According to the author, it was the mobilization model of the development of the state that determined the specifics of the formation of the Russian power elite.

Keywords: power elite, formation, specifics, Russia, mobilization system.

References

1. Cheshev V.V. Could a civilizational elite have formed in Russia? // *Ideas and ideals*, 2020. No.2–1. P. 29–47.
2. Dezhnev V.N. Traditions of statehood and democracy in Russian history // *Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*, 2021. No.1(49). P. 144–146.
3. Dokuchaev I.I. Totalitarianism and authoritarianism: trends and prospects // *Issues of Cultural Studies*, 2015. No.9. P. 6–13.
4. Mikhailuyk V.M. Perm box. Perm and the Perm region in the fate of Russia. – Permian: Publishing House «Perm News», 2007. – 318 p.
5. Solonevich I.L. People's monarchy / Rev. ed. O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2010. – 624 p.
6. Word of His Holiness Patriarch Kirill at a meeting of the Supreme Church Council // *Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate*, 2015. [Electronic resource]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4134246.html> (date of access: 05.09.2023).
7. Uzlener D.A. post-secular turn. How to think about religion in the 21st century. – M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. – 416 p.
8. Bassin M. Geographies of imperial identity // *Cambridge history of Russia. Imperial Russia, 1689–1917. Vol. II.* – Cambridge University Press, 2006. – 765 p.
9. Borisov N.S. Ivan III / Rev. ed. A. Yu. Karpov. – M.: Young guard, 2018. – 640 p.
10. Shairyan G.P. Civilizational and cultural identity of the Russian statehood based on the views of foreign authors // *Law is a phenomenon of civilization and culture*, Moscow, March 30–31, 2018 / *Peoples' Friendship University of Russia*. – M.: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2019. – P. 371–379.
11. Gram T. Russia and the USA on the world stage. Part III. The role of messianism, exclusivity, ambition and survival in fomenting rivalry // *Polis. Political Research*, 2022. No. 3. – P. 50–66.
12. Pogrebinskaya V.A. Mobilization model of catch-up modernization of Russia (first half of the 20th century) // *World of New Economics*, 2020. No.2. – P. 82–90.
13. Higley J. Elites, mass groups and the limits of politics: methodology and practice of comparative analysis // *Comparative Politics*. 2010, No.1. – P. 50–72.
14. Crouch K. Strange non-death of neoliberalism. – M.: «Delo», 2012. – 272 p.
15. Sperskach A.I. Civilizational foundations of inter-elite interaction in modern Russia // *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2021. No.3. – P. 47–54.
16. Viktorov I., Kryshantovskaya O. Presidential Succession in Russia: Political Cycles and Intra-Elite Conflicts // *Russian Politics*, 2023 8(1) – P. 97–121.

Лингвосемантические аспекты воспроизведения дискурса новой холодной войны в условиях перехода к многополярному миру в современном английском языке (в том числе, в социальных сетях)

Кузнецова Татьяна Анатольевна,

к.э.н., доцент кафедры английского языка № 2,
МГИМО МИД России
E-mail: tkostetsky@gmail.com

Коровина Лариса Валентиновна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры английского языка № 2,
МГИМО МИД России
E-mail: korovina_larisa_@mail.ru

В статье исследуются лингвосемантические аспекты воспроизведения дискурса новой холодной войны в условиях перехода к многополярному миру в современном английском языке.

Структура исследуемого концепта определяет его широкое семантическое поле, в котором формируется восприятие современной политической реальности в западной политологии и в западном политическом дискурсе. В настоящее время, при отсутствии идеологических противоречий между Россией и странами Запада, поле противостояния смещается в сторону гуманитарного осмысления социально-политических процессов, в сторону отставания идей двуполярности, национального суверенитета и права наций на решение своей судьбы. В этом содержательном ключе, по нашему мнению, и будет в дальнейшем развиваться и конструироваться средствами массовой информации лексико-семантическое поле концептов «new Cold War», «новая Холодная война».

Дискурс «новой Холодной войны» в условиях перехода к многополярному миру представляет собой милитарную метафору и сложный концепт-сценарий, формирующийся на протяжении последних 70 лет, отражающий фазу острого политического (невоенного) противостояния главных субъектов мировой политики (России (СССР) и стран Запада), структура которого имеет подвижную семантическую окраску, меняется под воздействием экстралингвистических факторов, а также под воздействием политической ситуации и отношений между противоборствующими сторонами.

Ключевые слова: холодная война, семантика, дискурс, концепт, метафора, конфликт.

Введение

Каждый исторический период, каждое знаковое событие, так или иначе, оставляют свой след в языке, создают собственный словарь, который формирует историческую память о политических процессах, явлениях, личностях, в результате чего происходит концептуализация объективной картины мира. В настоящее время Россия находится в состоянии военного противостояния, поэтому вполне оправданна актуализация в ее социально-политическом дискурсе лексики военной концептосферы.

Концепт «война» принадлежит к универсальным и прослеживается во всех культурах и языках, ведь войны сопровождают человечество на протяжении всей истории его существования. В то же время анализируемый концепт имеет вариативную составляющую, отражающую многообразие восприятия военной ситуации: «народная война», «справедливая война», «тотальная война», «идеологическая война», «гибридная война», «информационная война», «холодная война».

Высокая частота употребления термина «Холодная война» на современном этапе развития речевой ситуации в России, определяется схожестью текущей политической ситуации с той, которая имела место в период с 1946 года по конец 80-х годов XX столетия, когда фактически весь мир был погружен в проблематику политических взаимоотношений между СССР и США. Именно в этот период сложилось понимание смысла данного термина, а его лексико-семантическая составляющая была хорошо понятна подавляющему большинству жителей планеты.

Современный человек не настолько глубоко погружен в проблематику «холодной войны», однако высокая частота употребления данного термина заставляет по новому осмыслить его языковую сущность для понимания смысла событий, происходящих на современной мировой арене.

Лексико-семантическое осмысление концепта «Холодная война» осуществлено в работах таких ученых как Э.В. Будаев, А.П. Чудинов [2], Н.А. Ковалев [6, 7, 12], Э. Лассан [8], Т.С. Садова [9], Н.А. Чес [10], Д.О. Чучуев [11] и др.

Как указывают Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, лингвосемантический модус концепта «Холодной войны» всегда идет в сопровождении его дискурсивного модуса. «Холодные войны» приобретают смысл и статус «войны» только вместе с дискурсивными формами, поскольку даже самое ожесточенное политическое противостояние не имеет смыслового наполнения, характеризующего войну, до тех пор, пока про них не сказано в текстах различных литературных жанров [2].

По мнению В.М. Амирова и Т.А. Глебовича, мифы, исторические хроники, романы, репортажи, монографии, труды философов и историков, доклады экспер-

тов и аналитиков, труды, посвященные «Холодной войне» – являются перечнем текстовых форм осмысления данного явления. В настоящее время рефлексия в отношении «новой Холодной войны» разворачивается в дискурсивном пространстве средств массовой информации и социальных сетей, которые формируют общественное мнение западной аудитории и поясняют явление «новой Холодной войны» с позиций противостояния «однополярного» и «многополярного» миров, которое происходит на наших глазах, постепенно переходя в «горячую фазу» [1].

Как считает Н.А. Ковалев, информационная и смысловая специфика «новой холодной войны», по сравнению с предыдущими конфликтами, относившимися к войнам этого типа, заключается:

1) в интенсивности и широте охвата аудитории информационных воздействий, которая приобрела глобальный масштаб;

2) систематическом и комплексном применении медийных и новомедийных средств;

3) создании нового дискурса войны, направленного на разрушение имеющихся и формирование новых интерпретационных и смысловых механизмов восприятия действительности [7].

Анализ дискурса гибридной войны предполагает внимание к ее семантической составляющей и создаваемых в рамках современного политического дискурса новых семиотических конструктов. Для этого нужно определить дискурсивные механизмы продуцирования смыслов, распространяемых современными медиа и социальными сетями, поскольку дискурс современного конфликта не ограничивается деятельностью традиционных средств массовой информации, но и активно транслируется социальными сетями.

В целом, связь «новой Холодной войны» с лингвистическими явлениями, перформативами, подтверждает роль, которую развитая языковая личность, субъект современной социальной жизни уделяет факту осложнения международной обстановки в течение последних 10 лет, что определяет актуальность данной статьи.

Актуальность темы обусловлена также и тем фактом, что терминология «новой Холодной войны» активно используется и западном политическом дискурсе, формирующем политическое сознание наций и народов, правительства которых находятся в острой оппозиции по отношению к России, стремясь сохранить «однополярную» структуру мирового цивилизационного развития, отрицая право иных государств иметь свою точку зрения в отношении острых проблем современности и вести независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Для всестороннего и комплексного исследования лингвосемантических аспектов воспроизведения дискурса новой холодной войны в условиях перехода к многополярному миру в современном английском языке в качестве основного используется описательный метод, с помощью которого выделены, классифицированы и представлены языковые репрезентанты концептуального содержания исследуемого концепта.

Контекстный анализ, используемый в работе, обеспечил описание и структурирование номинативного поля концепта, а способы наблюдения за языковым материалом и способ компонентного анализа сделал вероятным систематизацию вербализаторов концепта. На базе логической индукции и дедукции, ассоциативного метода очерчены семантические и ассоциативные связи между компонентами смысловой организации предмета концептуализации. Метод верификации речевого материала позволил уменьшить долю авторского

субъективизма в процессе восприятия языковых средств выражения концепта и предоставил возможность определить его функциональную значимость в современном политическом дискурсе.

Цель

Целью статьи является исследование лингвосемантических аспектов воспроизведения дискурса «новой Холодной войны» в условиях перехода к многополярному миру в современном английском языке.

Для достижения поставленной цели нами использовалась система методов, позволяющих исследовать концепт «Холодная война» с точки зрения его воспроизведения в дискурсивных практиках социальных сетей, а именно методов лексико-семантического анализа, а также подходов к исследованию лексико-семантических явлений, основанных на концептуально-дефиниционном и функционально-репрезентативном анализе.

Материалами исследования стали информационные сообщения и аналитические статьи, опубликованные до марта 2022 года в социальной сети Твиттер западными политическими аналитиками, блогерами, вошедшими в ТОП 100 экспертного политического сообщества (Ben Smith @benpolitico; Jake Tapper @jaketapper; Erick Erickson @ewerickson; Scott Rasmussen @RasmussenPoll; Mark Blumenthal @MysteryPollster; Sam Graham-Felsen @samgf; Reid Wilson @HotlineReid)

Изложение основного материала

Согласно определению, которое приведено в Военном энциклопедическом словаре, «Холодная война» представляет собой особые политические отношения между государствами, принадлежавшими к различным социально-экономическим системам, прежде всего между США и СССР, в период с середины 40-х до начала 90-х гг. XX века. Для «холодной войны» были характерны: военно-политическая конфронтация, гонка вооружений и рост военных расходов, милитаризация экономики и других сфер общественной жизни, внешняя политика «с позиции силы», меры экономического давления (эмбарго, экономическая блокада и т.д.), подрывная деятельность, формирование военных блоков и союзов, создание военных баз на чужих территориях, развёртывание враждебной пропаганды, приобретающей характер «психологической войны», разжигание военной истерии [3].

Приведенные выше признаки «Холодной войны» весьма схожи с той ситуацией, которая разворачивается в мире на наших глазах, в связи с чем употребление термина «Холодная война 2.0» в современном общественно-политическом дискурсе представляется вполне обоснованным.

Не смотря на то, что «Холодная война» завершилась в 1991 году, данный термин обрел вторую жизнь на фоне политического противостояния, семантическую природу которого определяет, прежде всего, лексема «война», о чем речь шла выше, с точки зрения семантического накопления ее содержательных признаков, явившихся, следствием исходной синкреты этимологического комплекса значений [9].

Сама же семантика войны связана с накоплением в языковом сознании устойчивых ассоциаций с проблематикой страданий, смерти, разрушений, злодеяний и иных атрибутов, характеризующих «ужасы военных действий».

В тоже время термин «Холодная война» призван несколько смягчить трагическую семантическую раскраску

военного противостояния, вступая в антонимические отношения с термином «горячая война», для которого присущи ассоциативные связи, приведенные выше. Семантика «Холодной войны» подчеркивает ее «холодность» в отношении методов проведения «военных действий», которые не предполагают физическое «горячее» вооруженное противостояние, но, тем не менее, имеют ярко выраженный конфронтационный, конфликтный подтекст.

В этом смысле следует говорить о метафоричности термина «Холодная война», когда данная метафора выступает в качестве концептуальной (базовой) метафоры, определяющей состояние острой политической конфронтации и сыгравшей важнейшую роль в трансформации восприятия «войны», и в развитии ее понятийной системы и коммуникативного потенциала [8].

Как указывает Е.Н. Галаниди, основным семантическим подтекстом коммуникативных стратегий, применяемых участниками политической коммуникации периода «Холодной войны 2.0», есть макроинтенция – борьба за власть. Тот факт, что субъекты политической коммуникации находятся в ситуации конкурентной борьбы, столкновения интересов и целей, сказывается на характере их коммуникативного поведения, когда под влиянием фактора существования политического противоборства говорящий вынужден не только максимально повышать свой статус, но и максимально уменьшать значимость статуса своего политического оппонента, используя для этого соответствующую лексику [4].

Собственно, в этом семантическом поле и развивался прошлый концепт «Холодная война», в рамках которого происходила битва идеологий, одна из которых воспринималась в качестве безусловно верной и прогрессивной, а иная – ошибочной и теоретически ущербной.

Об этом же пишет и Е.Н. Глазунова, говоря о том, что одним из признаков политического дискурса прошлых лет является его идеологическая наполненность, множественность речевых штампов, усиливающих агрессивность и враждебность в отношении оппонента. Коммуникативная агрессия выступала проявлением желания унижить, подавить соперника в конкурентной борьбе, в связи с чем дискурс «Холодной войны» изобилует конфликтно-уничтожительной лексикой (inability, limitation, weakness, impotence, collapse and other) [5].

Такая ситуация была характерна для дискурса «Холодной войны» в XX столетии, и данная тенденция формируется в западном информационном пространстве и сегодня (например, «Russia has no chance of winning the new Cold War for the reason that its information resources, in terms of technical and technological development, cannot compete with Western information technologies» – «Россия не имеет шансов на победу в новой холодной войне по той причине, что ее информационные ресурсы, в плане технико-технологического развития, не могут конкурировать с западными информационными технологиями»; или, например, «The West has indeed taken the lead in creating a new political reality in which “the new Cold War imposed by Russia is not perceived as a serious threat» – «Запад действительно вырвался вперед в создании новой политической реальности, в которой «новая Холодная война», навязываемая Россией, не воспринимается как серьезная угроза») [7].

Однако, в настоящее время, концепт «Холодная война» предстает в западном англоязычном конфликтном дискурсе в трансформированном виде, здесь имеется ввиду его модификация «new Cold War», «new Cold War 2.0», что находит отражение в содержательной структуре данного концепта.

В результате проведенного анализа базового концепта «Cold war» можно сказать, что в его структуру вошли следующие субфреймы, отражающие его семантические признаки, ранее отсутствовавшие в концептосфере «Cold war».

- Метафора «многополярности», однополярности»: «The “new cold war” arose against the backdrop of rejection of the ideas of the global south regarding the transition to “multipolarity” in international relations, the desire of Western countries to maintain “unipolarity,” independently determining the place of states and peoples in modern political solitaire» (Ben Smith). – «Новая холодна война» возникла на фоне неприятия идей глобального юга по поводу перехода к «многополярности» в международных отношениях, стремления стран запада сохранить «однополярность», самостоятельно определяя место государств и народов в современном политическом раскладе».
- Метафора участия и разрушительной роли данного участия. «All participants in the confrontation must understand that a new Cold War will have devastating consequences for global political stability and the economy» (Jake Tapper). – Все участники противостояния должны понимать, что новая «Холодная война» будет иметь разрушительные последствия для мировой политической стабильности и для экономики.
- Метафора методов ведения. «Modern methods of waging the Cold War significantly exceed their destructive power than the methods of ideological resistance of past decades» (Scott Rasmussen). – «Современные методы ведения «холодной войны» значительно превосходят по своей разрушительной силе методы идеологического противостояния прошлых десятилетий».
- Метафора угрозы. «The threat of a “new Cold War” has faced humanity in full force and threatens to develop into a “hot phase of the “confrontation between East and West”» (Scott Sam Graham-Felsen). – Угроза «новой Холодной войны» в полный рост встала перед человечеством, грозит перерасти в «горячую фазу» противостояния Востока и Запада».
- Метафора враждебности. «The new Cold War expresses previously unknown hostility in the relations between the United States, China and Russia» (Reid Wilson). – «Новая холодная война транслирует враждебность, ранее не свойственную отношениям между США, Китаем и Россией».
- Метафора идеологической пустоты. «Ultimately, the substantive side of the new Cold War is devoid of ideological content» (Mark Blumenthal). – «В конечном итоге содержательная сторона новой холодной войны лишена идеологического наполнения».
- Метафора неограниченности. «The danger of a new Cold War is that it has no defined boundaries and is being fought without regard for responsible political confrontation» (Ben Smith). – Опасность новой холодной войны состоит в том, что она не имеет очерченных границ, ведется с игнорированием законов ответственного политического противостояния».
- Метафора ретроспекции: «Analyzing the current political situation, it seems that we have gone back at least 70 years to the beginning of the Cold War era» (Erick Erickson). – Исследуя современную политическую ситуацию, складывается впечатление, что мы вернулись, по крайней мере, на 70 лет назад к началу эпохи «Холодной войны».
- Метафора интенсивности. Идеологическое противоборство в условиях «новой Холодной войны» ведется с небывалой ранее степенью интенсивности, благодаря использованию новых СМИ

- Метафора динамичности. Новая «Холодная война» характеризуется краткосрочностью, имея ввиду быструю смену «холодной военной фазы» «горячим» вооруженным противостоянием.
- Метафора миротворчества. «The West did not seek to unleash a new round of the Cold War; on the contrary, all the political steps and processes taken by the West, starting in the 90s of the twentieth century, were a series of concessions and unjustified compromises» (Mark Blumenthal). – Запад не стремился к тому, чтобы развязать новый виток «Холодной войны», напротив все политические шаги и процессы, принятые Западом, начиная с 90-х годов XX столетия, были чередой уступок и неоправданных компромиссов.

Обратим внимание на то, что фактор перспективы в этой «войне» срабатывает таким образом, что агрессор, действуя дискурсивными средствами, пытается идентифицировать себя как миротворца, приписывая объекту нападения роль нападающего.

Отдельно следует обратить внимание на то, что в социальных сетях широко используется метафорический потенциал концепта «Cold War», в результате чего осуществляется метафорический перенос ее конфликтного смысла в область семейно-бытовых и общественных отношений. Например, «The Cold War remains the life platform on which relationships are built in many American families». – «Холодная война, по-прежнему, является жизненной платформой, на которой строятся взаимоотношения во многих американских семьях»; или например, «Sociologist Philip N. Howard recently used the term “new Cold War” to describe “battles between broadcast media and social media upstarts that have vastly different approaches to news production, ownership, and censorship».. – «Социолог Филип Н. Ховард недавно использовал термин «новая холодная война», чтобы описать «битвы между вещательными СМИ и выскочками в социальных сетях, которые имеют совершенно разные подходы к производству новостей, собственности и цензуре» [7].

Такая сложная структура данного концепта определяет и его широкое семантическое поле, в котором формируется восприятие современной политической реальности в западной политологии и в западном политическом дискурсе.

При этом в пространстве англоязычных социальных сетей формируется военная метафора «new Cold War» в соответствии с новыми коммуникативно-прагматическими потребностями публицистического текста, происходит расширение первичного семантического объема концепта «Cold War», оформляется его новая контекстуальная (оказиональная) коннотация, определяющая новые языковые грани современной политической ситуации.

Подобные процессы определяются характером определенного образа, заложенного в метафоризированном термине «new Cold War», который формируется на основе противостояния двух политических концепций (однополярности и многополярности), пришедших на смену ранее существовавшей концепции противостояния «двух миров и двух систем», в основе которой лежала идеологическая составляющая.

Сегодня при отсутствии идеологических противоречий, между Россией и странами Запада, поле противостояния смещается в сторону гуманитарного осмысления социально-политических процессов, в сторону отставания идей национального суверенитета и права наций на решение своей судьбы.

В этом содержательном ключе, по нашему мнению, и будет в дальнейшем развиваться и конструироваться

средствами массовой информации лексико-семантическое поле концепта «new Cold War», «новая Холодная война».

Вывод

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что дискурс «новой Холодной войны» в условиях перехода к многополярному миру представляет собой военную метафору и сложный концептосценарий, формирующийся на протяжении последних 70 лет, отражающий фазу острого политического (невоенного) противостояния главных субъектов мировой политики (России (СССР) и стран Запада), структура которого имеет подвижную семантическую окраску, меняется под воздействием экстралингвистических факторов, а также под воздействием политической ситуации и отношений, между противоборствующими сторонами.

Широкий спектр символов и элементов позволяет утверждать, что современная языковая картина противостояния стала той реальностью, через призму которой сегодня в англоязычном дискурсе воспринимаются политические события и процессы. При этом внешние и внутренние вызовы современности стали основанием для того, чтобы в англосаксонском языковом сознании произошло переформатирование базового содержания концепта «Cold War», его трансформация в концепт «new Cold War» с определенной степенью коррекции его семантических признаков, содержания понятий, образов прошлого, вошедших в современный политический процесс.

Литература

1. Амиров В.М. Идеологема «холодная война»: аспекты функционирования в историческом и современном медиапространствах / В.М. Амиров, Т.А. Глебович // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 80–95.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология эпохи холодной войны // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 47–53.
3. Военный энциклопедический словарь. Холодная война. – Режим доступа: [@ morfDictionary](https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13974)
4. Галаниди Е.Н. Философская метафорика войны: дис. канд. филос. наук. –Ставрополь, 2013. – 189 с.
5. Глазунова Е.Н. Связка «Безопасность – развитие»: рождение концепта и его эволюция в годы «Холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 8–39.
6. Ковалев Н.А. Эволюция субфрейма Spheres сценарного концепта cold War (1947–1991 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 157–163.
7. Ковалев Н.А. Концепт New Cold War на фоне вызовов современности (на материалах англоязычный прессы) // Филологические науки в МГИМО. 2022. № 8 (2). С. 18–28.
8. Лассан Э. Термин «холодная война» как системообразующая метафора. – URL: <https://culturolog.ru/content/view/4280/63/>
9. Садова Т.С. «Холодная война» в кавычках: фиксация устойчивого выражения в русском публицистическом тексте.– URL: <https://culturolog.ru/content/view/4280/63/>

10. Чес Н.А., Ковалев Н.А. «Свои» versus «чужие»: динамика развития и манипулятивный потенциал концепта холодная война в англоязычном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017.
11. Чучуев Д.О. Современный дискурс «холодной войны»: фаза ретроспекции концепта «враг» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 344–350.
12. Kovalev N.A. Dynamics of the cold war concept's figurative component in the US political discourse. *Professional Discourse & Communication* Vol. 2 Issue 1, 2020. P. 10–23.

LINGUOSEMANTIC ASPECTS OF REPRODUCING THE DISCOURSE OF THE NEW COLD WAR IN THE MIDST OF THE TRANSITION TO A MULTIPOLAR WORLD IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE (INCLUDING SOCIAL NETWORKS)

Kuznetsova T.A., Korovina L.V.
MGIMO-University

The purpose of the article is to study the linguistic and semantic aspects of reproducing the discourse of the new Cold War in the context of the transition to a multipolar world in modern English.

The structure of the concept under study determines its broad semantic field, in which the perception of modern political reality is being formed in Western political science and in Western political discourse. Currently, in the absence of ideological contradictions between Russia and Western countries, the field of confrontation is shifting towards a humanitarian understanding of socio-political processes, towards the obsolescence of the ideas of bipolarity, national sovereignty and the right of nations to decide their own destiny. In this meaningful way, in our opinion, the lexical-semantic field of the concepts “new Cold War”, “new Cold War” will be further developed and constructed by the media.

The discourse of the “new Cold War” in the context of the transition to a multipolar world is a military metaphor and a complex conceptual scenario that has been emerging over the past 70 years, reflecting a phase of acute political (non-military) confrontation between the main subjects of world politics (Russia (USSR) and Western countries), the structure of which has a flexible semantic coloring,

changes under the influence of extralinguistic factors, as well as under the influence of the political situation and relations between the warring parties.

Keywords: cold war, semantics, discourse, concept, metaphor, conflict.

References

1. Amirov V.M. Ideologeme “Cold War”: aspects of functioning in historical and modern media spaces / V.M. Amirov, T.A. Glebovich // *News of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities*. 2023. T. 25, No. 1. P. 80–95.
2. Budaev E.V., Chudinov A.P. Linguistic Sovietology of the Cold War era // *Political linguistics*. 2009. No. 3. pp. 47–53.
3. Military encyclopedic dictionary. Cold War. – Access mode: [@morfDictionary](https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13974)
4. Galanidi E.N. Philosophical metaphors of war: dis. Ph.D. Philosopher Sci. – Stavropol, 2013. – 189 p.
5. Glazunova E.N. Link “Security – development”: the birth of the concept and its evolution during the Cold War // *Bulletin of Moscow University. Episode 25. International relations and world politics*. 2016. No. 1. P. 8–39.
6. Kovalev N.A. Evolution of the Spheres subframe of the cold War scenario concept (1947–1991) // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019. No. 4. pp. 157–163.
7. Kovalev N.A. The concept of New Cold War against the backdrop of the challenges of our time (based on materials from the English-language press) // *Philological Sciences at MGIMO*. 2022. No. 8 (2). pp. 18–28.
8. Lissan E. The term “Cold War” as a system-forming metaphor. – URL: <https://culturolog.ru/content/view/4280/63/>
9. Sadova T.S. “Cold War” in quotation marks: fixation of a stable expression in a Russian journalistic text. – URL: <https://culturolog.ru/content/view/4280/63/>
10. Ches N.A., Kovalev N.A. “Ours” versus “theirs”: the dynamics of development and the manipulative potential of the cold war concept in English-language political discourse // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2017.
11. Chuchuev D.O. Modern discourse of the Cold War: phase of retrospection of the concept “enemy” // *Social and humanitarian knowledge*. 2019. No. 3. pp. 344–350.
12. Kovalev N.A. Dynamics of the cold war concept's figurative component in the US political discourse. *Professional Discourse & Communication* Vol. 2 Issue 1, 2020. R. 10–23.